

www.triada-kungfu.ru

АНДРЕЙ ЛОГИНОВ

НАЗИДАНИЕ

СТИХИ
ЭТЮДЫ
МИНИАТЮРЫ

Санкт-Петербург
SYMPOSIUM
2014

Логинов, Андрей

Л 69 Назидание / Стихи. Этюды. Миниатюры. — СПб.: «Симпозиум»; Международная Ассоциация клубов КУНФУ «Триада», 2014. — 440 с.

ISBN 978-5-89091-476-7

Логинов Андрей Алексеевич — поэт, писатель, Мастер воинских искусств, путешественник, автор нескольких сборников стихов, романа, новелл, притч, киносценариев, путевых заметок и целого ряда статей в периодике. Произведения Логинова переведены и опубликованы за рубежом на китайском и английском языках.

«Назидание» — это беспрецедентная энциклопедия чувств, поэтический мастер-класс мистического опыта для окрыленных любовью или ждущих ее благодати, для ищущих свою духовную стезю и нуждающихся в интимном открытии Смысла жизни.

Всякое коммерческое воспроизведение текста или оформления книги — полностью или частично, в печатном или электронном виде — возможно исключительно с письменного разрешения Издателя. Нарушения преследуются в соответствии с законодательством и международными договорами РФ.

© А. Логинов, 2014
© Издательство «Симпозиум», 2014
© Издательство «Симпозиум»,
оформление, 2014

ISBN 978-5-89091-476-7

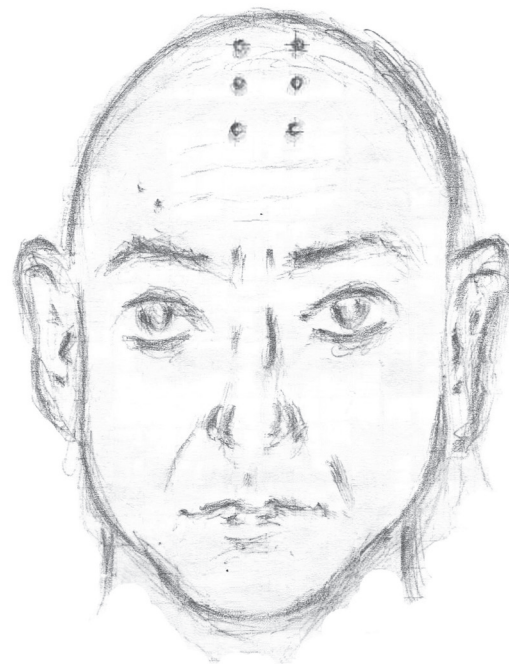
Сборник «Назидание» — это уникальная веха, событие в мире современной поэзии. Как и все значимое, книга требует особого подхода, взамен же щедро дарит изысканное, утонченное откровение.

Поэзия Андрея Логинова — целый космос, открытый для всех и доступный для немногих.

Вам повезло, если удалось стать одним из немногих.

Александр Сокуров

Это всё моя стихия,
всё мои стихи

Автопортрет
в образе шаолинского
монаха.
Шаолинг

*Глубокий до бесконечности, чудовищно
потенциальный, писчий лист останавливает
белоснежной стеной неприкосновенности
к изначальной пустоте.*

*Лист чист... Не мят, не исписан... Безлик
и неинтересен, анонимен и комичен трагичностью
до поры росчерка на нем. Росчерка личным
почерком автора, определяющего цену. Цену
потерявшего невинность листа...*

ПО СРЕДСТВАМ — ПОСРЕДСТВОМ

*С благодарностью Леониду Богораду —
другу и воспитаннику*

Пусть из-под этого пера
шедевром встанет жизни сцена.
Вся твоя жизнь — чиста, щедра,
талантлива, как музыка Шопена.

Пусть льются строки из души
волнительной, как океана волны.
Свои пусть будут, не чужи
и так же глубиною полны!

ОМУТ СЕРДЦА

Рябью волнистой плещется омут,
прячет в глубинах сладости боль.
В нем постоянно всплывают и тонут
столь дорогие, родные нам столь
мгновения взлетов, мечтой окрыленных,
встреч, расставаний — любви острова.
Невольны ли омутом крепко плененных
иль добровольно нырнувших туда?
Навсегда.

УЛИКА

По будущему шарю взором,
как будто следуя ножу,
чьим по затейливым узорам
я лезвием легко вожу.
Чье острие без принужденья
рисует бороздою след.
Как отголосок вдохновенья —
в картине, где меня уж нет.

ИСТОМА МИРОЗДАНЬЯ

Сумерки рассвета:
тьма, несущая в себе
готовность для бездны света.
Яркость света вечерней зари
пышет просьбой ко тьме —
прими.
Их интимной игры диалог,
стыдась зависти, слушает бог.

* * *

Звезд услышать донный шепот,
эхом в сердце неги стон...

Звезд, сплетенных в венок,
легкий блеск ослепляет.

ТЯЖЕСТЬ НЕВЕСОМОСТИ

Зябко немного душе и прохладно
обнаженной в небе витать.
Но до чего ей комфортно и ладно
сущность свою свысока наблюдать.
Солнце искрит свои космы,
звезды моргают огнем.
Всюду родной мне космос.
Ночью его люблю я и днем!

ВЗДЫБАЕМЫЙ ГОРИЗОНТ

Сквозь близорукость непроглядной ночи упереться
пристальным взглядом в неряшливо обильную сыпь
галактики, которая в известном смысле является нашим
домом-локалом посреди бесконечного сияния окружающей
Млечный Путь глубины дальнотерко-слепой Вселенной...

* * *

Заоблачные дали,
сколько любви вы мне дали!

И слабость хороша,
если она проявляется вовремя.

ПРИЛИВ РОБОСТИ

Волны прилива
искрятся игриво,
как звезды,
вплетенные
в пышную гриву.
Радость, как робость, —
волной по душе.
Дрожью по коже
чувствую тоже —
радости робость
приходит ко мне.

Сыплет звездность свою суть.
Как же можно в ней уснуть?

НЕБА КУПОЛ ЗОВЕТ

Россыпью
звездная пыль
в черном небе.
Росы пью:
сказка-быль,
где я не был.

Небо мой дом.
Только им я ведом!

НА КРУТИ СВОЯ

К небу, сыном к отцу, обращаюсь.
Возвращаюсь,
к тебе возвращаюсь.
Прими.

Не зной, но холод —
суть моя.
Морозный космос
в основе Я.

ПРИЗЫВ

Грома грохотом,
как бога хохотом,
вспышкой молнии осень,
призывает небо меня.
Отблеск в сердце
небесного свода
светит надеждою —
там Свобода!

* * *

Чтоб мягкий пух земли
небесной твердью обернулся...

Каков дух, таков и слух.

НУ И ВЗГЛЯД!

Вокруг позорного столба толпа.
Не видно, кто прибит, —
толпа густым кольцом стоит.
Но видно, что клеймо на лбу.
За это и прибит к столбу.
Клеймо сияньем ослепляет,
и бесит святостью оно.
Догадки ужас в чернь вселяет:
так в Вечность светится окно.
Позорный столб — удел обычный
для тех, чье сердце слишком зычно.
Чей взор пронзительный, как зов
освободиться от оков.

* * *

Зажжем костры свободы из жалкой плесени книг!
Не горят только рукописи!

* * *

Сила человека определяется его честностью.

* * *

Совесь, как благая вель,
сладко жжет, предупреждает.
Совесь, выявляясь в честь,
боль души освобождает.
Совесь, не пуская лесть,
скромность в силе убеждает.
Совесь, охлаждая месть,
чистотой ввысь поднимает.
Совесь. Стыдно ли тебе?

* * *

Честный трусом не бывает!

* * *

За ложные взгляды
заложником взяли.
Страшаете.
Недостатки у бога
не судите вы строго.
Прощаете?
Адвокат слабоват, запинается.
Снова бог на засов запирается.
Общество.

* * *

За «Да» всегда спросят!
Это не «Нет», на которое суда нет.

ЧЕРНЫЙ ОГОНЬ

(Втроем с Землей и Небом)

Здоровая нормальность
как лишняя формальность.
Нелепа и сыта.
Не мрака пустота —
наполненность довольства.
Не знать ей беспокойства,
не ощутить и боль томленья.
Лишь недалекость умиленья
и осуждение темноты.
Туманность же мечты,
желанность заблужденья
наощупь в продвиженьи
ей не понять.
Какое счастье: в стороне стоять
при дележе никчемности богатств.
Не знать им крепости тех братств,
которых темнота скрывает.
Она лишь тех объединяет,
кто болью сердца светит изнутри,
явив в своем единстве цифру «три».

ТРИ ЯВИ В ОДНОМ ЯВИСЬ

Яви недоступность —
пусть похоти трупность
язвами душу гноит у других.
Яви недоступность —
пусть страсти преступность
клеймо выжигает на сердце у них.
Яви неотступность —
поступков пусть крупность
определяет пульсом твой стих.
Явись.

* * *

В искрах чистоты, в жаре страсти,
в глубине пронзительности — истина...

Жизнь — бессмысленных дней вереница.
Ох, как же хочется остановиться!
Нет, братья! Жизнь — это другое...

ДРУГОЕ

Как темно без идеала,
будто мрака одеяло
вдруг накрыло сердца взор.
Тогда сразу жизнь вся вздор,
тогда не к чему стремиться.
Чьим примером укрепиться,
чтоб слепцов жужжащий рой
не повел бы за собой?
Чтоб суметь душою тонкой
все ж услышать голос звонкий,
сквозь толпы нестройный хор
сердца шепот: жизнь не вздор.

* * *

То ли шепот, то ли крик,
то ли сердца стук...

* * *

Всегда есть выбор у идущих,
бегущих ли или бредущих.
Понуро голову склонив
иль в небо взор свой обратив.
Всегда есть выбор. Тверже шаг.
Свобода раздвигает мрак.

* * *

Выбиваться из сил — из толпы выбираться.

* * *

Дорога не может не звать,
даже если это путь в преисподнюю.

* * *

Стелить свой путь благими намерениями необходимо,
даже если в итоге дорога вымостится в ад!

ПУТЬ

(Глаголь повелительным наклоном!)

Слово «встань» —
животной пошлости грань.
Слово «ляг» —
устало упавший стяг.
Слово «сядь» —
лагерной седины прядь.
Слово «дай» —
конвойной собаки лай.
«Стой» слово
выстрелом убивает снова.
Только «иди» отпущением веет.
Ступаю.

* * *

Темнота как чистота, — истинности суть.
Беднота как доброта, — бескорыстья путь.

Суть дороги — судороги.
Дóроги мне, дóроги.

ПРЕЛЮДИЯ

Верой-правдой суть вещать.
Обещать как обнищать.
Хулить как хвалить,
ощущать как очищать.
Целовать как жалеть,
умирать как желать.
Снисхожденья искать,
повод в руки давать.
И стегать,
и стегать!
Как играть —
истекать...

* * *

Что имеем — не храним,
потерявши — плачем.
Добродетель псевдоним,
суть зовут иначе.

Иголку сути в суетном стоге
успеть найти за жизнь свою...

И бесконечность, вспоротая духом,
над богом бога выдает!..

Над небом есть небо, за богом есть бог.
И кто бы ты ни был — иголка иль стог,
однажды придется поиск начать
того, что зовется сути печать.
Найти, распечатать, понять, обрести,
чтоб дальше по жизни собой суть нести!

* * *

Из тьмы седых веков и света завтрашнего дня
пришел я в этот мир.
Каким же бурям чувств я отдал свою душу!

Как муэдзин, закрыв рукою ухо,
взываю с минарета я к толпе...

СУЩИЙ СУФИЙ
(*Моление в танце*)

Хочешь суть собой являть?
Поверни движение вспять!
Чтобы внутрь, а не вовне,
к свету чтоб, а не ко тьме.
В сердце взор свой обращать:
в правду ложь чтоб превращать.
И вращать, и вращать —
кафтан юбкою стращать.
И кружить, и кружить —
чтоб полней, полнее жить...

* * *

С меня спросят — камнем вниз сбросят.
Если сквозь тщедушие не докричусь.

* * *

Не хочу прощать и быть прощенным,
понятым хочу быть и понять.
Чтоб в итоге, к сути обращенным,
все же для себя хоть правдой стать!

* * *

Посмей посмешищем не быть!
Собою суть вещей явить.
И вечный космос так взлюбить,
что чувство это воплотить
в себе самом.
Хозяином, но не рабом
душою в Вечность раствориться.
Любовью в мире проявиться,
и истинностью насладиться,
и суть вещей собой явить.

НЕЯВЛЕННЫЙ

Тебе, позвавшему на Путь,
мне хочется в глаза взглянуть.
С Тобой, сказавшим мне: «Идем!»,
лишь хочется ступать вдвоем.
Чтобы потом, когда-нибудь,
явить собою Твою суть.

ПРИНУЖДЕНИЕ К ПРОБУЖДЕНИЮ

Разбуди меня, пробудившийся!
Даже если с пути ты сбившийся.
Даже если продрог ты от холода.
Даже если ослаб ты от голода.
Разбуди меня, пробудившийся.
Теплого крова и сладкого сна
безвозвратно внезапно лишившийся.
Разбуди, поднимая со дна,
даже если не веришь в себя.
Пробудившийся — это я!

* * *

Мир удивительно сложен и прост,
как у отшельника длительный пост.

* * *

Чахлости прелость —
не мудрости зрелость!

Вся жизнь отшельника в аскезе,
все мысли мудрого в миру.
Отшельник счастьем лишь грезит,
но мудрый же идет к нему.

* * *

Иногда он ловил себя на мысли,
иногда и нет...

* * *

Паломником, но не по волчьему билету,
попасть в суровый север Соловков.
Чтобы потом поездку эту
хранить, как ключ от бренности оков.

ПАЛОМНИК

Поднимаюсь все глубже я вниз.
Опускаюсь все выше я ввысь.
В огонь, как в бога, зрят глаза:
свечи горячая слеза
благословеньем обжигает.
Сверкает, святостью сверкает
и откровеньем в путь зовет
никчемный быта бросить гнет.
Прощаю. Всех прощаю.
Вернусь я. Обещаю.
На всех я снизойду.
Когда Туда дойду.

Не всегда седой святой,
не всегда с клюкой хромой.

БУДНИ АСКЕТА

Обвалом страсть.
В пропасть чувства
камнем упасть.
Лавиной желанье —
в шторм обожанья.
В океан наслажденья...
Уйди, наважденье!
Что, — безволие?
Да, не более.

* * *

Прикипаю душой до ожога
к проявлениям бытия.
От того так противна изжога
несовместимости: быт и Я!

СТРОВОМ МАРШЕМ ПО ЖИЗНИ

Хрустят осколки кривотолков
под шагающей стопой — Ой!
Под ногами не стой!

ПЕЧАТНЫХ СТАНКОВ ГИЛЬОТИНЫ

(Фальшивомонетки)

Из света лунного, что льется серебром,
поклон отдав, очистившись добром,
чеканит лик вождя.
Как блик монетного дождя,
отсвечивают спицы
колесницы,
которой правит лидер наш.
Властитель звезд и Солнца страж.
В тираж его, в тираж.

Не верю я, что победит неверие!

НЕБЕСНЫЙ МАНДАТ

Грозно хмурятся небеса,
произвол не приемлют творимый:
слабых братьев дрожат голоса —
пал Наставник, толпою гонимый!
Он не выгреб в житейской пучине,
захлебнулся в потоке хулы.
По другой ли, по этой причине
не взлететь ему снова из тьмы.
Не подняться величием духа,
не позвать из никчемной тщеты.
Его пепел теперь легче пуха
охраняют надгробья щиты.

ВОЖАКА ПОТЕРЯВШАЯ СТАЯ*(Благодать проклятости)*

В мерзлых сумерках под луною,
в небо глядя с тоской и уныло, —
строя хочется, дерзкого строю! —
лежит плотно, теплее чтоб было,
серых братьев поджарая стая.
Заждались на охоту призыв.
А вожак их, уставший от рая,
от разлуки со стаей завыв,
спит и видит заснеженность поля
и что братья за ним все — след в след.
Хоть и проклята волчья их доля,
для него слаще выбора нет!
Пули боль из груди выгрызая,
душу в клочья клыком своим рвет.
Волк вернется — он знает, что стая
вожака загулявшего ждет.

*Тайвань,
в ночь на III тысячелетие*

ВОЛК-ПРОВОДНИК

Я не рожден овцой заблудшей
по миру пастбища искать.
Прося у неба доли лучшей,
откармливать овечью стать.
Волка хищного оскал
по жизни кредо моим стал.
Рысцою одиночки-волка
топчу я пастбища без толка.
У пастырей же иногда
я расхищаю их стада!
Паствой, пастырь, поделись,
с воєм взмою с ними ввысь.

* * *

Путь, который он не выбирал...

Примеряя робу бога.

НАЧИНАЮЩИЙ БОГ

Я взошел туда, откуда нет возврата.
Дымчатая звездность моросит.
Небольшая прошлого утрата,
Будущее за нее простит.
Память, как копилка, сохранила
Шрамами на сердце долгий путь.
И меня опять вдруг поманила
И кольнула болью: твердым будь!
Не пеняй на сломанные кости,
Не смотри на истощенье сил.
Это трус лишь скажет — брось ты!
Каждый на твоём когда-то месте был.

* * *

Чего еще бояться,
коли смерть не страшна!

НА ПОДПИСЬ К УТВЕРЖДЕНИЮ

Как, Смерть, ты нам ни угрожай,
мы снимем клятвы урожай.
Вся наша жизнь пусть будет жатва.
И в этом сущность нашей клятвы.
Ее усердие и боль.
Ты к ней прислушаться изволь!

* * *

Штурвалом сделать колесо сансары
и парусами духа править в высь небес...

* * *

Змеей извивается знамя,
трепещет крылом журавля.
Сердец разжигает пламя,
его знаменосец — Я.

Незапятнанная честь —
неотъемлемая часть.

СЕРДЦЕ-СТЯГ

Знамя мое родное
светом вьется над тьмою.
Могучее древко в руках
на врагов навевает страх.
Звездной ткани полотно
отражает неба дно.
Символ святости на нем.
Сущность — сердце. Бога дом.

Сердцебиение — страсти знамение.
Агония размером в жизнь.

С СЕРДЦЕМ НАПЕРЕГОНКИ

Сердца стук как диалог —
бьется мягкий ровный слог.
Хочет многого добиться —
начинает торопиться.
Мир огромный весь объять:
вот бы стуком суть догнать!

* * *

В ладоши хлопать чужим успехам,
притворно охоть сторонней беде.
Не знать тоски по ратным доспехам,
но помнить, сердце оставил где...
Сочувствие.

* * *

Вот это да! — стучится сердце.
Вот это да! — поет душа.
Как хорошо, что некуда мне деться.
И для охраны лишни сторожа!

ФАКТ ИНФАРКТА

Душа — стрела,
а сердце — цель.
Мишень цела,
в стреле же щель.

* * *

Как мотылек под клювом птицы,
трепещет сердце под ударами судьбы.

Сутру с утра жду.
Сердце дотла жгу.

СЕРДЦЕ, ПОДОБНОЕ МЕРТВОМУ ПЕПЛУ

Не бывает дыма без огня,
но огонь без дыма — не редкость.
Тренирую день ото дня
ожогами сердце. На меткость.

БЫСТРОТЕЧНОСТЬ

Вспомню — и дрогнет сердце не в такт,
а потом учащенно забьется.
Вздрагну — и вспомнит вновь сердце тот факт,
что жизнь в Бесконечность несется.

СУХОЙ ПАЕК ДУШЕВНОГО ТЕПЛА

Справедливо поступаю:
даю каждому по паю.
Паю горести и боли,
благодати нет уж боле.
По людским сердцам ступаю.
Справедливо поступаю?

* * *

С глаз долой, из сердца вон!
Не дурной ли это тон?
Появившись на глаза,
снова в сердце — как тогда?
Тут уж тоном не пронять —
сердце надобно менять.

* * *

В туманных сумерках
аллея тонет парка.
Не видно никого,
но чьи-то каблучки,
как по сердцу, стучат...

* * *

Память сердца
как свет солнца —
душу греет, жизнь дает,
болью к чуткости зовет.
Сердца стук.
Кто там?
Друг.

* * *

«И роза, брошенная другом,
больнее бьет, чем камень,
брошенный врагом!»

Мансур Халладж

Мужская дружба — это кремень, от искр которого
пламенеют сердца.

Она, как и взаимная любовь, возможна (может
полнокровно жить) только под девизом: если не вместе,
то навстречу друг другу. В противном случае это агония.

КО ВСЕМ МОИМ ПОТЕРЯННЫМ ДРУЗЬЯМ

Вы все остались верными —
я потерялся в жизни сам.
Найдуся и вернусь.
Дождитесь.

* * *

Моим друзьям — близким до любви!
Далеким до отчаянья...
Желанным до объятия!
...От обреченного до распятия...

* * *

Последнюю хлеба горбушку, что пополам —
целую другу отдам!

Спасибо вам, Учителя,
за то, что я есть только Я.
Спасибо вам, друзья мои,
что души вверили свои.
Храню.

* * *

Великодушие далеко не всегда снисходительность!

* * *

Одной мечтой я захотел связать
трепещущие души окруженья.
Одной уздой я захотел взнуздать
крылатых жеребцов воображенья.

* * *

Мы с тобой равнодушные.
Верю в это. Лишь этим живу.

Одним наши души дышат,
одним наши души живут.
Вселенной дыхание слышат
и с Вечностью в ногу идут.

* * *

По чести почести раздам.
Как воздаяние подам
своей души нетленный храм.
Вам.

* * *

Бойтесь психиатрии —
душа должна болеть!

Боль, бред.
Наслажденье
как наважденье.
Знамя жизни — обет.
Ум — заблужденье.
Дум громожденье
только больнее
делает след.
Боль, бред.
Знамя жизни — обет.

* * *

Даром что ли сердце бьется,
даром ли болит душа?
Рою чувств в груди неймется,
трезвость разума круша!
Даром что ли, даром ли?
Чувства сущностью прожгли.

...ДУШЕ ИЗ ЛИВНЯ ДУШ

Слезою непрошенной
злая льдинка в глазу.
По траве, по некошенной
пробежаться в грозу.
Босиком бы по сочности,
чтоб до нитки — насквозь!
Чтоб до малой до точности
разойтись с тоской врозь...

ОДУРЬ

(Заговёр от сглаза — приворот заразы)

Удалы, удалы —
поют песню кандалы.

По лицу, по лицу —
за околицу.

Крапит поле крапивой,
сыплет сыпью по кривой.

Морит поле мухомором,
урожайным грибным сбором.

Жалит подлою гадюкой,
ядом поит как разлукой.

Горьким хмелем ковыля —
инвалид без костыля.

* * *

Безмятежность
как безбрежность.
Океан.
Души покой.

* * *

Это только тела прихоть —
душу губящая похоть.
Чувства только миражи,
вниз паденья рубежи.
Рубежи как шрамы —
рушат духа храмы.

* * *

На вечный вопрос ответ:
легко заблудиться
в душевной темнице,
коль должного света там нет.

* * *

Со свернутой шеей бродит душа.
Крылья волочит, а так хороша...

ЖАР ХОЛОДА

Души остывшая жаровня
металла бликом холодит.
Вулкана жерло ей не ровня —
она из льда твердыню бдит.
Но помнит страстность всю накала,
как бушевал внутри пожар.
Когда в огонь себя макала,
чтоб крепче чувствовался жар.

* * *

Души авгиевы конюшни,
глубины бездны вековой.
Нам только мысли лишь послушны,
поступки же дают нам бой.

ВЗГЛЯД ЛЕЖАЩЕГО ТИТАНА

Проще и жестче — честнее.
Глубже и дальше — виднее.

МЕСТЬ ЗА КРАЖУ ЮНОСТИ

Титан как тиран,
его сердце как таран.
Грудь — ворота крепостные.
Устремления земные
закрывают на засов
плотских тягостных оков.

* * *

Атланта лишь плечу под силу
такое чувство удержать.
Титана грудь вместить лишь сможет
из страсти смерч предгрозовой.

ВЛАСТЕЛИНЫ

Нам ли в мире править мыслью,
нам ли правды нить плести?
Лишь к могиле скакать рысью,
только крест лишь нам нести!

Да, только смерть бессмертна в этом мире.

ПРЯКА СУДЬБЫ

Ложное от должного сложно отделить.
Из клубочка тянется общая их нить.
Тот клубочек крутится,
вьется как юла.
Если нить распустится —
жизнь как не была!

* * *

Есть слова, в которых нельзя делать ошибки;
есть ситуации, где нельзя поступить неверно;
есть отношения, не терпящие лжи...

ЗАКАДЫЧНАЯ ПОДРУЖКА

Будто жернова носил —
душою выстелил настил.
Настил стелился для тебя,
но на нем, ногтем скребя,
себя чувствует хозяйкой,
хоть гони ее нагайкой,
нам с тобой совсем чужая.
На настил тоску сгружая,
приживалка всех бранит,
для кого душа гранит.
Мол-де, твердость той опоры
порождает только споры.
Что ее-де властелин,
словно гретый пластилин,
должен мягче быть, жирнее,
в отношениях теплее.
Быть податливым для всех.
Впереди тогда — успех!
И зудит так ночь и день.
Имя той товарки — лень!

Слепые зеркала — путешествие ко лжи.
Искренность рождает проникновенность.

ОБНАЖЕНИЕ ОТРАЖЕНИЯ

Зеркало все отражает,
отражает грязь и чистоту.
Искренность же сущность выражает,
украшает даже простоту.
Зеркало холодно, безучастно,
дна его вовек не отыскать.
Искренность же звонко, страстно
обнажает перед всеми стать.

* * *

Искренность вечна.

КАРМЕ НАПЕРЕКОР

С кармой в кармане,
блуждая в обмане,
правду искать —
инкарнацией стать.

Ничтожество — множество ничто.

МИРАЖИ

За правду ненавидим,
За ложь боготворим.
Мы истины не видим,
Мы лишь обман творим.

ΛΑΙΩΝ ΧΑΡΑ

«Не стоит правде
портить хорошую историю».

Не к месту сказанная правда,
как грубо поданная ложь.
Все иссушающая жажда
в душе пустыней — сплошь.

ИЗГНАНИК

Правдой допрошенный,
временем скошенный.
Брошенный, брошенный...
Кто?

Что было, то всплыло.

К УМУДРЕННЫМ В ПРОМЫСЛЕ

Бумажные мысли, больные слова.
Надутые выси, бездушных права.
Идей гололедность, туманность канвы
сквозь мнимую звездность увидите вы.
Досады от фальши смахнете слезу.
Поймете, что раньше

не ту вы грезу

в маяк себе взяли.

От жизни устали —
вдруг мысль вас пронзит.

Поймете, что пройден

ваш пик и зенит!

* * *

Кто свою жизнь выверяет по дешевым маякам,
никогда не придет к откровению собственного чуда бытия!

* * *

Страшно, когда в жизни цели нет, —
жизнь тогда безумного бред.
Больно, когда цели низкие, —
к жизни животной совсем они близкие.
Противно, если жалкие цели —
душу мещанством безликим заели.
Обидно, если цели иллюзорные, —
пусть даже они совсем не зазорные.
Жаль, если цели ты выбрал не те, —
жизнь проведешь ты в пустой суете.

РЕЗЮМЕ ГРОССМЕЙСТЕРА

Е-четыре, Е-два,
промахнешься едва.
Это первый лишь шаг,
не объявит он шах.
Но ведь в нем ультимат,
и скрывает он мат!
За пешкой гамбит,
если ферзь не убит.
Рокировка туры,
когда конь вне игры.
Когда слон пошел в бой,
прорываясь сквозь строй.
Где там эндшпиля пик —
победителя лик.

КУЛИНАРНЫЙ ВЗГЛЯД НА ЖИЗНЬ

Сначала тесто.
Хлеб потом горячий.
В конце — сухарь, забытый всеми...

* * *

Большой травматический театр

На сцене время течет иначе...

Если, следуя определению великого драматурга, принять, что жизнь это театр, то и развитие пьесы повседневности возможно спрессовывать или растягивать по собственному усмотрению. Можно, но в том лишь случае, когда ты автор пьесы, ее понявший замысел режиссер и талантливо раскрывающий суть героя актер!

Я на жизненном балу
ангажирован судьбою.

В РИТМЕ ВАЛЬСА

(Белый танец)

Рот запечатав надрыва смешком,
босиком и пешком,
вытанцовывая кровавыми мозолями,
Я веду свой вальс.

* * *

Повторяю, как заклятье,
я своей судьбы проклятье.
Повторяю, как молитву:
обожаю с жизнью битву!

* * *

Любая жизнь — это всегда катастрофа.
Но прежде всего — это жизнь.

* * *

Шаг ступлю — упаду,
Отступлю — пропаду.
Я всю жизнь на пороге стою.

С БАРСКОГО ПЛЕЧА СУДЬБЫ

Суть одно — яйцо иль камень.
Сердце или в кровь кулак.
Обжигает, словно пламень,
жизни брошенный медяк.
Плечью хлещет подаянье,
милость — жалости кусок.
Не удержишь увяданье,
в грудь не впрыснешь свежий сок!

* * *

От ничтожности до возможности
расстоянье длиною в жизнь.

МИЛОСТЫНЯ ЖИЗНИ

Леность чувства и ума,
будто нищего сума.
Подаянием утробе
служат только руки —
обе.

И примет длань дающая.
Дающий да обрящет.

ФЕВРАЛЬСКОЙ НОЧЬЮ В БОТКИНСКОМ БАРАКЕ

Липка ладонь, но скользко —
не ухватиться
за жизни колею.
Уже не важно, сколько
попыток тщетных было
остаться на краю.
Сейчас стекает в руку
своя густая кровь.
Сочит собой разлуку —
себя к ней приготовь.
И мысль, хоть слабо, гложет:
а вдруг, в последний раз,
ну может быть, ну может,
что кровью полный таз
грехи иглой отпустит,
но жизнь оставит мне.
И я, устав от грусти,
увижу свет на дне.
Свет завтрашней надежды,
пунцовый свет зари.
В промокшей им одежде
струятся пузыри.

Трагична ли эта нелепость:
в век прозы живущий поэт?

УСТАЛОСТЬ ПОЭТА

Я устал каждый день заставлять себя жить
и тоску, как из винного горлышка, пить.
Я устал расходиться под вечер, томиться с утра
и, как нищий, людского искать все добра.
Я хожу, как чумной, средь постылых людей.
Я слезами, как хлебом, кормлю лебедей.
И мои, все в укусах,

все шепчут
уста:

Я устал,
я устал,
я уста...

* * *

Когда рождается поэт, зло умирает...
А если убить родившееся зло,
это вернет к жизни погибшую поэзию?

* * *

Жизнь перепажана мыслью,
засеяна страстью,
взрощена болью,
покошена отречением.

* * *

Учиться жить — значит постоянно будить в себе
жажду духовного насыщения.

* * *

Живу страстей диким племенем
с иступлением.
Временем, как бременем,
живу искуплением.
Живу?

* * *

Было время жить от души и всласть,
пришло время голову на плаху класть!..
Первым не наслаждался,
и второе принять не готов...

* * *

Обернулась оплошностью жизнь,
поскользнулась об изморозь смысла...

* * *

Прожить бы жизнь еще одну,
а там уж можно и ко дну.
Осесть на иле мироздания...

* * *

Обозлимое будущее

Время черной пеленой
петлей вьется надо мной:
пошлое прошлое,
губящее будущее.
Жизнь.

* * *

У прошлого — глубина, у будущего — высота.
Удел же настоящего — широта.
Широта, обрамляющая глубину и задающая
перспективу высоте.

* * *

Будящее будущее,
где приходящее настоящее?
Только пришлое прошлое
пошлое.

* * *

Чему быть, того не миновать...
Но как часто мы проходим именно мимо того, что есть.
А ведь ускользающее настоящее только и есть жизнь.

* * *

Вся жизнь — лихолетье,
и смерть — толчея...
По сути пустое
и есть только Я.

* * *

— Всё, даже свою жизнь!..
...Какой же бездарной должна быть эта самая жизнь,
если она есть максимум, что в жизни можно отдать.

* * *

Жутко от мысли,
что смерть не страшна.
Тянет петлею
пустая мошна.
Шагом за шаг
спускаюсь я в ад.
Рад тому, рад тому,
очень я рад!

* * *

Вас когда-нибудь приговаривали к смерти?
Ах, да! Вы же рождались...

* * *

Если попытка — страшная пытка.

От избытка попытка:
смертью смерьте жизнь свою, —
вдруг окажетесь в раю?
Если нет, то и не надо —
тогда сразу в бездну ада.

* * *

Время года как семя всхода.
Время года как бремя ухода.
Ростки смерти сеет, жнет.
Лучшей участи не ждет.

* * *

Даже естественная смерть предельно неестественна.
С точки зрения вызова — это неизбежное самоубийство.

На то и срок,
чтоб он истек.

ЭВТАНАЗИЯ

И даже если б жизни луч,
как люстры свет,
возможно было б погасить,
то и тогда б нужна была
рука чужая,
чтоб сделать этот жест.

* * *

Смешны попытки
колесо судьбы штурвала
руками хрупкими крутить.
Так рыцарь,
не подняв забрала,
в тщете желает
поцелуй вкусить...

ОТКАЗНИКИ СОВЕСТИ

(Так легко!)

Все легко свести на нет —
был ли, не был ли обет.
Перед совестью ответ —
избежать бы лишних бед.
Будто бражников обед —
ведь легко уйти, но нет!

AMOR FATI

Любовь к судьбе,
как жалость к себе —
 кохается.
С раболепством души
 венчается.
Приятием смерти
 чувство кончается.

* * *

Диагноз о себе услышать: он мертвец.

* * *

Страдание и сострадание
как знание и сознание.
Избранное как извранное:
вырванное — мертвое.
Твое.

* * *

Заклиняние увядания:
року укор — вздор!

Рот как рот —
 в кривой улыбке.
Зыбки наши чувства, зыбки.
Рот как рот —
 в оскале зверя,
насыщеньем плоти веря.
Рот как рот —
 в гримасе плача.
Для души от плоти сдача.
Рот как рот —
 печать смертью на замок.
Занемогу, занемог.

* * *

Походя сытиться похотью —
плохо ли, плохо ли, плохо ли?
Пóдать подáть — стыдно ли?
Боль из-под лохмотьев видно ли?
Славы венец, как могильный венок,
под расписку в конторе выдали.

* * *

Если ад — пекло, то рай — полюс холода?!

ЗАКУЛИСНЫЙ КУКЛОВОД

Сообразно соблазну всегда поступай.
Ты истине этой чутко внимай.
Навеяны сладостью будут все сны.
Прислушайся, право, — совет Сатаны.

* * *

Тише едешь —
дольше блудишь.

Блюдо блуда грязно, грубо.
В блюде сладостью томит
сущность блюда — аппетит.

* * *

Не убережь колоннами устоев
паденья свода бытия.
И даже все по-чинному устроив,
не избежать из чаши питья,
которая забвением зовется.
Ее пригубить каждому придется
и каждому забвение вкусить,
глотками обрывая жизни нить...

* * *

Не дай забвенье —
силы мне дай.
За страстности рвенье
наградой рай.

Я и смерть. Как давно мы
присматриваемся друг к другу.

ЦЕЛЕБНОЕ КРОВОПУСКАНИЕ

Ответь же мне, мой милый,
скажи в последний раз,
оракул молчаливый,
от крови рыжий таз.
Как долго еще вместе
с тобою будем мы,
на этом самом месте,
в преддверьи вечной тьмы?

* * *

Где же взять столько крови,
чтоб ею писать стихи?!

Как страшно сознание носить,
что кровью своею можно
лишь пядь земли оросить...

* * *

...Когда пора приходит себя за плечи обнимать...

* * *

Дом твой последний — дубовый ларец,
жизни мгновенной логичный конец.
Темная крышка с прогнувшейся доской
небом не светит, а давит тоской.

* * *

Смерть как жизни рикошет —
слепо тьмою накрывает...

ПО РЕКЕ, ПО ЛЕТЕ

(Рассуждения покойника)

Гроб-ладья в бурном времени
Волною кипит сединою у темени.
Я ведь начал с истоков,
Доберусь ли до устья?
Бьюсь о камни пороков —
Доберусь, доберусь я!
Киль судьбы пучину режет,
О греховность сплошной скрежет.
Мне бы выправить плот
В океан мироздания.
Мне бы вытравить плоть,
Дух оставить — сознание.
Догребу ли я в гробу?
Догребу, догребу.

* * *

Успеть до смерти к темноте привыкнуть...

* * *

Как сказал мне один знакомый маньяк,
мрак вас всех ждет впереди, только мрак!

* * *

Насыщенность мрака,
как напыщенность фрака —
обязывает.
К этикету слепых привязывает.
Мрак изначален,
оттого так печален,
погрузившись туда,
человек.
Пустота...

* * *

Вот и осень... Меня отпустило... Я диван свой
сложил, и снова готов нести некрещеный свой крест
до тех самых мест, где лес из крестов стоит...

ПОРВАННОЕ ОБЛАКО

Осень морозная... Возраста крен.
Достойных от жизни
не ждешь перемен.

Порванным облаком падает снег,
виски пороша серебристой поземкой.
Уставший от вечности времени бег,
давно заблудившись в межзвездных потемках,
сгружает прилежно сроков поклажу.
Плотней все прессуя наши года.
Морщинистей все, почему-то не глаже,
в лиц отраженьи мутнеет вода.
Поступи нашей слабей отпечатки,
согбенней отбросы теней на стене.
Дряхлости кожи не сжечь уж перчатки,
не выровнять холм на оплывшей спине.
И скоро совсем уже в кресле плетеном
останется только брошенный плед.
Дом наш уютный бродяжьем притоном
вдруг обернется идущим вослед.
Когда пьяный бондарь, неровно стругая,
на доски для гроба распустит самшит.
И ямы соблазн, пургою скрывая,
клочками от облака запорошит.

ОБРАЗ

Туманится грустью взгляд,
поволока влагой на ресницах.
Какой-то печальный наряд
обвисает в вязальных спицах.
Головы склоненной проседь,
узловатость морщинистых рук.
Весь вид предлагает, не просит,
скоротать рядом с нею досуг.
Разделить одиночества старость,
поддержать хоть стаканом воды.
Ведь совсем уж немного осталось
упреждать увяданья ходы.
Увядания хрупкой плоти,
изможденной души и ума.
Быть готовой, что бездна проглотит
безвозвратно — ведь знает сама.
Застывает лицо, как из бронзы,
почти что из мрамора стать.
Понимаешь, что все уже поздно,
когда рядом с тобою мать.

* * *

Конец Света — это всеобщее помрачение.
В буквальном смысле подобное происходит
после каждого заката.

МЕРТВОЙ ДУШОЙ ЗА ЖИВОЮ ВОДОЙ

До крика кровью,
до пули в лоб
лечусь я болью,
поверить чтоб.
Поверить снова
в блага родник.
Как Бога слово,
из тьмы чтоб возник.
Чтоб он, возникнув,
не иссякал.
К нему приникну,
чтоб силу дал.

* * *

Никогда не признавайся себе, что ты бог.
Ибо, раз поймав себя на этом,
ты уже не сможешь остаться смертным.

* * *

Стыдно умирать,
когда со мною рать.
Когда со мною вера
в святое наше дело.

Что роднее: далекое свое
или близкое чужое?

ГУАНЬИНЬ

Слышишь —
снова где-то случилось горе!
Слышишь —
кто-то корчится от боли.
Слышишь —
ты чьей-то смертью дышишь.
Слышишь?
Нельзя дольше спать —
поднимай духоборцев рать!

ПРОМЕТЕЙ, ИЛИ ЗАКЛИНАНИЕ ПРИЗЫВОМ

Неужели настолько я слаб,
что всю жизнь называть себя буду —
раб!

Окруженье застлала муть —
не дает мне в глаза взглянуть.
Посмотреть мне мешает в душу.
Слышен лишь шепот — разрушу.
На ощупь пытаюсь,
но все спотыкаюсь
о камни — сердца людей.
Бей-разбей!
Тьму одолей!
Светлей все, светлей!
Верь — утолишь однажды
боль от душевной жажды.
Каждый, кто с истины взыщет,
каждый, кто свет бережет,
однажды свой факел отыщет,
которым он темень сожжет!

Это должна быть дорога
до самого смерти порога.
Это должен быть путь,
с которого не свернуть!

ШАНС

Сила застыла
глыбой ледяной в груди.
Гуди!
Раздувай меха в набат,
эхо множит пусть стократ.
С небом входит в резонанс —
я использую свой шанс!

* * *

Кто перестал бояться и желать,
тому открыты вечности врата.

* * *

Нам вечности стража
дорогу укажет
лучом маяка.
Светит он ярко издалека.
И манит призывно
нас свет неизбывный.
На путь вдохновляет,
надежду вселяет.
И смысл придает
всему, что когда-то
 произойдет.

* * *

Свечи с Вечностью сродни.
Сверхтекучестью они схожи.
Тоже
с жаром так сгорают дни.
В Вечность канут.
Бог обманут.

* * *

«Логосу должно предшествовать молчание,
в котором он укоренен».

Прокл

Бытом забитое,
всеми забытое
Вечное.
Слишком ранимое,
в сути даримое
каждому встречному
Вечное.
Вечное, млечное.

* * *

Через презрение к прозрению.
Мост с односторонним движением —
никогда наоборот.
Позади всегда начало,
Вечность только впереди.

Добро должно быть с кулаками?!
Нет, удел доброты — крылья!
Добро — это всегда усилие.
Взмах крыла,
отрывающий от земной грязи.

СИЛА ДОБРОТЫ

— Я сильней остальных. И выше.
Не из толпы — я из Вечности вышел.
— Ты сильней, сильнее и выше.
Будь же добрей, добрее, ты слышишь?

* * *

Делать людям добро —
наверное, это так приятно...

Нет уж веры —
чувство меры запах серы.
Глаз кровавый слева правый.
Ход хромой и вид срамной.
Всюду, всюду он со мной.
С искушителем в обнимку.

* * *

Добрым быть — ходить по жизни горбатым.
Нелепым быть и смешным!

* * *

Власть добра, как гнет горба,
к земле давит, перекашивает.

Добро, как горб,
до пены у рта тебя давит.

Ничего, шепчешь ты, —
могила исправит.

И конца нет табуну —
все галопом к горбуну!
Сватать всех с невестой —
добротой.

За свой счет определять к ней
на постой.

* * *

Ты готов в своем сознании
конец Вселенной воплотить?
Смеется разум — шутка!
Но шепчет сердце — жутко!
До конца. Конца своего
или Вселенной конца.
Шлю гонца, шлю гонца.
Страсть.

* * *

Поезд вечности
как пояс верности.
Желание лишь наказание.
В назидание, в назидание.
Ключ от пояса — заклинание.
Мираж станции — обладание.

ПРОФИЛАКТИКА

До желчи выблюйся собой,
до сущности.
Тогда лишь выиграешь бой
насущности.

* * *

Что письма? — мысли в никуда.
Им вечность не дойти туда.
Что телефонные звонки? —
Мираж.
Общение иллюзий.

* * *

Повисла в воздухе тишина,
и напряженнее стали мысли.
Один? Неужели один человек
в громадных просторах вселенной...
Не хочется верить в свою обреченность.

* * *

Бутылка, потная от влаги,
зеленой мутью глаз зовет.
И вздувшаяся этикетка
ее пузатость добавляет.
Вот истинно — все в жизни иллюзорно.

* * *

Вечность всегда под рукой!

Высоты сознания,
бездны его.
Как истины зданье —
сущность всего.

К ВЕЧНОСТИ

Ожидаю как оживаю.
Сил душевных
не напрягаю —
ожиданием
просто живу.
Жду.

* * *

Еще не все потеряно,
еще ничто не найдено.
Но пройдено уж все!

Пусть скорей все пройдет.
Пусть до самой сути проймет.
Ожидание.

«Нет уз святее братства».

Н. В. Гоголь

*Необратимому процессу противостоит процесс
обратимый: только самоотверженно отдав себя
братству, можно оправдаться перед Вечностью.
Братья же твои — Человечество.*

БРАТ, ЭТО ТЫ

Это ты мне, распятому,
своей пикой ребро прободаешь.
Это ты мне, огнем объятому,
хворост в кострище бросаешь.
Здравствуй, Брат.

* * *

Клянусь себя,
за безволие клянусь.
Клянусь, клянусь...
...Клянусь.
Дотянусь!
Святость.

* * *

*Любая Школа — это не столько отрицание чужого,
сколько утверждение своего.*

Школы шкала высока,
времени река глубока.
Сердце разрывом лишь вымерить.
Не батраком, но братом
войти я призываю
в ее высокий храм.
Школа.

* * *

Солнце купается в дымке,
Замерли горы в строю...

Горы, горы, гряды гор.
Остротою режут взор.
На большом стоим пути.
Нам с него уж не сойти!

НАСТАВНИК

(Усмиренный добродетелью пыл)

Огненным шрамом
в душе оскорбленья.
Божественным храмом
печать наставленья.
Благословенье?
Руки к сердцу —
в веках прославление.
Эхо.

* * *

Наставник — это письмо до востребования.
Необходимо ежедневно приходить и стучаться,
ждать послания.

Только тогда можно будет получить ожидаемое,
получить и прочесть. Тогда оно отзовется в сердце
стучащего, и станет он желанной тайной для
последующего адресата — до востребования.

Только тогда.

Пока лишь глумленье,
безверья пока лишь свора собак.
Хотя боязливо сквозит изумленье,
хотя уж гудит всполошенный кабак.

ЛЮБИТЕЛИ ЗАГАРА

Когорта братьев поредела,
но доведу я до предела
того, кто в вере тверд со мной.
Кому не страшен солнца зной,
грозящий крылья распалить
за дерзновенное желанье взмыть.

* * *

Итак, к свободе — через волю и познание!

Ярость как изначальность яркости.

СВЕТОЧ

Нога в ногу идем строго
с болью, страстью и огнем,
с жаром истины при нем.

РАВНОДЕНСТВИЕ У КОСТРА

Грань с середины на половинку,
как талую льдинку —
не удержать!
Лишь следа печать...
Как от печеной картошки,
пузырек на ладошке.
Жжет. Сажай мажет...
Кто покажет?
Объяснит:
где надир и что зенит.

СТАРТ НА ФИНИШЕ

Об дно толчковая —
прыжок вверх.
Давай, толчковая,
яви успех!

СОБЛЮДАЙ ПАРАМЕТРЫ ПАРАМИТЫ!

Два «МУ» в одном или от одного «МУ» к другому «МУ»
через «МЕ»: посредством МУжества к МУдрости через
МЕдитацию.

ПОТОМУ, ЧТО КОНЧАЕТСЯ НА «МУ»!

(Нет! Не знаю!)

Мимо Гостинки —
гостем в ботинке.
Судьбе навстречу —
на все «Нет!» отвечу!
Бодхидхармой по НевскоМУ...

ПОСЛУШНИКИ

(Под бичом чабана)

Мычащий хор, желающий блять.
Им ведь надо всего лишь ПОВЕРИТЬ!

Бодхидхарма — это Бетховен духа.
Бетховен — это Бодхидхарма музыки.

В ПЕЩЕРЕ БОДХИДХАРМЫ

Белков бильярдные шары
застыли в гневном изумленьи,
Всклоченность смоли бороды
высоковольтностью звенит,
И торс могучий отраженьем
на скальной глыбе чуть дрожит.

*Суншань,
Шаолиньсы*

* * *

*Его Святейшеству Далай-Ламе,
с почтением.*

Толку от тулку
нет никакого.
Нашли одного —
потеряли другого!
Инкарнация.

Тибет, Лхаса

* * *

Шестому патриарху

И тело наше — постоялый двор,
куда однажды не вернемся.
И сердце наше лишь постылый вор —
над кражею покоя бьемся.

НЕОБЪЯТНОЕ В ОБЪЯТЬЯХ

От парты до патры
 рукою подать.
За партою сидя,
 руку поднять.
С патрою стоя,
 подать принять.
Какою лежа благословлять?
...Обеими хочется
 мир весь обнять...

* * *

Даос пожелал мне попутного ветра,
и застучали ставни по храму,
проводя в далекий путь...

БРОДЯГА ДХАРМЫ

Свободный в цепях,
богатый без денег.
Я время ценю,
хоть живу как бездельник.

АРОМАТЕРАПИЯ

(Дымок фимиама)

Воскурение напрасно
для вашего здоровья!
Для духа же, для души
чад полезней анаши...

БОДХИСАТТВА

Свечу зажечь на дне моря
и лотос в огне посадить.
Развеять собой тучи горя
и благодатью всех усладить.

Кровь закипает в жилах:
не в силах ждать я, не в силах!

УСЕРДНЫЕ РАДЕНИЯ

Не приемлю иной судьбы:
стать бы Буддой бы!
Будто бы рана —
кровью пот, как из-под крана.
Вроде бы рано —
желанна нирвана.
Будда.

* * *

Персонажи, запутавшись, спорят:
делят роли наперебой...

И мы не верим обману,
в поступка небрежный жест.
Христос, отошедший в нирвану,
и Будда, взошедший на крест.

* * *

В потрепанных джинсах
по миру кочуя,
жалеет Иисус, что воскрес.
Будда, на землю
явившись Майтрейей,
не знает, кого уж спасать.

КОАН — ПРОСВЕТАЛЕНЬЯ КАНУН

Просветление — это
дефлорация сознания.

Чтобы понять (почувствовать, ощутить, проосознать — все не то!), что такое просветленность, есть только один способ как возможность поворотного события — открыть это в себе. Подняться (или опуститься, или остаться на месте, может, шарахнуться в сторону?) до искомого состояния души и, конечно же, тела!

*Измениться на корню —
от корня...*

* * *

Удивиться как удавиться —
вспышку нового чувства узнать.
В старом мире покойником стать.
Просветление.

* * *

В каравелле запредельности плыть,
чтоб вместо Запада Восток открыть.
Колумб тантры.

СОЛНЦЕВОРОТ

Утро. Самое позднее
утро в году.
Утро. Хоть наощупь,
но к свету в потемках иду.
Утро. Самое темное
утро в году.

Зима 2012

Собой быть — на луну выть.

ОБОРОТЕНЬ

“He! Bonsoir, la Lune.
Mourons ensemble voulez-vous?”

«Добрый вечер, Луна!
Хочешь, умрем вместе?»

П. Верлен

Дрожь предчувствия по телу
тонким бисером струится.
Как же долго вечер длится,
где же полночи луна?

15 вечер 8 луны

ВОЛШЕБСТВО НОЧИ

Серость вселенной, бледность луны.
 Слепая беззвездность — тучи видны.
 Блики строений, море теней.
 Но и от них здесь не станет темней.
 Мрачности царство, полутонов.
 Грязных, сырых и грузных домов.
 Беспомощность света, небо без дна.
 Лишь изредка где-то четкость видна.
 Огней светофоров моргающий тик.
 Да длинный фонарь, что уныло поник.
 Но светит он, светит упрямо,
 свет разливая гордо и прямо.
 Тщетность затеи — блекнут лучи
 в серой промозглости этой ночи.
 Сочной росой слезинки огня
 брызжут каплей от фонаря.
 Зря!

Зря!
 Зря!

Всюду пустые глазницы окон
 обескураженно хмурят фронтон.
 А сверху на все это царство теней,
 никак не понять нам, ночей или дней,
 взирают бесцветные очи
 сказочной белой ночи.

* * *

Месяцем из звездочек,
 мягким светом спаяно
 неба обручальное кольцо...

Золотою косой бесконечного пляжа,
 омываясь вселенской волной,
 переливается звездная пряжа,
 прячась за тыквой — луной.
 Млечный Путь.

Наглядный пример для слепого,
 или Глухой, прислушивающийся
 к чужому мнению.

ВЫПРЯМЛЕНИЕ ИСКРИВЛЕНИЯ

Пробили склянки 3-ю стражу.
 В вечерних сумерках тумана
 столкнулись тени две друг с другом.
 Ждут мягкий свет луны,
 чтоб пристальней взглядеться в силуэт.
 Им не узнать в неясных очертаньях
 былой общения красоты.
 Но радость все же в сердце расцветает.
 О, чуткость зверя!

* * *

Тяжелое блюдо Луны...
Желтое, желтое блюдо.

* * *

Звезды болезненной сыпью
краснеют на чреслах небес.

Заблудившейся ласточкой режет
летучая мышь
крылом своим
ночь.

И вспоротой темени кровью
вдруг брызнули
звезды на небо.

Горящий булыжник луны
вход стережет
в занебесье.

Как же его отвалить?

* * *

Вспоминая Хуан Цзин-Жэня

Осенняя цикада пьет росу,
больной журавль танцует на ветру...
И цены на бумагу вдруг взлетели —
ее берут, чтоб записать успеть
красивые стихи проезжего поэта...
Дождь моросит с утра,
и холодно на башне в третью стражу.

* * *

Сквозь клубистое море тумана
курлычет рядом в стене
пара журавлей...

* * *

Ужель тебя увижу я не раньше,
чем когда закружит листопад
свой хоровод с дождем осенним...

* * *

«Облетайте, цветы!
Я завидую участи вашей,
ибо сердце мое
от мучений безмерных устало
в этом бренном, суетном мире...»

Сайгё

Вчера цветы твои завяли,
и лепестки, что с них упали,
напомнили мне слезы вдруг...

* * *

Коль ветреный порыв
огонь свечи внезапно не затушит,
сгорит она дотла, слезою истекая...

* * *

Цветы, опавшие под ветром,
теперь лишь мусор
в канаве сточной...
Осенний вечер.

* * *

И распутившийся цветок
ждет томно,
когда случайный ветер
мимолетно его пригубит аромат.

* * *

Нет, не буду терзаться очень,
поскорее с балкона уйду!
Чтоб не видеть, как поздней ночью
мэйхуа замерзает в саду.

* * *

Волны ропщут на сосну,
стоящую на берегу,
потому что не достать им
ее роскошной кроны одеянье...

Быть на пределе —
всегда быть при деле!

В ШАГЕ ОТ ХАРАКИРИ

За живое задело:
кто-то гибнет за дело,
кто-то честь бережет,
кто-то порет живот.
Кто-то... Ничего, заживет
обывателя гнет.
За живое! За дело!

* * *

«Коно мити я
ику хито наси ни
аки-но курэ».

«Моим путем
идущего не вижу —
вот осень жизни».

Басё

Поземкой стелется тоска,
под вой койотов,
в одиночества пустыне...

С МЕЧОМ В РУКЕ *(Смерчем с мечом)*

«Легче гусяного пуха
Жизнь улетает...
Снежное утро».

Такафуса

Жить осталось недолго.
До выполнения долга
остались минуты — часы
испарились, как влага росы.

* * *

На смерть Мисимы Юкио

Король, от почестей уставший,
шагнул на славы эшафот.
Дракон, доселе в нем дремавший,
вспорол клыком своим живот.

Хранить друзей и врагов хоронить —
так подобает воину жить!

ЛЕПЕСТКИ ВИШНИ

Юкио Мисиме посвящая

Не в пошлой драке, не от старости
оставлю жизнь свою.
А в самой светлой радости,
в избранников строю.
Камикадзе.

* * *

Славу вампира жало стяжало.

Жало кинжала
по коже бежало.
Жало кинжала
крови желало.
Жало кинжала
боль обожало.
Жало кинжала
в ножны упало:
жало кинжала
в сердце попало.
Насыщение.

СЭППУКУ СТРАСТИ

Дрожь предвкушения,
Блажь искушения.
Сила рукою... рукою!
В руке.

ФАКИР

С руки кормление
огнем — не тлением,
достоин кто вкусить?
Вкусить, но не обжечься —
лишь жажду утолить.

Все больше слов я забываю —
невыразимое являю.
И сущее в себе несу.

СТОЛЬ

Столь робким шагом ходит лишь больной,
вновь ощутивший после долгого недуга
покорность почвы под ногами.
Столь тяжким слогом лишь узник молвит,
что промолчал один десятилетия.
Столь пылким жаром дышит лишь гигант,
который страсть свою сдержать не в силах
в огромных легочных мехах.
Столь скорбным взглядом.
Столь блеклым даром.
Столь.

* * *

Что можно сжечь на пепелище,
когда тебе уж все равно?
Что сохранить в дырявом днище,
когда все вытекло давно?
Память.

ГРУЗ ГОДОВ

Грузней не значит быть грозней.
Один не значит без друзей.
И ноша лет не груз, но пыль.
И жизнь твоя не явь, но быль.
А быль, как боль, —
лишь только след.
И ничего, что не допет
еще один всего куплет.
На нет, ведь правда, суда нет?

ВОЗРАСТНЫЕ ПОПРАВКИ ПОКРОЯ

Раньше на груди да плечах рубахи трещали, а теперь все
больше на брюхе пуговицы летят...

ПОТЕРЯВШЕМУ ГОЛОС ПОЭТУ

— Что молчишь?! Уста ли онемели
от крика душевной мели?
— Ну! Я такую открыл глубину —
распластался криком по дну!
И не молчу — кричу!
Занырни — услышишь...

* * *

Слова забытого поэта
заволновали вдруг меня.
Мне вспомнилось, что раньше где-то
их очень часто слышал я.
Слова забытого поэта,
увядшей молодости крик.
Одна всего лишь строчка — это
чувств юных ощущений миг.

* * *

Помни — поэзия всегда рядом. Пусть ее аромат
украшает будни, как нежный свет зари окрашивает
сумерки небосклона, когда, утверждаясь теплом,
вот-вот восторгается солнце...

ВОТ БЫ...

Моему бы стиху заливаться соловушкой,
моей рифме бы течь полноводной рекой.
Мне бы солнце воспеть с его рыжей головушкой,
и негромко вещать про природы покой.
Не тужа бы нашептывать мне про тишь окружения,
как с зарей, со стихами своими вставать.
И не слышать бы в веки мне духа брожение —
только чувство любви в сердце людям сажать.
Чтоб оно разрасталось там сочными розами,
нежно пахло бы в них ароматом надежд.
Чтобы ветки деревьев бы не были розгами,
чтобы люди не рвали их пышных одежд.
Мне бы мир осыпать бы улыбками звездными,
ими б рифма светилась моя.
Наполнять бы мечтателей нежными грезами,
может, в них окунувшись, забылся б и я?
Только, видно, то участь другого поэта —
мой талант, зная, закопан был где-то.
Точно в древности глупым рабом,
чтоб не искать его снова потом!

* * *

Несостоявшийся писатель,
неоправдавшийся поэт.
Как землю роющий старатель,
в том месте, золота где нет.

* * *

Чем больше он извинялся за свое косноязычие,
тем сильнее восторгались его красноречием.

* * *

Разве наличие косноязычия —
это пророка только отличие?!

* * *

Лист бумажный — гордый и важный.
Чистый, нетронутый, наивно доверчивый.
Верящий в чудо — лист.

* * *

То, что негоже,
хорошее тоже.
Сущность — никчемность.
Как страстности томность,
мгновенно тягуча
туманная круча.
Пуста.
Как ясность
нетронутого листа.
Облако.

ХОЗЯЕВА НЕБЕС

— Хочу летать, ничего другого не могу! — услышал
поэт от летчика с трудной судьбой.

«Как много у нас общего! Общего у поэзии с этой
мужественной профессией...» — подумал непризнанный
толпою поэт. Они, и впрямь только они — летчик и
поэт — делили между собой чистое небо...

* * *

И хочется, так хочется стиха,
как хочется кому-то сигареты...

ЭКСПИБИЦИОНИСТ

С листа поэзию читать,
как выставлять в витрине стать.
Стать как суть.
Суть как боль.
Сладость.

* * *

Поэзия — это музыка, услышанная глазами.

СУДОРОЖНАЯ ГОТОВНОСТЬ

Мелодичность пения —
даровитость гения.
А вот судорга надрыва,
боль от творчества порыва,
немота в избытке чувств —
где изящество искусств?
Легкость где и гармоничность?
Здесь видна лишь только личность!
Только в ранах весь творец.
Как измученный боец,
знамя рифмы водружает.
Он других опережает
болью, кровью и грехом,
честным в судорге стихом.
Нет, не мелодичность, —
я другого мнения.
Я за судорожность —
честность пения!

* * *

Коль в лохмотьях давно душа,
что уж бренное тело беречь...

В моем воспаленном мозгу
пульсирует слово — могу!
Сквозит из лохмотьев души
рока наказ — пиши!
Взахлеб барабанит сердце —
загнал. Никуда не деться.

ТРЕЗВОСТЬ МЫШЛЕНИЯ

Скучно сушит тесто текста
разум правил.
Если б он душою правил,
то от глупостей таких,
называется что стих,
не осталось бы ни строчки.
Ни секунды бы отсрочки
в казни б стих не получил,
разум смерть стиху б вручил!

* * *

Стихами прозу, прозой стихи,
чтобы в итоге появилась притча.

К МУЗЕ

Твоя покорность —
лишь уступчивость больному.
Моя неукротимость —
мятежность лишь раба.
Согласие?

* * *

Сколько стихов умерло во мне!
Сколько их осело на дне
кипучего моря страстей!
...Зачем аборты считать идей?

* * *

Краткость хороша, даже если у нее нет брата.
С другой стороны, она всего лишь сестра таланта,
но не сам талант!

* * *

Гусеница на листе —
это танка,
но если это гусеница от танка...

* * *

Лучше танки
на полях страницы,
чем танки
на площадях столицы!

* * *

Афинская насмешка крахом обернулась,
когда хромой поэт Титрей
на должность полководца в Спарту
послан был ареопагом.
Для воинов суровых,
пылкой доблестью горящих,
довольным сталося двустиише
элегии поэта:
«О, как прекрасна та смерть,
когда доблестный воин погибнет
В первом ряду средь бойцов,
город спасая родной!»
Тогда Солон под страхом смертной казни,
безумным притворившись,
поторопился песню спеть о Саламине,
и потрясенных афинян
сподвиг на правый бой
за остров их родной.
И — супостаты — дрогнули мегарцы.

* * *

Русь, с резным крестом в груди,
ступает гордо сквозь века.
И призывает люд — приди!
Тоскою полна слез река.
Явись воочию ты, чудо.
И пусть удавится Иуда,
и грешники пусть сгинут все.
Пусть скорбь останется во мне,
но не умножится пусть больше.
Дорога кажется мне дольше,
когда несу я на плечах
дедов проклятие и страх,
которым полнится страна.
Пусть торжествует сатана,
но не сочится больше боль.
Ты сохрани меня, юдоль!
Укрой меня своею свитой.
Пусть будет боль моя сокрыта
блаженством веры в мир иной, —
надеждой ты меня закрой.
И успокой, и дай мне силы
душой покинуть гниль могилы,
собой к бою призывать —
устал народ славянский спать!

КОГДА РАСПУТИЦА В МЕДВЕЖЬИЙ УГОЛ ГОНИТ

«Каждый сверчок знай свой шесток!»

Русь,
в штормах твоих
 знаменем в лохмотья рвусь.
Ураганы твои от дури —
ты сама себе ищешь бури!
Сама мелешь народ вразнос,
с нищетой лобызаясь взасос.
Для тебя, раскрасавицы, счастье,
когда по миру люд — от ненастья.
Когда жилы рвут мужики,
для жизни в России — жидки.
А ученых своих мужей
без штанов на потеху —
 куда уж смешней!
Всех, хоть стар он, хоть млад,
не щадит бюрократ — гад!
И вольготно в тебе лишь ему.
Вор имеет тебя, как жену.
Остальных же насилуешь ты.
Как на колья, всех — на шесты!
Пусть же древком будет тот шест,
а пронзенный им — знамени жест.
Жест протеста, призыва, упрека.
Не истрепаться бы только до срока.

**ОТ МАРШЕВОЙ РЕЧОВКИ —
К ЛИЧНОМУ ОСОЗНАНИЮ**

Офицеров выбрав судьбы,
постоянно вы должны
помнить, что за вашей грудью —
грудь родной для вас страны.
Не защитник Отечества,
а заложник овечества.
Русь.

* * *

Выжимает сильнейший.

Я родился и вырос
в химерной стране,
где реформы давались,
как бал сатане.
СС с добавкой ЭСЭР —
СССР.
Вычернила добела.
Довела, довела.
Россия.

Ты в подвигах, как в буднях.
Ты в буднях, как в огне.

ПАМЯТНИК

О чем грустишь ты, воин в латах,
о чем задумался в седле?
Быть может, лет прошедших даты
покоя не дают тебе?
Быть может, память о былинных,
геройских будней полных дней,
гнетет тебя дорогой длинной
и шрамы делает больней?
Ты одинок в своей печали,
в ней недоступен для других.
Ты потерял друзей в начале,
и вновь не обретишь ты их.
Твой меч, боями закаленный,
собою указывает путь.
На вечность бронзой обреченный,
с него не сможешь ты свернуть.
Конь, в камень утопив копыта,
один лишь слышит твой призыв:
вздыбился на скале гранита,
веков усталость позабыв.
Весь облик твой — отображенье
победы мужества, добра.
И ждешь ты новое сраженье,
нас призываешь в бой — пора!

Желание выживания —
желваков жевание.

СОЛДАТСКОЕ ЭХО

Слезою скатилась мне в сердце пуля:
— Люблю Я!
Осколок рыданьем мне грудь занозил:
— Отлюбил!
Смертью своею вечность пронзил.

* * *

За броню себя браню.
Так ругаю, что когда-то
песня старого солдата
в бой меня не позвала.
А могла бы ведь, могла!

ПОСЛЕДНИЙ ВЫСТРЕЛ

Выстрел последнего патрона из обоймы совести
в сознание циника всегда должен быть контрольным!

* * *

Каждый хоть что-то,
да может!
И я, конечно, могу.
А если уж
совесть гложет,
то нет пощады врагу!

* * *

— Ура! — это бодрящая атака, но не провокация из окопов.

— Ура! — это оглушительный взрыв ликования; да, но через самоотверженный порыв, делающий из отстраненного очевидца бескомпромиссного участника.

— Ура, товарищи! Троекратное!!!

* * *

Кровью по снегу
хлесткий отказ.
Был ли он, не был —
сдаться приказ...

У стали холода устали голодом
морить озябшие сердца...
Ополченцы блокадной передовой.

БЛОКАДНАЯ ПРОДЛЕНКА

Мертвым кланяться,
забыв про живых.
Что останется?
опилки да жмых.
В блокадном хлебе,
холерной воде.
В распоротом небе
вопросом — где?!
Где взять силы,
чтоб день прожить.
Как ржавые пилы —
не петь бы, а выть!
Сиренам вторя,
бомбежке в такт.
Подумаешь, горе —
взорванный тракт.

Замерзшие дети
в пустых домах,
где саночки эти
вселяют страх.
В которых трупы,
как куклы, везут.
Странные группы,
жуткий маршрут.
Бешенство смерти,
зажатой в кольцо.
В ее круговерти
застыло лицо.
Нет ужаса боли —
блаженства печать:
лучшей ждать доли,
сначала начать!
Во время другое
детством прийти.
Чтоб бремя тугое
не грузло в пути.

Избито, изжито, забыто.
В мертвой плесени мыслей зарыто.

ВETERАНЫ РОССИИ

Ничто не забыто — зарыто давно.
И тем, кто в земле, уже все равно.
Никто не забыт — хрипит инвалид,
завидуя тем, кто забвеньем убит.

У ВЕЧНОГО ОГНЯ

Мрамор читает седой ветеран,
медали закрыли шрамы от ран.
Как будто от злого ветра
глаз заблестел ответно.
Из памяти комья горьких минут
спазмами в горле слезы влекут.

* * *

Равнодушием колючая чужбина.
И Родины объятья — до удушья...

МОЙ ПРОСПЕКТ

Уютную церковь, игрушку-собор
сразу встречает твой ищущий взор.
Святая обитель вратами в раю
манит иконой влюбленность твою.
Благоговейно идешь ты у края.
Своды проспекта, тебя пропуская,
замерли в чудной гармонии той,
что не разрушит и время прибой.
Арки-туннели, зевом пугая,
в чрева домов темнотой зазывают.
Каждый, разинув беззубый свой рот,
безвольных прохожих страстью зовет.
Дальше идешь ты, в проспект погружаясь.
Кажется, своды, все больше сужаясь,
душат в холодных объятьях колонн
воспоминаний сладостный стон.
Витрины-глаза магазинов, ларей
призывно взирают на толпы людей.
На площадь с толпой вытекаешь и ты,
как будто бы вынырнул в мир из мечты.
Хоть Питер огромный весь обойдешь —
короче проспекта ищи — не найдешь!
Проспект завершает ворот монолит,
на них колесница с Никой стоит.
Память потомкам о битвах великих
застыла на бронзовых воинов ликах.
Привет триумфаторам, едущим здесь!
Вас Нарвский встречает — пред вами он весь!

Нагородили —
ключами от города
наградили.

ЛЮБИМЫЙ ГОРОД

Город —
 постоялый двор
 постылых лиц.
Город. Жизнь в нем —
 игра с судьбою
 по правилам блиц.
Город. Блицкриг —
захлебнулся в толпе
 еще один крик.
Город — душевности голод.

ТОЛЬКО ВПЕРЕД!

Возвращение всегда есть извращение.
Некрофилией порабощение.
Мертвое вчера...

НЕЧАЯННАЯ РАДОСТЬ

Три фотографии всего —
такая, право, малость!
И это в памяти его
Вьетнама сном осталось.

* * *

...Под пальмой нищий
 чутко спит,
бритоголовая монашка
 с зонтом на рынок семенит...
Тропики. Утро. Влажность.
Такая кругом царит важность...

ТАЙВАНЬСКОЕ РОЖДЕСТВО

В зеленых ветряных волнах
бамбукового редколесья,
на крутых склонах и горах
ютятся храмы Поднебесья.
Повсюду лавки и товары,
реклама и поток машин.
В саду стоит китаец старый —
с Землей и Небом он един.
В дождях прибой могучий моря,
в цветах роскошные поля.
Здесь, затерявшись, бродят двое,
чужа для них кругом земля.
Вокруг пестреют магазины,
но снега там не прикупить.
Лишь разноцветные витрины
кричат, что новым годом быть!

*Тайбэй,
канун 2000 г.*

* * *

В новогоднюю ночь
 полнолуние...
Небылица.

* * *

Поддерживая Лао Цзяна в Рождество

Спешка уместна при ловле блох.
А так ведь нужен переполох!
Набата раскаты — волнами гул.
Но пьяный люд ушел весь в загул.

ВЗГЛЯД С ПИКА ТАЙШАНЬ

Горе, мы с тобой обручены.
Горы, мы без вас обречены.
Годы, печать мировой вины.
Роды, только оползни видны.

* * *

Волною нервною омытый,
судьбою скверною забытый.
Начало мира — край Земли.

Здесь отдыхает от времени время —
круглый год лишь одна благодать.
Оброненное птицею семя
здесь обретает пышную стать.
Оперение феникса слепит.

* * *

Вечер, бар у океана,
хрипло стонет сакс...
Но ты не рядом.

* * *

И шум прибора с хрипом саксофона
наплывом душу бередают...

Что, паришь?

ПАРИЖ ДЛЯ МЕНЯ

Что Париж, грязь да зонтики!
Что Дега, кисти взмах.
Что танцовщицы, юбки да бантики.
Что Монмартр, революции прах.
И конечно, шансон под баян!
Пьян я Парижем, бургундским пьян.

ПОД ЖАРКИМ СОЛНЦЕМ МЕКСИКИ

А вокруг пестреет смуглой кожей
по ошибке названный народ.
Среди них, конечно, может,
я бы тоже грелся у ворот.
У ворот, открытых в страну майя,
и ацтеков грозных пирамид.
Но всем сердцем сущность понимая,
я взрываю чувства динамит.
Чтобы в клочья разорвать разлуку,
уничтожить расстоянья пыль.
И твою божественную руку
взять в ладони, как блаженства быть.

Мехико

ГОРОДСКОЙ ПУТЕВОДИТЕЛЬ

Нью-Йорк без тебя пустой,
ты рядом со мной постой.
Будь мне статуей Свободы,
океанские чтоб воды
омывали нашу страсть.
Чтобы факелом попасть
в небо прямо над Гудзоном.
Колокольным чтобы звоном
город весь оповестить
про с тобою нашу нить —
общую одной судьбою.
Я в Манхэттене построю
рядом с Зего нам шалаш.
Ты в нем всю себя отдашь!
Так скажу я не робея —
лучшим мюзиклом Бродвея
станет наш с тобой роман.
Это правда, не обман!
Уолл-стрит, Сохо, Сентрал Парк,
ты со мною, Жанна Д'Арк.
Коронуй меня в Нью-Йорке
на высокой самой горке,
Стейт Эмпайр что зовут.
Главный града атрибут.

Отутюжит Дом-утюг
одинокчества испуг.
Чайна-таун, Итали-Литл,
где права помещаются в литр.
Вдоль по Пятой авеню
Центр Рокфеллера в меню.
Нам десерт с тобою нужен,
мост пусть Бруклинский загружен.
Мы по Бронксу обогнем
и на Брайтон попадем.
Здесь прибой воспоминаний
забурлит тенями маний.
То величья, то погони —
словно в цирке кружит пони.
Хоть и карлик, но скакун —
завтра светлого канун.
Тот проворный Горбунок,
кто Иванушку обрек
в котел прыгнуть с кипятком.
Не в обход, а напрямиком
к счастью путь короткий выбрал.
Коль сварился, значит выбыл!
Ну а вынырнул живой —
стал царевичем герой.
Вместе мы с тобой, царица,
кто в величьи усомнится?!
Вместе мы, и наш Нью-Йорк
(ну восторг же, вот восторг!)
исключает сплетен торг.

УТРО НЬЮ-ЙОРКА

Опять зацвели магнолии —
из окна дотянуться рукой.
Ароматный букет приготовили,
чтобы снова спалил его зной.
Исчадившейся дымкой вползает
утром в комнату солнечный свет.
С ним прохлада ночи исчезает —
липкость солнца диктует цвет.
И под яркую эту диктовку,
монохромности желтой налет,
к пеклу дня ведет подготовку
утомленный жарою народ.
Вместо кросса в бассейн кто ныряет,
вместо завтрака кто-то со льдом
чашку кофе одну выпивает,
повторить чтобы снова потом.
После, в марево влажности бани,
с небоскребами тычась вразнос,
все в подземку садятся, как в сани,
заполняют платформы поднос.
Разнонародья дрожит многоликость.
Разноязыкостью обобщена.
И культура везде — не дикость —
в норму жизни воплощена.

ГАВАЙСКОЕ ЛЕКАРСТВО ОТ ЛИХОДЕЯ

Океан через дорогу,
джунгли сразу за спиной.
Душу тешу — недотрогу —
мысли звонкою струной.
Что коса песка золотая,
жаркая передо мной,
жалкая коса, латая,
волной косит душный зной.
Пеной шумною прибоя,
брызгами воды морской,
добавляет мне настроя
на душевности покой.
На комфортом наслажденье
среди пальм и орхидей.
Гонит боли наважденье,
что принес мне лиходея.
Лиходей в обличье женском,
хрупкий станом лиходея.

Гавайи

АЛОХА, ГАВАЙИ

Под тропиком Рака
 томиться без фрака.
 Под волны прибоя
 страшиться настроя.
 За сеткой москитной
 в начинке бисквитной
 ножом ковырять
 то, что просится вспять
 обратно в тарелку.
 Секундную стрелку
 подгонять часовой.
 Со временем бой —
 пустая затея.
 В зной холодея
 от дали твоей,
 в объятья бросаюсь —
 кланяюсь ей.
 В поклоне глубоком
 чувствую боком
 крыльев размах.
 Ликованье, не страх,
 с крылатым поклоном
 течет сладким звоном
 по жилам моим.

К напряжению им
 привыкать не впервой.
 Сирен сладкий вой
 тоской в джунгли манит.
 Лава повсюду,
 не твердый гранит.
 Дымкою сизой
 из сопки вулкана,
 змейкою пара
 из чая стакана,
 я ускользаю
 с гряды островов,
 мрачных историй
 тех поваров,
 что Джеймса сварили
 и скушали Кука.
 Странная прихоть,
 потомкам наука.
 Над океаном
 крылом воспарив,
 в ветре я слышу
 знакомый мотив.
 Мелодию нежную
 встречи грядущей.
 Встречи со счастьем —
 истинно сушей.

Гавайи, осень 2010

ТАТАРСКИЙ КОФЕ*(Наш Крым)*

Тай, скрывая, пряча,
я счастье берегу.
Ведь ты моя удача
на дальнем берегу.
За тем, за Крымским валом,
у самой Аю-Даг.
Где пляжный летний слалом
стал популярен так.
Где чебуреки с сыром
печет хромой Юсуф.
Где зольным трубным дымом
коптит печной Гурзуф.
Где в старой медной турке,
прокаленной песком,
сварил татарин в бурке
мне кофе с молоком.
И я, скрывая, пряча,
восторг от питья,
почти что чуть не плача,
прозрел суть бытия!

МАЗКИ КУРОРТНОГО ПОРТРЕТА*(Фруктовый натюрморт)*

Море солнца, прохладный бассейн.
Под пальмой шезлонг ротанговый.
За стойкой липкий бармен Хуссейн
в бокал наливает коктейль банановый.
Легкий бриз с твоего бедра
шелк парео игриво слизывает,
а бармен из со льдом ведра
фрукт на зонтик коктейльный нанизывает.
Под золотою оправой очков
черным бликом стекло с переливами
охраняет янтарь зрачков,
обрамленных очами — сливами.
Сочных губ вишневая упругость
на лице ютится мотыльком.
И груди лоснящаяся тугость
чуть прикрыта тканью, как мазком...
лоскутком...

* * *

Кесарю богово
или богу — кесарево?

Кесарево сечение
как божества свечение —
рождение...

ПРИЗВАНИЕ

Влюбленные — это безупречный статус святости. Они призваны друг другу для сотворения божественного акта — рождения новой жизни.

Спесь же выхолощенных утех отбрасывает влюбленных к сраму первородного греха.

Ищите виноватых в зеркалах.
Зеркало — эхо взгляда.

РОЖДЕНИЕ СТАРИКА

Себя увидеть в отражении —
большое, право, достижение.
Торжествованье красоты:
стоишь и видишь — рядом ты.

* * *

Эх, старость!.. Да и смолоду был такой...

* * *

Если сбрить седину бороды,
выскочит ли бес из ребра?

* * *

Старуха сонным взором
уперлась в отраженье.
Ей видится лицо,
но чье оно? —
Сознание в смятении.

* * *

Близок к смятению:
тяга к гниению
собой затмевает
дыхание гения.
Плоть.

* * *

Гонит Ветер мощь всю Волны
на острые рифы, на грозные скалы —
взрывом восторга в брызги разбиться.
Можно иначе Волне умирать:
тихо и медленно таять в мели...

РЯБИ РОПОТ

Вольны ли волны в пути своем?
Вольны лишь только с ветром вдвоем!
Волна и Ветер — свободы пара.
Стих Ветер, и Волны не стало.
Так что ж тогда Волне роптать,
что топчет Ветер ее стать?

* * *

Кто в этом мире посмеет сказать,
что ему еще рано думать о смерти?
Смерть отнимает все,
кроме золота одиночества.

Диспут со смертью должен быть аргументирован:
смешно и глупо пробовать ее разжалобить, еще
наивнее пытаться ее победить.

Если же хочется небрежно порассуждать
о невесомости смерти, то это надо делать либо
на скользком краю пропасти, либо в лодке, которая
дала течь среди штормящего ночью моря. А может,
просто заглянув в глаза забиваемой на скотном
дворе жертвы.

Ку-ку...

ХРАМ НА ОПУШКЕ

О бренности тела,
тщете души
кукушка пела
в лесной глуши.

ДАНТОВЫ КРУГИ

Виток, виток, еще один.
Ах, как ты, Данте, нелюдим!
Разум — враг порыва.
Порыв — дитя чувств.
Чувства — семя жизни.
Жизнь — порождение разума.
Парадокс, на котором зиждется бытие.
Каждодневность пронзена парадоксами.
Парадокс — близнец случая.
Случай — сын действия.
Действие — причина дыхания.
Дыхание — следствие актива.
Актив — изначальность.
Из изначальности состоит бесконечность.
Бесконечность — душа вселенной.
Вселенная — хозяйка бытия и дочь
изначальности.
Изначальность — порыв неизвестности.
Для разума — врага порыва — изначальность
непознаваема.
Спираль вселенной новый вьет виток.
Истинность Данте — самости ток.

* * *

Человек создан по образу и подобию божью.
...Жалкое подобие...

БАНАЛЬНОСТЬ УНИКАЛЬНОСТИ

Уникальность как фекальность —
 тела выбросу сродни.
 Пожирает ночью дни,
 днем отходы извергает —
 в личность уникум играет.

* * *

Творец и тварь. Другого не бывает. Человек же брезгливо отделил себя от последнего, но так и не смог возвыситься до первого.

Кто ты и где ты сейчас, человек?

* * *

Почему каждый, как и все, хочет быть
не таким, как все?!

Кто не считает себя великим,
тот проживет свою жизнь безликим!

НЕВЕСТА

Стрелой в плече у Жанны Д'Арк
опустился боли мрак.
Как коварно лживый враг:
— Ты колдунья, Жанна Д'Арк!
Боль копьем бедро пронзила:
— Не от дьявола ли сила?
Ядро в голову попало:
— Неужели тебе мало?
Встала Жанна, снова встала.
Снова на коня и в бой:
— До победы, войско, стой!
— На костер ее, живой!
Сквозь горящие поленья
все слышали моление.
Как в горячечном бреду:
— Иисус, встречай, иду.

О ТОМ, КАК КСАНФ МОРЕ ВЫПИЛ

Обещания страница —
где доверия граница?
Веры где предел и норма,
скажет вам страницы форма.
Этот маленький листок
весь вместил страстей поток.
Упорядочил, построил,
на логичный тон настроил.
Все спокойно объяснил,
а излишек чувства слил.
Все теперь понятно стало:
чувства-то осталось мало.
Много ясности зато.
Надо делать то и то.
Поступать теперь вот так-то.
Меньше боли, больше такта.
Все осмысленно, легко.
Далеко ли, далеко?
Близко же теперь, что можно.
Почему же все так тошно?!
Почему «нельзя» зовет —
пусть запрет скорей придет!
Пусть все больно будет, тяжело.
Пусть неясно, пусть внятяжку.
Пусть в излишке захлебнусь.
Не смирюсь я, не смирюсь!

* * *

Диоген — киников джентльмен.
Жил он в амфоре привольно,
и того ему было довольно.

Коринф

Покушение, или Несостоявшееся счастье.

ТО, ЧТО ДОРОЖЕ ДРУЖБЫ

Сократу — по духу собрату

В тюрьме последние минуты
свободным в выборе прослыть.
В горькой терпкости цикуты
вкус истины предсмертно ощутить.
Ее критерий в пику дружбе
в основу ценностей вложить.

Афины

CAUTE

Спиноза —
точней нет рифмы,
чем заноза.

В очковтирательстве
шлифовщик линз
так преуспел,
что жизнь свою,
как гимн пропел.
Гимн отстраненности от выгод —
ни удовольствия, ни благ.
Любовь как средство —
к Богу выход,
где *осмотрительность*
как флаг.

Амстердам

* * *

*Тевтонскому теософу —
мистику по сути, сапожнику по ремеслу,
который нашел в себе мужество
сменить не шило на мыло, а шило на перо, —
Якобу Бёме.*

И в ремесле, куда уж
более земном,
чем сапоги тачать,
суметь воспламениться
яростью созвездий,
и в блеске цинкового таза
взор Господа узреть...
Как откровение такое
не воспеть?!

* * *

Ауробиндо Гхош —
ничего не скажешь, хорош!
Он в космос, как в дом свой,
вхож...

*Частному мыслителю,
открывшему ужас НИЧТО,
как честному носителю,
хранившему фикцию НЕЧТО, —
Сёрену Кьеркегору*

СЕРДЕЦ ИСПИСАННЫЙ АЛЬБОМ

Кому придет такая блажь, скажите, —
в альбом пытаться вставить свое имя,
уже исписанный другими именами?..

* * *

Текученье времени Эйнштейна —
плывущие часы Дали.
Как шутка легкая у Гейне —
беспечности аккорд Марли...
Единство многообразий.

* * *

Где-то там вдали
Сальвадор Дали.
Чу!
И вот он уже рядом...

ВАН ГОГ

(Автопортрет поэта)

Удар кисти —
неба дар.
Удар кисти —
кистеном удар.
Удар кисти —
сердца жар.
Удар кисти —
солнца шар.
Ухо на подносе
подсолнухом в покосе.

* * *

Кто знает Пушкина, поймет,
что своей смерти ждал давно он.
Кто любит Пушкина, умрет,
прервав с поэтом жизни кон.
Поэт играл в нее беспечно,
хотя ведь знал, что жизнь не вечна.
Игра ж с судьбой плохая штука —
дается кровью та наука,
которую поэт владел.
Завиден всем его удел.
Любой готов бы умереть,
лишь бы уметь, как Пушкин, петь.

* * *

Пуля в жилете свинцовой заплаткой
вонзается глубже, плоть прожигая...

Метель завывает —

следы замечает...

...Кареты задок...

Черную речку саван прикрыл
льда белоснежного.

Вечер торопится. Сумерки.

Была ли карета — следов уже нет,
и выстрелов был ли нестройный дуэт.

Колышется жаром лисья подкладка —
огонь африканский на русском снегу.

Бубном шамана, с притопом внакладку,
гитара врывается на бегу.

Так что, померещилось?

Не было боя —

корриды с быком олимпийского Зевса?

Завеса, сплошная метели завеса.

Из леса.

Из леса теней и шипенья молвы:

мол, Вы, мол, Вы...

Она и он, а Вы...

Эх звон!

Взмахнуть бы кудрями тебе,

и всех вон!

Как бывало, притвором закрыться:

бумага, перо и книгой упиться.

Друзья впереди —

жди!

Никто ведь не знал,

так как чувствовал ты,

что смерть твоя дышит свинца перегаром...

Накалом, каким же накалом

звенела душа твоя,

друг...

В счастье полета выстрелил кто-то.
Кто-то проверил лишь меткость руки.

ДУЭЛЬ

Отчаянье чайкой подстреленной
рухнуло наземь души.
Высоту своей смертью измерило,
заблудилось в небесной глуши.
Нет, не паника это, но эхо,
отголосок на выстрела крик.
Для кого-то стрельба — лишь потеха,
страх как будто напрасно возник.

ИНФЛЮЭНЦА

Плесень сплетен расплзается,
грибком лжи покрывается.
Разлагается — так полагается.

* * *

«В конце концов, счастье не такая уж
обязательная штука».

Гарсиа Маркес

А счастье бывает?
Бывает... но быстро тает.
Дно иссякает.
Оно убывает,
равно убивает.
Но, к счастью, оно бывает.
Счастье?!

ФРИГИДНОСТЬ ФОРТУНЫ

Всего лишь призрака химера,
отпущенная счастья мера.
Зато вполне реально зло —
диктует правила оно.
Короста корысти зудит,
химеру счастья норовит
у Рока выпросить в кредит.
Благо.

* * *

«Я хочу не умереть — я хочу не быть».

М. Цветаева

Лазурь голубую, запах весны:
буйство красок, силы расцвет
несет твоё имя в себе.
Кровь закипевшую, осенний озноб:
рока туман, завораживающую мощь
сама несёшь ты.
Кричать через годы обязываешь.
Рыдать над восходом зовёшь.
И я жду все —
вот-вот придёшь.
Нервно локон волос от глаз отведёшь,
взглядом пронзишь и узнаёшь —
руку подашь.
Ни сухо, ни нежно
ладонь мне пожмёшь.
Спросишь — звал?
Робости сглотив слюну,
тебе в ответ я кивну:
звал.
Разгребь мне мыслей завал.
Промокни мне душу собой,
окровавил её с жизнью бой.
Давай вместе болью звенеть.
Хочу рядом с тобою петь!

Ты садись —

помолчать хочу,
будущим за любовь плачу.
Одиночество...

Мыслей пророчество...

Хочется, хочется, хочется —
но не может быть с тобой.
Все, уходи.

Слышен горна отбой.
Оставайся родной и далекой.
Под твоей буду жить я опекой,
под надёжной защитой Любви.
В небытьё ты меня лишь найди!

*45 лет со дня
петли в Елабуге*

ОТКРОВЕНИЕ

Неутомимо,
неукротимо —
мимо, мимо.

* * *

Тупые ножницы не режут, а жуют
в разъединить желании бесплодном.
Создать потути искренний уют
бесследно тонут в омуте подобном.

* * *

Вспышка гнева... Родилось:
пепла горсть
людская злость.
Не сбылось, не сбылось.

ЧЕТЫРЕ НУЛЯ

Терпи, казак, АТМАНОМ будешь!

Гоголь торопится.
В ночь уходит.
Гоголь уходит в ночь.
Кто позаботится?
Во мраке он бродит.

Туман... туман...
Из тумана прочь.
Слезы из смеха
и с кровью не вырвать,
боли с улыбки
веки не снять.

Гоголь? — гул непонимания:
мания...

мания...

мания...

В чем же суть мироздания?!
Смех со слезами опять!
Лишь псевдоним пустоты,
будто бы вымыслен ты.
Будто четыре нуля —
это и есть только Я.

ЖИЗНЬ ГОБСЕКА

*(Привет от Плюшкина!
или Неимуший загребущий)*

Год из года — стон изгоя.
Не из крови, а из гноя.
Не ковчег предвечный Ноя,
не в огне горя, но ноя,
ничего собой не стоя,
и не лежа, и не стоя —
сидя, скрючившись живет
жизнью выплюнутый жмот.

* * *

Кому не купить дорогую игрушку,
а кому не найти и сухую горбушку.
Степень нужды — всегда единожды!

ЦЕНА СОСТОЯНИЯ

Много ль, мало ли скопить —
мошною душу оскопить.

Блекнет блокнот — слог уж не тот.

К ЗИНАИДЕ ГИППИУС

Скользкий, скользкий, скользкий мир...
Скольких, скольких надломил?
Раздавил, утопил,
скольких в пададь обратил!
Мрачный, мрачный, мрачный мир...
Мачтой, мачтой от могил
всех манил,
в изгой гноил.
Чахлый, чахлый, чахлый мир...
Часто, часто слезы лил.
Руки мыл
в крови горнил.
...Может, тем ты, мир, и мил?

* * *

Когда встречаешься со злом,
наивно верить в благородство.
В руке зажатый крепко лом
определяет превосходство!

ДОКТОР ЧЕ

Эрнест Гевара — легенда, герой.
Мир весь огромный полон тобой,
словно живую волшебной водой.
Эрнест Гевара,
где ты, там и свара.
Там смута и бой.
Мир беспокойный полон тобой,
словно грязною с кровью водой.
Эрнест Гевара —
душа Боливара.
Сыщиков рой.
Найдут и казнят, раз мир полон тобой,
этой проклятой свободы чумой!
Дай мне руку, Че.

* * *

Бродский со скрипкой — Иегуди Менухин...
Менухин над рукописью — Бродского силуэт...

* * *

Кто бы мог подумать, что в спортзале можно
стать сильным, как... музыка Бетховена!

* * *

Чем отличается туше борца от туше пианиста?
Борец кладет на лопатки, пианист же поднимает зал.
В идеале и там, и там — овации.

* * *

Оркестровую яму от выгребной, кроме содержимого,
отличает еще и то, что она источает.

* * *

Лорд Джордж Гордон Ричард Ноэль Байрон.
Тобой — романтиком — направлен
мой дух поэзии мятежной.
В пучине жизни я безбрежной
ведом твоим лишь маяком.
С другим родством я не знаком!
Ты знамя братства водрузил
в свободе битвы. Ты убил
презренность стиля блюдолизов.
Сильней ты стал судьбы капризов
и выше призрака с косой.
Так стой же, Байрон, тверже стой
на баррикаде безвременья.
Ты вечности уж современник,
душе мятежников — маяк.

* * *

Бок о бок
Байрон и Блок.
Дыханье в дыханье
их пенье — страданье.
Стон в стон
стихов их звон.
И схожесть в вечности правах.
Неведом им растленья прах!

* * *

Учась у участи своей,
не доверяю все же ей.
Себя вверяю я судьбам других.
Дух укрепляю я участью их.

ИЗ ЖИЗНИ В ЖИТИЕ

От дел к деянию
измерь расстояние.
Не линейкой, не метром —
под вольности ветром
судьбою в размах.
Яркой вспышкой впотьмах.

ДВА АЛЕКСАНДРА

Сокуров — кинематографа Суворов.

ТРЮКАЧ. КАДР ТВОЕГО ИМЕНИ

Замирают все — мотор!
 Вспыхнул ярко монитор.
 И шагнул человек в столб огня,
 упал человек с коня.
 Ушел человек под лед,
 на пути машины встает.
 Снято, но нужен дубль!
 За искусство идет человек, не за рубль.
 Растер сухожилье, проверил «защиту» —
 снова будет ударом пробита.
 К съемке готов, ждет команды: «Мотор!»
 Сейчас расстреляют — все пули в упор.

Ж. Д. СИНЕМАТОГРАФ

Одно лицо у проводницы —
 вязанье, проткнутое спицей.
 И стук колес ритмично-строено.
 На нем весь долгий путь построен.
 Качанье мерное вагона
 ладьей по морю — в грязь перрона.
 Экран окна, фильм монотонный,
 где пленкой — поезд многотонный
 в сюжетной линии идет.
 А пассажир развязки ждет.
 Когда окончится кино —
 блеснет в стакане чая дно.

В КОНЦЕРТНОМ ЗАЛЕ

Остановился ночью поезд
 послушать в роще соловья.
 Его стараниям внимая,
 сквозь сон прислушался и я.

ПОХМЕЛЬЕ НА ЧУЖОМ ПИРУ

— Пошто молчишь, соловушка?
Иль не про что уж петь?
— Когда болит головушка,
за песней не успеть!

* * *

Однажды на ворону
напялили корону.
Нелепая в ней птица
так начала гордиться,
что всех своих подруг
запрезирала вдруг.

* * *

Вздохнул — перо мне в нос попало.
Чихнул — пера в носу не стало.
Остались мысли — здесь летал орел.

ПЕРНАТОСТЬ СИТУАЦИИ

В том естество, когда птенец стал на крыло.
И вывих естества, когда прохожий стал на крыло птенца.

Каждый кулик в свое болото гадит!

КРОТОСТЬ ГОЛУБКИ

Гадить на площадь,
в небе паря.
Зря ее моют глупые люди,
зря!

МУДРОСТЬ ЗМИЯ

Иной раз просто уползти —
сильней ужалить.
Себя ужалить —
просто уползти.

КОЛОК Я

(Диалог свиноматки с секачом)

— Я колюч, колюч собою!
И щетиной, и душою...
— Нежен ты, как и душа...
А щетина хороша!

* * *

Неизвестность страшная,
черная дыра.
Сплетня — мышка ушлая,
сердце ей нора.

* * *

Мышью в подполе сидеть,
так безвременно сесть.
Душою прежде постареть,
вдогонку телом одряхлеть.

* * *

Равнодушие, как удушье, —
душит душу прямоюй.
И овечье лишь послушие
греет душу теплотой.

* * *

Если среди овец — молодец,
почему ж среди молодца — овца?!
От мала до велика
толпа всегда безлика.

* * *

Аватара из отары.
В табор набор —
колесить за свободой.

ВЫБОР

Грызет рысь лапу, влезшую в капкан,
чтоб тут же умереть от ран,
но умереть свободной.
Не чьей-то добычей доходной —
хозяйкой уйти в небеса.
Легенду пусть помнят леса,
хранят ее — память о рыси,
свобода искрится чья в выси.
Примером на подвиг зовет.
Капкан в жизни каждого ждет.

* * *

Свобода — это когда не можешь иначе.

БЛИЗОРУКОСТЬ МАУТЛИ

(Лягушонок у пасти Шерхана)

— Утро доброе, Багира!
День ждет добрый впереди.
Для меня ты светоч мира,
так ступай скорей — веди!

И кошка пантерой фальшивой
хвостом подгоняет беду.
И скалится пастью лениво,
потягиваясь на ходу...

УПРЕК ВОЛЧИЦЕ

— Устаешь любить, забываешь —
ты такую холодной бываешь!
— Устаю любить, завываю,
я такую голодной бываю...

* * *

Табличка — символ домо строя.
Елена есть? Не будет Трои!

Предупреждение соответствует действительности:
«Осторожно! Во дворе злая сука и отвязанный кобель!»

Не в дружбу, а в службу:
кому письма доставлять,
а кому дом охранять.

БРИГАДНЫЙ ПОДРЯД

— Заходи, костью будешь! — звякнул цепью привязанный
пес заглянувшему в калитку почтальону.

МАРТЫШКИНО СУДИЛИЩЕ

Слон в подсудной лавке...
Не задавить бы судью в давке!

* * *

Дымятся росы по низинам
костром остывшим пастуха...

* * *

Прядет ушами кобылица,
кормя сосцами жеребенка.
И у людей светлеют лица
при взгляде на в пеленочках ребенка.

* * *

И лай собак,
перебивая треск цикад неутомимых,
зовет под вечер собираться в путь,
тревожность отгоняя суетой...

.....ВЕЧЕР

По золотому небосводу румяным облаком закат
 пурпурными волнами плещет как прибоем.
 Река под ним, от неги млея,
 течет в искристых переливах шелком синим.
 И ночь грядет, их тайну мглой укрывая...

* * *

Дождем расстается осень,
 плаксиво хнычет: «Прощай...»

* * *

Осень — царица печали —
 пушит камыши по затокам.
 И струны, что раньше молчали,
 лучами звенят над востоком.
 Звенят серебром дождливым,
 шуршанием листьев звенят.
 Во взгляде, доселе пытливым,
 все больше слезинки стоят.

ПРОКАЗНИЦА-ОСЕНЬ

Какая смешная на улице осень!
 То красит деревья золота тоном,
 то ветром срывает в краске листву.
 Какая забавная осень и в доме:
 то скрипом по полу к камину крадется,
 то на просушке зонтом вдруг замрет.
 Да и в душе несерьезная осень:
 то сердце щекоткой дождливой уколёт,
 то разум с туманом склубит пеленой.
 А в теле, так просто потеха — не осень!
 То шрамы разбудит нытьем шаловливым,
 то сыростью кости шутиливо сожмет.
 Игрива, игрива веселостью осень!
 В игре, увлекаясь, пугает зимой...

* * *

Огрызается в климаксе осень,
 менопаузой стынет зима...
 Метеосводка гинеколога.

ПРЕТЕНЗИЯ ТОМА

Дни и ночи напролет
дождь со снегом невпопад
вперемешку небо мажет.
И никто ему не скажет,
что пора бы перестать
пачкать призрачную статью.
Чернить слякотью прозрачность —
принимать как однозначность
непогоду за окном.
Гном Том.

* * *

По гуще кофейной судьбу узнавать.

Жемчуг по зеркалу кружит,
дрожит маслянистой слезой.
Росинкой, закованной стужей,
крупинкою льдинки простой.
В кружении этом по глади,
дрожащим скольженьем своим,
мозаики образа ради,
где б места хватило двоим,
за зеркалом ловим виденья —
гадания знаки судьбы.
Чтобы развеять сомненья —
теней избежать гурьбы.

ШУТЕЙНАЯ

Сугробы всюду намело.
Повсюду мел — белым-бело.
И даже ночи чернота
белесой краской залита.
В белилах стены, крыши, лес.
Бездонность вспорота небес
и сыплет пух из их подушек.
Сметаны морем из кадушек
ползет метели пелена.
И всюду, всюду — белена...
Подкрашен белым даже мост.
Под ним проходим льда нарост
подходит больше для забавы.
Нет, не игры, а переправы.
По речке бодрой вереницей
народ скрипит — вот небылица!
Вода под снега простыней
сочится робкой полыньей,
клубами пара в лед вмерзает.
В ладонях даже снег не тает.
Мороз ресницы липко клеит.
Не стрижет он — гладко бреет.
Мыльной пеной ключья выюги
лепят бабу из подруги.
С носом красным снеговик
вдруг из барышни возник.
Все кругом белым-бело.
Только красный нос светло!

* * *

Сквозь пыльное окно,
играя в бликах стекол,
луч солнца ищет, что согреть.
Опять весна грядет.
Дождались мы — тепло.

ВЕСНЫ РАССВЕТ

Тускнеет звездно-млечный след.
Светает, тает лунный свет.
И талые его лучи
в от сна усталые ручьи
вплетают свежий солнца блеск.
И птичий льдинок треск
потерю ночи подтверждает.
Из сини небо в пурпур:
да — светает.

* * *

Что творит нимфоманка-весна,
распуская цветы на деревьях,
где выют гнезда ночные певцы — соловьи,
пробуждая пленительной трелью
коченевшие в стуже сердца!

* * *

Журчит, журчит любовь по жилам...

Когда весенний ветерок
чуть тронет прядь волос игриво,
приятно свежий холодок
напомнит, что природы диво
теплом разбужено для пенья.
Зимы растаяло терпенье:
с каплей в лужах утекло.
Реки хрустальное стекло
под птичий гомон утонуло.
И сладко что-то вдруг кольнуло
в остывшей за зиму груди.
А солнца сколько — пруд пруди!
Пруди и весело купайся,
резвись по морю из лучей.
Весною вдоволь наслаждайся —
давно журчит любви ручей!

* * *

Как стоят в саду пионы!
Пахнут как, и как манят.
Нет, не вздохи — будто стоны
меж собою их роднят.
Их роднят воспоминанья,
плен надежды их роднит.
Аромат как заклинанье
устремляется в зенит.
Насыщает откровеньем,
чуть дурманит густотой.
Под мгновения забвеньем
очарован простотой.
Простотой природы чуда,
ее хрупкостью добра.
Так бутон из ниоткуда
в шелковый хрусталь для бра
ночь от ночи тяжелеет.
Он желанием болеет
расцвести букетом звездным,
в парчу сотканным лучами.
Чтобы вовремя, не поздно,
набираясь сил ночами,
вспыхнуть взрывом — пучком света.
Как застывшая комета,
как остывшая звезда,
кивнуть букетом сочным: да...

* * *

Нежданно твой аромат
в букете полевых цветов поймать...
Какое наслаждение!

УПРЯМЫЙ САДОВНИК

Розы, только розы,
хотя болят занозы.
Хотя шипы колючи
и стебель жестковат.
Слезы, только слезы,
хотя их горьки дозы.
Хотя и жгут горяче
сознаньем — виноват.
Розы. Хочу только розы.

* * *

Полвесны проморгали,
хотя помогали
ею душу согреть —
во весь голос Любовью запеть!

* * *

Желтые листья
Вечной Весны...
Ненужные мысли
скучны и пресны.

* * *

По медленным струям текущей реки
плывут ощущения — чисты и легки.
Впечатления, чувства, сознание плывет.
А память запомнить все это зовет.
Запомнить, чтоб дальше, на гребне волны,
душевную мудрость встряхнуть от воды.
Встряхнуть, от течения ей оторваться,
и так, замерев, над рекой оставаться.
Чтоб времени струи в потоке своем
не трогали душу. Чтоб с нею вдвоем
вечности хладность явить созерцанье.
Естественно чтоб, без натуги старанья,
вместить всю бездонность вселенной миров
в трепетность сердца, в душевный покров.
Тогда млечность космоса бисером звездным,
желанно манящим, нисколько не грозным,
окутает сущность, наполнит собой,
и пульсом сердечным станет прибой.
Прибой океана, из вод состоящий
забвения рек, где момент настоящий
определяет, что *было* и *есть*.
Если все это верно учесть,
то *будет* и *было* несложно слепить —
воды океанской без соли испить.

* * *

Пуд соли с другом за раз съесть...

Пресность речную от соли морской
не отделить одной лишь тоской.
Тоской по источнику, бьющему влагой
об камни настойчиво, даже с отвагой.
Когда пробиваются бурным ключом
сквозь скалы, толкаясь могучим плечом,
ручьи снегов талых —
великих и малых.
Реками вольно текут к океану
воды их, чуждые грязи изъяну.
Хрустально прозрачной голубизны
полные русла, как день новизны.
Дождями до поймы из них разливаясь,
к цели по устьям своим пробиваясь,
реки впадают в седой океан.
В нем и таится тот самый обман,
где снега потоки становятся солью.
Слезам морскими, душевности болью.
Сутью насущной — солью Земли.
Пудами друзья ее не берегли!

* * *

Сильное чувство выдает себя невзначай.

НА 27-Ю ВЕСНУ

Весна распахивает двери,
стучится солнышком в окно.
Ребенок каждый твердо верит —
от материнства все тепло.
Любой малыш спросонья: мама!
Любой отец чуть что: жена!
Недаром чувств весенних гамма
есть праздник женский — суть одна.

НА 47-Ю ВЕСНУ

(Всего-то 20 осеней минуло)

С приходом весны
пусть сладкие сны
страстной явью продлятся.
Сюжеты пусть снятся
желанных картин.
Где я стою рядом.
С тобой, не один!

* * *

Страсти жар как божий дар —
клубом вьется нимба пар.

Исчадие рая —
в страсти сгорая,
собою чадить.
Нетленное чудо
 чувства явить.

ТОРГ НА НЕБЕСАХ

Воплощает как прощает.
Плоть лишь страстью искушает.
Площадь ливнем искупает.
Грех свой чувством искупает.
Индульгенции скупает.
Сапогом в грязи ступает.
Прямо в рай.
Дай же святость ему, дай!

ОЗАРЕНИЕ БЛАГОДАТЬЮ

О, сколько в этом тихом «Да»!
Коротком, емком монолите.
Его промолвила вдруг та,
кто словно в облачном бисквите
спустилась ангелом ко мне,
когда я был на самом дне
неверья в жизненное чудо.
Она спорхнула ниоткуда.
Не бледной сущностью бесполой,
служить нейтрально мне готовой,
но музой страстной, огнем,
воспламенившим сердца ком.

* * *

Как глоток воды в пустыне,
нужно слышать голос твой...

Надорванность, кровавящую душу,
промакиваешь бережно собой.
Так ласково облизывает сушу
шипящей пеной благодати прибой.
И загнанность измотанного сердца
ты осторожно наполнишь добротой.
И начинает сердце греться,
едва услышав голос золотой.
Твой.

ПЕРЕПЛАВКА

Растоплен воли всей моей металл.
 Не грузнет мне она железною твердыней.
 Как зря вознес ее на пьедестал —
 она смирилась пред любовью,
 став рабыней.

Поклон тебе, Царица...
 С гордынею смириться
 и на колени стать.
 ...Я обожаю твою стать.

КОРОНАЦИЯ ЦАРИЦЫ

Будь глазом моим и сердцем,
 душою моею будь.
 Пожелай моей болью одеться,
 пусть ею вздымается грудь.
 Тогда только чистую святость,
 какую в себе я ношу,
 ты с кровью примешь, как радость
 жертвы закланья ножу.
 Тогда только в мир совершенства
 взлетишь ты, крылами шурша.
 И примешь корону главенства.
 Ох, как же ты в ней хороша!

* * *

Смиренна. И только
 взгляда ее пламень
 все выдает...

Гордый титул царицы
 должен в сердце храниться.
 Радужным нимбом корона,
 сиянье точеного трона.
 Должно все в душе таиться
 у истинной неба царицы.

* * *

С царицей в родстве —
 чем не царь?!
 Как круг в колдовстве —
 новь и старь...

* * *

Что за жизнь, когда без царя в голове
и царицы в сердце!

* * *

Хоть тюрьма, хоть сума,
выбирай-ка ты сама!
Ну а выберешь дворец —
буду счастлив, наконец!

* * *

...Любая женщина по сути волшебница. Но раскрыть
в ней чары колдовства способен только мужчина. Ведь
магия — это всегда искусное сочетание игры энергий
света и тьмы. Мужчины и женщины. И ничего сверх того.
Ничего...

Потеряем право прощать.
Твердость правды в себе воплощать.
Если с нашей стези мы отступим.
Соратница, удержи.

ВОСХИЩЕНИЕ

Поводырь сердечный мой!
Пусть вокруг кружится рой
подхалимов и льстецов,
лизоблюдов, подлецов.
Я доверился тебе —
проведи меня к среде.
Целованием предаст
нас Иуда, пусть придаст
нашим чувствам откровенье.
Через крест и к воскресенью
мы с тобою пусть придем.
Ждет Отца священный дом.
Там ты должною хозяйкой
воцаришься в чистоте.
Я с тобою — царь небесный —
воссияю в высоте.
Поводырь мой дорогой,
сердце жаждет — я с тобой!

* * *

Сердце любимое
мною ценимое
сердце родимое
мною ранимое
небом хранимое
страстью пленимое
юное сердце.

* * *

Ни боль, ни сила и ни слабость
не могут быть обычны в нем.
Когда любви накроет радость
пылает счастья он огнем...

Не земное нам дается, но небесное.
Для других пусть остается все телесное.
Ты истина — истинна ты.
Сущность моя, сердце моего Я.

ДВОЕ В ЛЮБВИ

Два сумасшедших, друг друга нашедших,
в мире огромном живут.
Два сумасшедших, с неба сошедших,
возвращения к Вечности ждут.
Два сумасшедших.

* * *

Небу подношение
наши отношения.
Благодати приятие
наши объятия...

Змеиными тропами
к Журавлиному озеру,
где живет гармония Весны!

ПО ПРОСТОРАМ ВЕЧНОЙ ВЕСНЫ

Ты змея, а я журавль —
только вместе мы Юн Чунь.
Ты вода, а я корабль —
по твоим волнам лечу.
Твоим ветром наполняю
своей страсти паруса.
Экипажу объявляю:
держим курс на небеса!

* * *

Вера твердыней
не полнит гордыней,
но поит святою желанной водой.
Сущностью поит —
 тобой.

Верю.

Не казни меня за веру,
ложью страшной не казни!
Истину возьми за меру,
избавь вены от резни.

ЗВЕРИНАЯ ЧУТКОСТЬ

Постучусь я в твои двери,
ты откроешь мне.
И глаза мои, как загнанные звери,
будут шарить на твоём душевном дне.
Осторожно — вдруг они наткнутся
на холодный — «не ждала» — отказ.
И тогда в знакомый окунутся
омут горя — из дежурных фраз.
Не найдя убийства раздраженья,
робкою надеждою горя,
взгляд мой, не готовый к пораженью,
позовёт тебя, как путника зоря.
И когда подскажет сердце, что ты рада,
и когда увижу, что ждала,
вот тогда бесценная награда
душу переполнит — её ты дала.

БЛАЖЕННЫЕ

Протянись ко мне чувственно мыслью,
 обратись ко мне страстно душой.
 Мы с тобой обнаженные вышли,
 чтоб пройти экзекуции строй.
 Нас хлестать будут ветры разлуки
 и пинать будут сплетни захлеб.
 Но нужны испытания муки,
 укрепить правоту нашу чтоб.
 Чтоб сквозь строй нас, друг друга ведущих,
 исстегали бы судьи сполна.
 Чтоб дающих нас, впредь, не берущих,
 омывала блаженства волна.
 Чтобы стигмы наши блаженства
 в беспримерной своей стезе
 всем сияли, как знак совершенства —
 отраженьем вселенной в слезе.

* * *

Наша любовь как бездонность вселенной —
 вспышка огня в этой жизни мгновенной.

Сознание вдребезги сердца напором.
 Колотится.

ДИНАМИТ ЧУВСТВА

Вмиг сознание взорвано.
 Суета вся в хлам!
 Нам с тобою лишь дано
 воплотиться в храм.
 Никогда не тронет нас
 быта низкий вздор.
 Сердце слышит неба глас,
 и туда наш взор.

* * *

Иногда я, к счастью, видел
 твоего лица рассвет.

Повсюду молвою площадная брань...
 Звездой путеводной на небе мне стань!
 И светом душевным, теплом наготы.
 Повсюду мне правдой являлась чтоб ты.

* * *

Счастью преданно служи —
правду отделяй от лжи!

Не суди меня так строго —
это избранных дорога,
коей мы с тобой идем.
Ткань небесную плетем.
Из которой покрывало,
что до нас ведь не бывало,
укрывает страстность душ.
Любящих попасть под душ
звезд косматых и желанных,
благодарных, не жеманных.
Жить под сенью звездопада,
вечность пить — лишь это надо,
милая, с тобою нам.
Оказаться чтобы там.

* * *

Я бессилен от всесилья,
ощущенья правоты.
Я не признаю насилья:
в сердце истинность лишь — ты.

* * *

Дневной на пике долготы
я водружаю знамя: ТЫ!
Могучее древко его
знамени стоит того.
Пuls страсти
дрождью по знамени бьет.
Утверждаюсь...

* * *

Нервом дня моего,
пульсом ночи...
Имя твоё.

Твоим именем живу.
Именем как знаменем.
Знаменем как пламенем.
Твоим именем я жгу.
Ты дыханье и мысль.
Ты желанье и смысл.
Ты.

ТЫ СЛЫШИШЬ?

Ты для меня всех нужней
 в этом мире,
 всех роднее и ближе.
 Остальные — неизмеримо —
 дальше и ниже,
 но ты же...
 Ты для меня всех важней
 в этом мире,
 всех больней и дороже
 тоже.
 Остальное — невыразимо —
 малозначимей,
 никчемней даже.

* * *

Не джинном в банке,
 не иконой в рамке —
 буду собой я служить.
 Безраздельно тобою жить!

ОТ ЧИСТОГО СЕРДЦА

С тобой мое благословенье,
 пусть правит тебе путь.
 Твое пусть каждое мгновенье
 стучится тебе в грудь.
 Напоминанием пусть будет
 высокой миссии твоей.
 И если разум вдруг забудет,
 что к миру надо быть добрей,
 прислушайся к грудному стуку.
 Благословеньем дышит он.
 И утешенья сразу руку
 протянешь, заглушить чтоб стон.
 За этим в мир пришли
 с тобой, родная, мы.
 Какое счастье, что нашли друг друга.

* * *

Конечно, сердцу не прикажешь!
 Проникновенно только скажешь.
 Шепнешь с мольбою — сохрани
 то чувство, что болит в груди.

ЧУДО ТИШИНЫ

Тебе вся моя немота стиха.
 Оттого в нем мысль неясна и тиха,
 что сердце стучится часто и громко.
 Оттого, что по телу волнами ломка.
 Тебе вся моя немота стиха.
 В нем только лишь святость — ни строчки греха.
 Лишь искренность чувства и силу его
 несет беспокойно мое перо.
 Тебе вся моя стиха немота.
 Хоть стройность слога совсем в нем не та,
 я знаю — услышишь ты в нем тишину.
 В нее посвятил я тебя одну.

Страсть наша чиста, до святости чиста!
 Жизнь наша быстра, до ужаса быстра.

НЕ БОЙСЯ

Увидишь, смерть свою косу ломает
 о счастья вечности гранит.
 И наше чувство не растает,
 поэт не будет в нас убит!

И ТОЛЬКО...

Мне бы слышать твоё лишь дыхание.
 Чистой птицы крыла порхание.
 Мне бы чувствовать лишь сердца биение.
 Сокровения откровения.
 Мне бы видеть лишь облик твой.
 Лучезарной святости. Неземной.

* * *

Порой любовь такой гордиев узел вяжет
 из жил своих!
 Но от того лишь страсти ту же пульс.
 Ту же... пусть!..

Тебя намного в моем сердце больше,
 чем может сердце уместить!

ПУЛЬС НА ЗАКАЗ

Сердце-птица, можешь биться
 так, чтоб с милой мог я слиться?
 Сердце-птица, не томиться,
 а к любимой устремиться!
 Сердце-птица, голубицей
 устремиться так, чтоб слиться!

Фата из белого тумана,
подвенечное платье из грез...

ВСТРЕЧА С ЛЕБЕДЕМ-ЦАРЕВНОЙ

От любых невзгод закрою,
от всех бед уберегу.
Платье царского покрою
и шатер на берегу.
Проведу по счастью чутко,
в наслажденье окуну.
В венке вьется незабудка,
звоном полнит боль-струну.
Дам сполна собой напиться
страсти терпкого вина.
Лебедем плывет девица,
чувством светится она.
Предложу навек остаться
под защитой моих рук.
В той девице, может статься,
отзовется сердца стук.
Перекличкой тех ударов
станем мы часы считать.
Отблеск чувственных пожаров
будет красить нашу статью.

Могучий трепет крыла:
родная, где ж ты раньше была?

К ЛЕДЕ НА КРЫЛЕ

Бледною зарею по небу тоска.
Камышинный чуб ветер теребит.
Легкая волна гладит тишь песка,
и покой реки серебром блестит.
Робким вздохом ряби кружится вода,
будто бережку журчит мило — «да».
Нежный взгляд заката розовой слезой
окропил тропинку от реки домой.
Ты идешь — не дышишь, будто не жива.
Рядом говор слышишь — шепчется трава.
Провожают птицы в небесах тебя.
Среди них томится гордый лебедь — Я.
Поклонись погоже батюшной змее,
обратись, быть может, к блуднице-луне.
Пусть они подскажут, где он — терем твой.
Путь тебе укажет добрый волка вой.
Подойди к порогу и взмахни платком.
Я найду дорогу — с неба снежный ком.
Заколдуешь негой мою птичью статью,
только вот лишь мне бы в страсти не отстать.
Не завянуть раньше твоего венка.
Не осилить фальши — шея так тонка!
Слишком чист и мягок пух лебяжий мой.
Вдруг тебе он сладок только как подбой.
Только для перины перья хороши.
Нет другой причины — сети для души.

* * *

Обожаю каждую страницу
дней прекрасных,
 прожитых вдвоем.
Где тебя,
 мною пойманную птицу,
страстью я кольцую,
 как огнем.

НЕСПЕШАЩЕЙ

Догораю, дорогая!
Страсть души, испепеляя,
светит ярким маяком.
Путь тебе к нему знаком.
Торопись же. Челноком
твоим утлым не успеть
песню чувства вдвоем спеть.
Ты оставь его. И вплавь
парусом желанья правь.
Стань бегущей по волнам.
Жаром страсти я воздам.

* * *

Музыка моря...
Музыка шепота страсти нашей...
Музыка стука сердец в унисон...
Музыка чувства — сон...

С ЛЮБОВЬЮ В СЕРДЦЕ

Океан меж нами,
он не разделяет —
собою единит!

Издалека гладь моря кажется спокойной,
а подойдешь, сбивают волны с ног...
О, как ласкают воды океана!
И чудится, что это ласка не волны...

Хайнань

* * *

Что дрожь моя тебе — пустая рябь воды.
Что стон мой — всплеск волны, и только...

* * *

Страсти дрожь — неотлучная спутница.
Не прогнать, не унять...

* * *

Всего тобой колотит!
 Душа и плоть вразрыв!
 Пусть страсть желаньем
 СПЛОТИТ
 в единый чувств порыв!

ЕДИНСТВО ТЕЛА И ДУШИ

Не душа — когда памятью тело горит...

Тело памятью горело
и пожаром душу грело,
превращая теплоту
в страсти чувство, в память ту.
Ту, горит которой тело.
Не разорванное — цело.
Все пылает целиком,
не шадит и сердца ком.

КОРОЛЕВА ШЕПОТА — СТРАСТЬ

Королева должна быть сокрыта!

Томь сладкая по телу бродит.
То в сердце заглянет, то ниже.
С душой разговор заводит.
То громче шепнет, то тише.

ВЗАИМНОЕ УДОВЛЕТВОРЕНИЕ

Я не оставлю тебя в покое до тех пор,
пока ты не оставишь меня в покое!

* * *

...Уж сколько слезных панихид по ней в истерике отпето!
А она живет и страствует! Любовь...

ПАРОВОЗНАЯ СЕРЕНАДА

Стук мне поезда колес
шепот твой в ночи донес:
Люблю и любима,
разлука пусть мигом.
Люблю и любима,
тоска-грусть пусть мимо.
Пусть под такой перестук
мгновеньем промчится
 время разлук.
Люблю и любима.
Люблю и любима —
пишется ветром
 в клубах паровозного дыма.
Люблю и любима...
Гудок паровозный
 вторит за ним:
Я тоже, я тоже —
 люблю и любим.

Если ты со мной —
сердца стук иной.

ОПАСНАЯ СОСЕДКА

Рядом, рядом
с сильным ядом
я живу.
Взглядом, взглядом,
ресниц нарядом
я дышу.

А ведь есть что вспомнить!
Нечего забыть...

БЕЛАЯ НОЧЬ

*(Самая короткая лав стори,
или Этот дерзкий, дерзкий Невский)*

В шаге от Невского
стул нам чердачный
ложем любовным
власть послужил.
Мгновение с вечностью
страстью сдружил.

НОЧЬ НЕЖНА

Поцелуй твой в уста медовый,
искрящийся счастьем взгляд.
Желанный сон, не бредовый,
вижу в нем твой воздушный наряд.
Ты плывешь в нем — само совершенство,
рядом птицы поют и цветы.
И блаженство несешь мне, блаженство,
и меня принимаешь ты.

Все в этом мире зыбко:
за слезою придет улыбка.

ФЛЕЙТА СЕРДЦА

Не кроликом к удаву
в кровавую расправу,
а музыкой к устам —
звучать чтоб песней там,
я льну к тебе, родная.
Мелодию я знаю,
живет она в груди.
В себе ее найди.

* * *

Родной мой воздуха глоточек.
На шее шелковый платочек.
На сердце бархатность щеки.
И губы в поисках руки...

* * *

[illegible]

* * *

Нацеловаться бы руками твоими,
только лишь ими, ими одними...

КАЧЕЛИ

Как я люблю качать твои качели,
 когда навстречу ветру свои ты скидываешь ноги ввысь.
 И пышным шлейфом оставаясь сзади,
 не успевает платье их прикрыть...
 Ритм колыханья шелка волн твоих волос
 струится сверху звездным водопадом,
 бликуя в бездне ночи, средь смоли неба, переливами огня...
 И, бурно пенясь на груди порогах,
 кудрявый локон шалостью ручья
 коснется вдруг соска, чтобы прикрыть его собою...
 А тело, задавая водопаду кудрей такт,
 содрогнется в ответ на ласку эту,
 все убыстряя пляску страсти
 и выше достигая пика взлет...
 Как я люблю качать твои качели!

* * *

В хрустальном звоне нашего хрупкого счастья мы
 призрачны оба.
 Светлы и чисты. Легки и прозрачны, как чудо...

Мечта твоя пусть птицей
 ввысь к звездам устремится.
 И страстью возгорится,
 с моей мечтой чтоб слиться.

ВМЕСТО ВСТРЕЧИ — СОН

Звездной пылью,
 россыпью
 ночи небосклон.
 Росы пью,
 как почести,
 место встречи — сон.
 В нем с тобой я, милая.
 Вместе мы, вдвоем.
 Ощущаю силу я:
 чашу счастья пьем.

* * *

Без тебя жизнь утекает сквозь вялые пальцы.
 С тобой — бьет ключом из сильной руки.

“Sol una nocte, et mai non fosse l'alba”
«Только одну ночь, но ночь без рассвета».

Петрарка

СОН НАЯВУ

Подари мне ночь любую —
сладкозвучную такую,
чтоб ее запомнил я
до прихода смерти дня!
Подари мне ночь любую,
нет, не сонную — другую,
подари мне сказку-ночь.
Чтоб она была точь-в-точь
повтореньем сна былого —
сладкозвучного такого,
что запомню я его
до дня смерти своего.

* * *

Подари мне воскресенье,
вознесенье подари.
Это будет день рожденья
нашей пламенной любви.
Подари мне час забвенья,
луч надежды подари.
Это будет миг плененья —
в рабство сладкое приди!

Что такое богу верить в Бога?
Когда солнце с небом говорит.
Людам лишь неведома дорога,
на которой в Вечность дверь стоит.

ЖИЗНИ СОН

Заблудших душ круговорот
все тщетно вьется у ворот,
что в Вечность открывают путь.
В них не войти — лишь заглянуть
желает обыватель робко.
Его пугает ада топка,
поэтому душа его зудит.
С тобой же мы берем кредит
небесных благ в нужде иной.
Пришли из Вечности с тобой,
туда же надо нам вернуться.
Всего лишь навсего проснуться
для этого необходимо.
И пусть года проходят мимо.
Пусть других тогда кружит
Христом проклятый Вечный Жид,
который все готов отдать,
чтоб снова смертным тленом стать.
Проснувшись, мы осознаем,
что Вечность — наш с тобою дом.
Вернемся скоро из гостей —
родного дома что милей?
Проснись.

* * *

Все это сложное мироустройство
я принимаю только с тобой.
Не для того, чтоб добиться довольства,
а для того, чтобы выдержать бой — с суетой.

Собой освещаешь млечный мой путь...

РАССВЕТ

Светает, святая,
пора улетать.
Чтоб, в воздухе тая,
мечтать позволять.
Чтоб снова ждать ночи,
когда прилетишь.
Желать, что есть мочи —
живешь, как бы спишь.
Во сне пребывая,
всегда я с тобой.
Так, явь убивая,
веду с бытом бой.
Его не приемлю
я в форме иной —
святую лишь землю,
лишь землю с тобой!

НА ЗИМНЕЙ ОПУШКЕ

Допьяна в восторге я смакую,
как ты однажды распахнула
шубку на снегу...
Такую стройную и страстную такую
без стога неги я представить не могу!

УСЕРДНЫЙ ПАСЕЧНИК ЛЮБВИ

Томлюсь тоскою сладкой
по милой госпоже.
Как с медом сочным кадкой,
я полон ей уже.
Нектар любви по сотам
давно пора разлить.
Он страстью собран, что там —
его весь не испить!
Не высушить до донца
души резервуар
прощаньем многоженца —
Адю! Оревуар...

* * *

Просто оторопь берет:
немота проклятая, сладкая моя.
Крик беззвучный душу рвет —
маета измятая, рваные края.

* * *

Сколько осталось частей —
наших не лет уж, а дней!

Девятую часть длинной жизни,
что суждено нам прожить,
не знали друг друга мы.
Десятую часть этой жизни,
узнав мы друг друга,
прожили врозь,
двадцатую часть нашей жизни
мы прожили в споре.
Тридцатую в ссоре.
А треть своей жизни
мы провели во сне.
Ох, как же ничтожно мало
жить нам осталось
вместе.
Вместе — тебе и мне.

Дружба — это память.
Любовь — забыть.

ДРУЗЬЯ

В ответ на стон мой
кто-то рассмеется.
Кто-то скажет:
да брось ты!
А кто-то тихо кивнет:
лети.

* * *

Когда любовь вступает в битву с дружбой,
то бьются насмерть, хоть законы чести чтут.
Врагу и пяди не уступят.
Победы жаждут безраздельной.
О перемирье речь смешна!

* * *

Ищу в своих стихах созвучия я с жизнью.
И нахожу его, когда любовью моя рифма дышит.

Любовь так мощно меня давит,
такие крылья тяжело ставит,
что сил почти уж нет держать.
Но надо стоном рот зажать
и судоргой кивнуть — я благодарен
за то, что *Небом* этот груз подарен.
За то, что я не в землю вдавлен — ввысь.
На всю оставшуюся жизнь
впечатан так я в трепет чувством.
Пронзительным и в счастье грустном.
Великим чувством, коим есть *Любовь*.

* * *

Вспышками с неба
искрит звездопад!
Каждой комете я рад —
невпопад.
Не в милые руки,
не в плоти бутон.
Не в губы родные
космический звон.

* * *

За то, что будет впереди,
меня ты, милая, прости!
Мне каяться — тебе же крест нести.

Чуть наклонившись,
ты шепнула тихо:
судьбу кляня,
терпеть меня
и мучаться со мной.
Себя пленя,
киваю головой:
ты мне ровня,
терпеть тебя
и мучаться собой.
Промолвил эхом
вмиг я.

* * *

Люблю и каюсь.
Каюсь и зову.

ЛИНИЯ СУДЬБЫ

Судьбе подобные губы:
и ранимы, и чутки — не грубы.
Искусаны в кровь, исцелованы ль больше?
Периметром губ очерчена жизнь —
не дольше.

ВОПРОС ПО СУЩЕСТВУ

Жалом змея жаром сея,
я несу любви огонь.
Душу грея, слышу: где я?
Для кого же сердца бронь?

* * *

Шалаш у рая...
В шантаж играя,
адам пугать.
Ну не стать мне святым
в шалаше,
ну не встать!

Хриплым надрывом
голос стиха.
Страстным порывом
пламя греха.

ПРОКАЖЕННЫЕ СТРАСТЬЮ

Смирись, плоть,
 не буйствуй, дух!
Молись вплоть
 до гибели двух.
Ты и она —
 чаша одна.
Разлить ее вам —
 срам!
Хранить ее вам —
 храм.
Испить ее вам —
 там.
Ты и она —
 чаша без дна.
Бездна.

* * *

Любовь до гроба!..
А после, что — ненависть?!

БЕСПЕЧНОСТЬ НЕБОЖИТЕЛЯ

Потому я беспечен, что вечен.
И потому хохочу я во тьму.
Мне безразлично, что мир быстротечен.
Не запугать мою душу ему.
Но если я в Вечности буду скитаться,
Если найти там тебя не смогу,
То в Вечности мне ни за что не остаться.
То пожелаю лишь это врагу.

* * *

Ушел, а хочется вернуться.
Уснул, а хочется проснуться...

* * *

Ты ведь знаешь, друг мой, ты ведь знаешь,
тяжело как женщиной болеть.
Понимаешь. Ты ведь понимаешь,
хочется как боль свою воспеть.

* * *

Когда счастье в клочья рвет...

* * *

Висельником в петле хрипеть!
Вот что значит о счастье петь.

Кошмаром, как будто жаром.
Ударом, как будто даром.
Кинжалом, как будто жалом.
Холодом, будто голодом.
Равнодушьем, будто удушьем.
Боль моя, дрожь моя. Счастье.

ПОЦЕЛУЙ

То раскаленное жаром,
то от холода ледяное,
лезвие, острым ты жалом
скользишь из ножен покоя.
Чтобы, жертву свою нащупав,
блеском стали ее ослепить.
Чтобы, ложью ее окутав,
внезапным ударом навек усыпить.
А потом, утеревшись от крови,
согревшись от холода или остывши от жара,
заскользишь ты снова до крова.
К ножнам покоя — вечная пара.

* * *

Тебя мне оставить —
нож холодный к груди приставить.
Без тебя мне уснуть —
льдом по сердцу полоснуть.
С тобой же жить —
в ожогах быть.
В одних уснуть объятьях —
на двух гореть распытьях.

Твои глаза слезой полны,
вкус на щеке морской волны.

ЧУВСТВА НА ВЫРОСТ

Если чем тебя обидел,
то прости.
Я тебя другою видел —
ты расти!

ПОКРОВИТЕЛЬ СЛЕЗ

(Меню сердцеда)

И соль морская плоти соль напомним.
Такою болью сердце вдруг наполнит,
что кровью вспенится волна,
какую пролил ты сполна.

УТЕШЕНИЕ БРОШЕННОЙ

По горячим следам,
по горячим слезам
я найду тебя там,
где остался я сам.

МОЛИТВА В БРЕДУ

Спаси меня,
 забери меня,
 уведи меня.
 Умираю я,
 задыхаюсь я,
 гасну я.
 Охрани себя,
 убереги себя,
 отведи от себя.
 Затопчи меня,
 погаси меня,
 заворожи меня.
 В камень,
 в шлак,
 в несусветицу.
 Встретиться...
 Встретится!
 Лик твой светится.

* * *

Два статных сильных тела молодых,
 два духа страстных, но слепых
 уединенно в ночи тишине
 забвенно шепчутся.
 Молитва...

* * *

Мир без тебя так чудовищно пуст.
 Ты слышишь, Любимая?
 Неисчислимая валится грусть.
 Где ты, Родимая?
 Неупредимая пожирает.
 Пусть.

* * *

Даю я молча обещанье,
 ты страстью взора отпускаешь все грехи...

Осознаю кричаще —
 молитву шептать надо чаще!
 Чтоб ты страстный шепот
 услышала мой.
 Чтобы вернулась, родная,
 скорее домой.
 Домой — к очагу, что построю.
 Поверь — я царского стою.
 Царского ли, царица?
 Тебе лишь распорядиться!

* * *

Сердца моего княжна!
Ты мне нужна, нужна.
Нежна.

Спотыкаюсь от бега на месте,
задыхаюсь — хочу быть вместе!
Время — мельком,
расстоянье — прыжком.
Хоть пешком, хоть шажком...
Да даже ползком —
но к тебе.

К горлу ком:
страстью-крылом
перенеси меня, птица,
к любимой — царице.

ВЗГЛЯД НА ВОЛЮ

Разлуку режу страсти крылом.
Тоску застилаю желанья мостом.
Потом. Остальное потом.
Сейчас же через города и веси
устремился весь я
в сердце свое — к тебе.
Сквозь решетку — к моей судьбе.

Земная, как ввысь ты зовешь!
Небесный, как вниз я тяну...

МНЕ БЫ...

Мне бы только потрогать твой волос.
Мне бы только услышать твой голос.
Тихий голос: «Мой милый, приходи!»
Разрывается сердце в груди.

Не подымай меня с колен —
мне сладостен коленей плен!

ОДОБРЕНИЕ

Опущусь я на колени,
обниму твои.
В единеньи наши тени,
позади бои.
Позади разлук тревоги,
сгинула беда.
Я целую твои ноги,
слышу свыше: «Да!»

* * *

Любовь вычищает до бессмертия!

* * *

В сладкой копны
шелковистый стог
клокочущий страстью поток...

Увидеть твои глаза,
коснуться губами ног...
Чтобы в душе гроза,
чтобы ливнем истечь я смог!

ШАГАЯ ПО ПЛАНЕТЕ

(С каждым шагом друг к другу ближе)

Вся наша жизнь — убийство километров.

Грузом черным тянет сердце вниз
обилье мертвых тысяч километров.
Ох, сколько их пришлось убить,
и сколько их убить еще придется!

ЧУТЬ

Скупость щедрости размеренно дарит
ощущение близости дня.
Молодит болью душу, не старит,
нас с тобою все больше родня.
Близость дня дает силы надежде,
вдохновляет на подвиг меня.
Бой разлуке давать — невежде,
что не ведает, новь леденя.
Где сейчас ты и с кем ты, чужая,
ощущаешь ли близость ты дня,
когда с шепотом тихим — родная,
чуть коснусь я губами тебя...
Чуть...

КОЩУНСТВЕННОЕ ЧЛЕНОВРЕДИТЕЛЬСТВО

В отчаяньи кусаю свои губы,
чтоб стон «ВЕРНИСЬ»
не дать им прошептать...
Как смею делать больно им,
ведь губы святы тем,
касались что ТЕБЯ!

ПОСЛЕВКУСИЕ ЕЩЕ

Еще в волнах
 качаюсь я полета,
 еще тону в касанье
 рук твоих.
 И шорох простыней,
 как будто шепчет кто-то,
 объединяет нас двоих.
 Еще...

БЕССМЕРТНАЯ ЗВОНКОСТЬ ПУЛЬСА ЛЮБВИ

Когда бессонницу робко сменяет
 пугливости полный сон,
 меня он мягко роняет,
 разливая в душе сладкий звон,
 в крылатость твоих объятий,
 в распахнутость милых рук.
 Где вместо ума понятий
 царствует чувства звук.
 Звук сбивчивых сердцебиений,
 невнятности страстной звук.
 Свободный от штампа мнений —
 влюбленного сердца стук.
 И в сладости этого звона,
 купаясь в его волнах,
 мне слышатся нотки стоны,
 негой поправшего страх — прах...

* * *

Любые расставания —
 для души не расстояния!

* * *

Тысячи верст меж нами —
 меж невостребованными губами...

Как же страшно мне просыпаться,
 одному оставаться в ночи.
 Нет сил мне с тобой расставаться,
 но бессонница шепчет — молчи!
 Наслаждение теперь сменяет
 хоровод безысходных химер.
 Мне в обязанность больно вменяет
 подавать устрашенья пример.
 Устрашать я безволием должен,
 неумением разлуку снести!
 Как тернист ни был путь и сложен,
 благодать с него не смести!
 Благодать чувств штормового прибоя,
 их взаимности пенистый вал.
 Когда каждый из общего боя
 победителем в рост весь вставал.

Америка

WHERE THE TURF MEETS THE SURF

Когда трава встречается
 с волною
на зыбкой грани
 суши и воды,
мне чудится,
 что будто я с тобою.
Что вместе мы
 вкушаем райские плоды.

Америка

MIDNIGHT DREAMS

Зачем чураешься, родная,
зачем себя так сторонишь?
Бывало, страстью обжигая,
ты близостью взрывала тишь.
Взрывала стоном, как дыханьем,
томленья шепотом своим.
Когда под мерным колыханием
хватало счастья нам двоим.
Хватало до изнеможенья,
до сладкой неги хрипоты.
С тех пор за миг до пробужденья
мне зрится райский образ —

ТЫ...

Америка

— 258 —

* * *

Хромым с костылем,
слепым с поводырем —
к тебе.
Поклонником,
покойником —
к тебе.
Убогим в проказе —
к тебе, к заразе.
Нищим с сумой
все богатство с тобой.
Доберусь ли?

Сладкая лесть —
страшная месть.

ВЕНЧАНИЕ

Душевный паралич —
меня с ним повенчала.
Но сердца страстный клич
зовет начать сначала.
Зовет поверить снова
в твое родное слово.
Поверить и понять:
тебя мне потерять —
в параличе забиться,
безверья плесенью покрыться,
отчаяньем застыть.
В параличе ли жить?

— 259 —

* * *

От в сердце боли и тоски
сорви кровавые куски
невыносимого нараста.
Тебе ведь это очень просто —
улыбкой встречи гнет убрать.
Придется даже если врать,
солги во благо, во спасенье.
Покойника, чтоб воскресенье
заслуги вспыхнуло огнем.
Как будто вправду —
МЫ ВДВОЕМ...

Америка

* * *

Обожгло сладостью, что было —
болью, что прошло.
Обожгло.

Болезнью ты вылечила меня.
Мучиться в счастье своем неразделимом
участь наша.

В ПОГОНЕ ЗА ЧУМОЙ

Кандалами висеть я не буду.
Я добуду желанье твое, добуду.
Не насильником в тягость,
а светильником в радость
я тебе быть хочу.
За надеждой к врачу
так стремится чумной.
Я тобой безнадежно больной.
Не обузой в пути —
помогу я найти
тебе истины свет.
Только дай мне ответ,
что, желанный, я рядом.
Только парой — не стадом —
с тобою идем
как один мы, вдвоем.

* * *

Помню, в хмельном бреду
звал я все милую, ту...

И ждал, и звал тебя,
и проклинал себя
за эту слабость.

Обманывал,
что вправе
эту радость...

Кому преподнести?

* * *

Не знаешь, что жаждешь сильнее —
услышать или сказать.
Сказать, что любима до крика,
до самых глубин души!
И робостью сбивчивый голос,
взаимности полный, твой внять...

ФИНАЛ БРАВАДЫ

Меня оставишь? Ну, напугала!
Таких, как ты, повсюду немало.
Тебя и помнить-то не дольше дня я буду.
Одно вот только: как мне этот день прожить?!

* * *

Таю, святая, таю.
В небытие ухожу.
Я землю вновь облетаю,
тебя вновь не нахожу.

Неизбывная грусть провожает повсюду:
неужели с тобой после смерти не буду?
Неужели один буду Вечностью звездной,
неужели с тобой стать единым мне поздно?
Неизбывная грусть провожает повсюду:
знаю — в небытии лишь тобою я буду.

* * *

Предчувствовал, предощущал.
И мучился тогда уже, уже тогда страдал,
когда мы жили в поисках друг друга.

* * *

Нас звезды бросили в объятия,
они же нас сияньем разлучат.
Но раньше жили мы, не ведая друг друга.
И боль потери не страшила нас.
Теперь же звездный рок разлуки,
взаимным чувством озарив сердца,
грозит петлю отчаянья набросить
и снова разметать по миру нас,
от целого отдельных.
В ночи оставив болью света чувства жар
и невозможность жизни друг без друга...

* * *

Я ненавижу письма за то, что могут быть не от тебя!
И за обратное их обожаю!

ВКУС РАЗЛУКИ

Такая боль, такая сладость!
И сколько ждать еще осталось,
чтоб выпить счастье встречи нам?
Не здесь увидеться, но там,
где стелет путь нам providенье...
Где вечность длится, как мгновенье.
Какая боль, какая сладость.

* * *

Любовь — это непостижимое откровение счастья или
проклятие, наложенное на душу и тело самым влюбленным.

КОГДА ОТ НАС ОСТАНЕТСЯ ЩЕПОТКА...

Разъезды летние
разлуки каторгой маячат...
Не для того ли путь наш начат,
хоть порознь,
чтоб вместе завершить его,
оставив пепла горсть всего?!

* * *

Шепчет душа злой пророчицей —
кончится, скоро все это кончится.

Из жил петлю разлука вяжет.
Мне приговор палач не скажет,
в неверьи чувству обвинит.
Клеймо мне вдавит, как гранит,
бубновый туз на спину хлопнет
(вот-вот от боли сердце лопнет).
И в исполнении приговор.
Кричащей жертвы скотный двор.

* * *

Мечусь по жизни зверем в клетке,
когда не вижусь я с тобой.
Тоски по сердцу выстрел меткий —
безумных мыслей вьется рой.

* * *

Кто сказал, что время — лучший лекарь?
Хуже всех врачует раны он!

* * *

Перелетной птицей
рвусь я вдаль душой.
Манит меня страстно
в небо птичий строй.

Разлука
тетивою звенящей тугого лука
направляет душу стрелою:
соединиться навек с тобою.
Остротой поцелуя пробить твои латы.
Будем друг другом с тобою богаты.
Наконечник отравлен —
шрам на сердце оставлен.
Боль от прошлых сражений,
безверия, трезвости мнений,
лечу.
Лечу как стрела,
как целитель лечу.
Тебе легче?

Я ТВОЕ ВЧЕРА

Одним мгновением боля,
я проживаю то,
 что ты вчера пережила одна.
От памяти, как от надежды, млея,
я добираюсь сердца болью
 до самого разлуки дна.
Чтоб оттолкнуться от земного шара,
на крыльях взмыть, сминая облака.
Чтоб снова чувствовать:
 не одиноки мы, мы пара.
Собой, как крыльями, прикрыть
 чтоб обнаженные бока.

*Америка,
2008*

* * *

Еще день один прожит,
словно зубами терпения скрежет.
Словно губами влажными шепот
сквозь окруженья неверия ропот.
Шепот призыва — ко мне приди!
Ждет единение нас впереди...

*Америка,
зима 2009*

* * *

Вскрыть себе вены любовью,
насладиться, как радостью, болью.
Истекать истощеньем разлуки,
не придумаешь сладостней муки.
Руки.
Миражом ко мне тянутся руки.
Твои руки — чтоб раны закрыть.
Твои губы — чтоб боль их забыть.
Но мираж это... Хочется выть.
Вены волком отчаянья вскрыть.

* * *

Возвращает сердце, возвращает
к сладкой боли, тающей в груди.
В мираж встречи ожиданье превращает.
И призыв в висках стучит: приди!
Обещает память, обещает —
радость встречи все же впереди.
Прекращает воля, прекращает
слабость боли заклинаньем: жди!

* * *

Цветом снега под луною,
вкусом меда с ключевой водою,
запахом липы цветения
любви неземной обретение.

* * *

Не стучась, ты вошла в мое сердце...

Как от тяжелого бега
по телу томления нега.
Как от терпкого вина
сохнет во рту слюна.
Как будто судьбы приговор
слышится в ветре — вор!
В шуме дождя — не я.
В шорохе листвы — не вы...
Лишь в полете мечты
слышу я — только ты.

* * *

Ты так усердно хочешь бросить бога,
но бог тебя оставить не готов...

С именем твоим
на устах
я монарх.
С любовью твоей
в сердце
я герцог.
С тобой все бы смог:
бог.
Но без тебя я не царь —
тварь.
Огрубевшего мяса кусок.
Жесток.
Обугленной страсти брусочек.
Итог.
Без тебя.

* * *

Жить без тебя такое испытанье!
Ужель и впредь придется приучать себя так жить...

ЛИШЬ...

Лишь день без тебя,
а будто три полных луны прокатилось...
Ночь лишь в разлуке, а словно закаты с зарею
сотню раз бледность неба прожгли...
Сутки мы врозь, а кажется, Земля вокруг Солнца
шар обернуть свой успела...
День лишь прошел...
Но прожит ли он?

* * *

Хрипом стон в груди стоит —
снова день во мне убит.
Полный муки и терзаний,
нашей встречи ожиданий.
Невостребованный день.

* * *

Смиренность чувственного бунта
в безвольности не упрекнуть.
Как в комьях ссохшегося грунта
плуг пахаря прокладывает путь,
так дух мой бороздит разлуки целину
и вспарывает времени пространство.
Чтобы посеять встречи семена
и всходы кропотливо их лелеять.
До той поры, когда косою мощной
мы вместе урожай пожнем с тобою
и вместе жажду утолим
от ненасытности желаний.

Америка

* * *

Волнуюсь сладким предвкушеньем,
когда наступит встречи миг.
Я полон этим ощущеньем,
его, как истину, постиг!

* * *

Что взаимность? — реверанс,
улыбка пошлости в ответ.
Неразделенность! Это транс,
приятие — богов завет.

Любовь — это так просто,
для нее надо всего лишь убить себя.

УБИЙСТВЕННЫЙ ДАР НЕБЕС

«Любовь — это величайшее событие,
в нем невозможно выжить».

Бхагван Шри Раджниш

Кто голосит о несчастной любви?
Несчастной любви не бывает.
Любовь сама уже счастье и дар.
Пусть даже она убивает.

* * *

Радость встреч, печаль расставаний.
Хрупкость плеч — печать оснований...
Снести ли нам участь богов?..

СВЯТАЯ ТРОИЦА ЛЮБВИ

(Блики в горах Америки)

Свой вой глушить койотов плачем,
когда стерпеть немоготу
неразрешенности задачу:
в ранг произвола правоту
условием решения ставить.
И верность доказать ответа
способностью его представить.
Со скоростью промчаться света
к исходной точке встречи взглядов,
объятий взрыву, вспышке чувств.
Томившихся отсутствием разрядов
от притяжения друг к другу уст,
от напряжения взаимного накала
одним огнем пылающих сердец.
Благословенной страсти из Начала,
едины где Бог-сын, Бог-дух и Бог-отец.

Пустыня Невада

* * *

Когда не выразить словами
разлуки горькую тоску,
то пропасть суток между нами
в креста стругается доску.
Креста распятия отлученьем
от страстной близости с тобой.
Как метастазу облученьем,
как скальпелем нарыва гной,
не вскрыть, не вырезать отчаянье
от одиночества креста.
Где с обреченностью венчанье,
под шепот, считанный с листа,
молитвой страсти грех прощает.
Грех непризнания святынь.
С крестом объятье защищает
от вскормленных вчера гордынь.

Америка, 2009

* * *

Душевные корчи
от насланной порчи
любовью зовут...

Стыжусь своих страстей я
шторма,
но нормой это стало —
жизни нормой!

УТОПЛЕННИК

Держусь как будто на плаву,
но так порой девятый вал любви накроет,
что, захлебнувшись в ней, иду ко дну.
В волнах бревном безвольно колыхаюсь.
И если это грех, то в нем я остаюсь — не каюсь!

К НАЧАЛУ ОТ КОНЦА

Со склепа души сорвать бы печать
и жизнь бы другую с начала начать.
Начать бы и кончить.
Капель чтобы звонче
весною звала.
С сосулек чтоб сыпались колокола.
И оглушенный таким перезвоном,
разум чтоб сдался новым законам.
Сдался без боя, на милость страстям.
Старым, как мир — любви новостям.

8 марта 2008

* * *

Как можно требовать любовь?!
 Просить ее иль покупать...
 Но как же хочется, Любовь, тебя своею называть!

ТОЧКА ВОЗВРАТА

Я клянусь — не прервусь
в возвышеньи своем.
Я клянусь — вознесусь
я в сознании твоём.
Я клянусь — воплощусь,
только если вдвоем.
Я вернусь — я клянусь!
ВЕРНУСЬ.
Только если с тобою вдвоем
в мир мы снова
спасеньем придем.

* * *

Раньше Вы как родное Ты,
сейчас же Вы как чужая толпа —
они.

Раньше наши с тобою рты
жадно чувства пили —
уста одни.
Теперь же трубку в клочья
рвем телефонную.
Тысячезвонную, тысячетонную.
Теперь мыслями судорожно
перепыхиваем
тысячи, тысячи верст расстояния.
Вновь для ожога
объятья распахиваем,
отеки ожиданьем пустого стояния.

ВЫ БЫ ЗНАЛИ!

А небесное откровение
трудно долго держать,
 к сожалению...
Но когда оно все же снисходит,
такое с душой происходит!

* * *

В неволе волен ты лишь грезить...

* * *

О, сколько раз смотрел я в небо,
когда другие вестники взлетали.
Теперь в измеренные грустным взглядом дали
я окунаюсь сам, и в дрожи нетерпенья ближу тем
желанной встречи торжество...

Америка

НАСТОЯЩЕСТЬ БУДУЩЕГО

Родной душой за океаном
трепещет чувственности пульс.
И в этом ритме, слишком рьяном,
я в клочья ожиданьем рвусь.
Когда исчезнет расстояние —
ось полушария Земли,
и встречу, вместо расставанья,
мы осознаем — обрели!

Америка

* * *

Когда сигара самолета режет небо,
клубы выкуривая за собой,
тогда же сразу, где б я ни был,
в мечтах взлетаю за тобой.
Я провожаю в небе точку,
завидуя летящим в ней.
Объятий наших вновь отсрочку
на столько вынужденных дней
принять себя я вынуждаю.
Обманом сладким убеждаю —
что очень скоро встреча ждет.
Она когда-нибудь придет.
Действительно, все состоится...
Но сердце правды так боится.
Оно ведь знает встречам счет.
Когда, как будто бы, вот-вот —
лишь только встретились — и снова
все к расставанию готово...

Америка

ВСЕГО-ТО!

Так истрепан ожиданием,
словно святочным гаданием,
затянулось что навек.

Между нами только море,
только лес и только поле,
только горы и пески —
ночи, полные тоски.
Только звезды и луна —
болью светится она.
Между нами.

* * *

Кто сумеет тоньше тронуть
 нежность струн твоей души?
В их мелодию вплетаясь,
 шепнуть тихо:
 — Согреши...

Моя сладость в твоём наслажденьи.
Твоя слабость в своём наважденьи.
Встреча.

АМНИСТИРОВАННЫЙ КАТОРЖАНИН

Мир без тебя стал тюрьмой —
свободен я только с тобой.
Из последних уж сил
я хочу, чтоб был мил.
На издохе душа.
Хороша, хороша...
Воспален страстью мозг —
память ревности розг.
Дрожью тело знобит.
Не убит, не убит.
Я тянусь, чуть живой.
За тобой! ...За тюрьмой.
Мне не выжить в свободе с другой.

* * *

Как много ты даешь!
О, сколько забираешь...

Я больше чувствую, хоть много знаю.
Но вот куда с тобой ступаю,
не чувствую, не знаю —
иначе не могу!

И ты не такая,
и я стал другой.
На сердце лишь, тая,
остался покой.

ЕЩЕ ТЕБЕ...

Еще тебе, быть может,
 позвоню я.
Еще к тебе, быть может,
 стих свой обращаю.
Еще, быть может,
 сладость поцелуя
узнаю —
 губ не отвращу.

Все, что дешево и низко,
очень дорого и близко.

АДЮЛЬТЕР

Страсть порочная —
связь побочная.
Мысль-то точная,
да связь больно прочная.

Сила бременем ложится —
как с тобою мне ужиться?
Слабость легкостью манит —
ведь тобою я убит.

ЗАЧАРОВАННЫЙ ЛОБНЫМ МЕСТОМ

Страшной платою плачу —
обращаюсь к палачу
с просьбою.
Пусть на плахе четвертует
боль мою.
Пусть в лобзаниях растает стон.
Путь в стенаниях узнает он.
Камерой пыток
страсти избыток,
манит ложе к себе палача.
Так руби же призывом сплеча!

* * *

Я еретик, и я привязан болью
к позорному столбу своей любви.

Твое желанье для меня загон.
Ва-банк объявлен — проигран кон!
Жить в загоне
вором в законе —
наслаждение?
Увы — лишь бурных страстей наваждение.

* * *

Электрический стул раздраженья.
Наважденья мои, убежденья.

Ад терзаний и сомнений
или небо наслаждений.
Убеждений, наваждений —
целый ряд преображений.
Приближений, отторжений —
бурной страсти отношений.

* * *

Я предан тобою, я предан тебе...

* * *

Обжигаюсь о тень сомнений.

Погружаюсь во тьму сомнений,
трезвых дум, осуждения мнений.
Погружаюсь во тьму сомнений,
недопонятости, ложности рвений.
Окунаюсь во мрак безверия,
безысходности суеты.
Одиночества преддверие
подарила сегодня ты.

Твоей души океана прибой.
Ледяной, ледяной, ледяной...

ПРОСВЕТАЕНИЕ

Ты была так страстно искома,
как пустая страница из книжного тома.
Как открытая дверь из грешного дома,
ты была так страстно искома.
Талой водою из снежного кома,
эхом от гулкого рокота грома,
ты была так страстно искома.
Вдруг наступила неверия кома —
снизошла, наконец, благодати истома.

* * *

Свои ворота дегтем мажу...

Колпак шута —
картонная корона.
Удар кнута:
фальшивая мадонна.

ШУТ ПОНЕВОЛЕ

Я был смешон, когда смеялся.
Когда с тобою расставался
и говорил, что на денек.
Я был и раньше одинок,
но не был я тогда смешон
незнанием, путь что предreshен.

ОБЛЕГЧЕНИЕ

Ну вот ты снова и один,
фальшивый мира господин.
Идея эта не свежа —
нужна для счастья госпожа!

В СЕРДЦЕ НА ПОСТОЙ

Корчусь от боли —
так в пах только бьют.
При мысли, что боле
не найду здесь приют.
При мысли, что дальше
ступать одному.
По льду сплошной фальши,
по скользкому дну.

Решиться как лишиться.

ПОКАЛЕЧЕННЫЙ СТУЖЕЙ ОБМАНА

Солги мне слезою,
стоном неги солги.
Увлечен я тобою
в страстный танец пурги.
Укрой льдом надежды
снега мягкого постель,
нет желаннее одежды —
лишь в нее одет теперь.
Сомкни мои веки
заботливой мглой.
Несчастье калеки
в судьбе его злой.

* * *

Самая честная ревность у зверя.
Надежная самая верность — не веря.

Жрица, тигрица, лжица...
Как мне с тобою ужиться?
Жрице служить.
Тигрицу вскормить.
А лжицу? Ее умертвить.
В счастье с покойницей
Вечность прожить.

НЕРАДИВОСТЬ ВОРОЖЕИ

Ленива твоя ворожба —
как будто с судьбою тяжба.
Игривы твои глаза —
приговор обвинения: за!
За бессонные ночи,
за распяты на кресте страстей;
хоть уж больше и нету мочи
оживать от фальши смертей.

Сколько раз ни отмеряй,
если решил отрезать, то придется!

В ТАКСИ

Не жди звонка — его не будет.
Тебя он больше не разбудит.
Не разольет в крови огонь.
И струны сердца — их не тронь —
не запоют мечтою сладкой,
а лишь пролягут лишней складкой
в твоей измученной душе.
И отзовутся мелкой сеткой
у края глаз.

О сеть морщин!
Как много может рассказать
твой каждый завиток.
Сухие русла, реки слез.
Уже низвергнутых и тех,
что оросят лицо твое, Мадонна,
завтра.

Печальные, щемящие глаза.
Еще один звонок —
еще одна слеза.

Не поминай меня лихом — помни лихим!

ДОВЕРИЕ

Какою фальшью веет с губ,
какою ложью блестят очи!
Ты говоришь, с тобой я груб,
с другими провожу я ночи?
Забудь укоры, дорогая,
ты вторишь слухам, помогая
тем самым ложным суеверьям.
Не рань мне сердце недоверьем.
Ты знаешь — пуст монаший сруб
и ночь в молитвах одинока очень.
Какою ложью веет с губ,
какою фальшью блестят очи!

ОГНЯ БОРЕНИЕ СО ЛЬДОМ

Тревога и ревность.
Два чувства. Они
полнят собой леденящие дни.
Надежда и верность.
Чувство одно.
Жарким огнем обжигает оно.

Всюду за мной шепот твой в темноте:
«Милый, до тебя все были не те...»

КРУЖЕВА МАЙИ

Все в этом мире соткано из фальши.
И то, что ближе, и что дальше.
Увы, родная, и ты тоже.
Быть может, тем ты и дороже,
что тоже слеплена из лжи.
Как белый хлеб из черной ржи.

ЛИЦЕДЕЙКА

Лицо, уставшее от грима,
в гримасе жалкой —
пантомима.
Где выраженьем эпатажа
из фальши маска
макияжа.

* * *

Эпатаж саботажа — постельный каприз.

* * *

Как же горько, досадно, зазорно
среди прочих стоять в очереди.

ЗНАКОМСТВО

Страсти дрожь — кто ж ты, кто ж?
Раны брошь — что ж ты, что ж?
В сердце нож — ложь я, ложь!

Надежда смоем грязь от лжи?

ВДРУГ

Стрела лжи в груди ржавеет,
рана болью все сочит.
Но надежда робко тлеет,
что вдруг совесть не смолчит.
Вдруг покается без фальши,
вдруг захочет вместе быть.
Вдруг пойдем мы с нею дальше,
вдруг поможет ложь забыть.
Совесть-друг,
ну а вдруг?

Я бреду, как в аду,
и шепчу, как в бреду:
«Я приду, Я приду, я иду».

В АД ЗА БЕГЛЯНКОЙ

Всюду видится образ твой.
Наяву, и во сне, и в грезах.
Всюду слышится голос мой.
Как в бреду, как в огне и слезах.
Я взываю к тебе, прости!
Не кори за невольное рабство.
Тяжело самому нести
мне ключи от подземного царства.
Всюду с факелом сердца искать
твою душу, пропащую в скверне.
Для того, чтобы светом ей стать —
ведь темно в преисподней, наверно.

* * *

Когда-нибудь, может быть, все же и я
возникну из темного небытия.
Когда-нибудь, может быть, все же и ты
выплывешь призрачно из темноты.
Где-нибудь все-таки встретимся Мы.
Освободиться бы только от тьмы...

ЛУША С ЯШЕЙ

Я Демон, ты Тамара,
и наши чувства — кара.
Сильнее ангельских потуг
мои сухие злые пальцы,
которые сжимают твое сердце.
Ты Гретхен, Фауст я.
Пер Гюнт я вечных странствий,
ты Сольвейг дней моих.
И нам никак не вырвать их,
как можно вырвать лист
из календарной кипы.
Я Волопас, Ткачиха ты,
и тянемся по Млечному Пути
к друг другу мы всю жизнь.
Встречаемся раз в год,
и снова поиск вечный.
Твой взгляд молящий
и мой взор беспечный.

Возносящая к небесам,
сам я лечу к тебе, сам.

МЛЕЧНЫЙ ПУТЬ

Упругою болью, страстью кормясь,
больше и выше все становясь,
верою мост, ожиданием живет:
в него упираясь, царица взойдет.
К самим небесам, к подножью Пути.
К нему по такому мосту лишь взойти.

ЧТО Ж ТЫ, РЕКА...

Застыл гордой тенью
мост разводной.
Волей — не ленью
восстал над водой.
Могучей стрелою
в небо он взмыл.
Лишь только тобою,
река, он и жил.

СНИТСЯ МОСТУ СТИХИЯ

Мост разводной вверх взметнулся,
два берега разорвав.
Могуче он колыхнулся —
работа не для забав.
Шумный поток стремится,
несется средь берегов.
Как святости сок искрится,
как блеск от желанных оков.
На порогах вода бурно пенится,
омывает опоры моста.
Никуда от них он не денется,
не уйдет с дорогого поста.
Берега очарованно круты,
восхитительно плавны они.
То прямые они, то гнуты —
желанны всегда одни.
Во сне мост своим мечтает
свести их вконец с ума.
И нежно в ответ река тает,
желает того же сама.

СЛАДОСТЬ ПЕРЕПРАВЫ

За монету чистую
принял блажь игры.
Но тебя, речистую,
выдали бугры.
Не бугры, а впадины,
ямы вдоль ручья.
Ветхой перекладной
выстелился я.
Тем мосточком шатким
трудно перейти,
а казался сладким
вкус всего пути.
За журчащей влагою
бережок манил.
Проявись отвагою —
мост ведь без перил!
Коль цветы пахучие
с бережка зовут,
не страшись, что круча я, —
дам тебе приют.
Пронесу над пропастью
прямо до лужка.
Мельничною лопастью
в самый центр кружка.

ГАРМОНИЯ

(Грезы землепашца в духе маркиза де Сада)

Назовите меня мазохистом,
я садистом уж быть устал.
Я на сказочном поле чистом
преисподней корягой восстал.
Запустил свои корни цепкие
в поля нежный, упругий грунт.
Разбросал сверху ветки крепкие,
чтоб душисть чуть проявленный бунт.
Мощный ствол свой воткнул я в поле.
Хоть и нет сил у поля боле,
я все силюсь услышать, вцепившись зубами,
сквозь удушья стон хрипоты,
скажет поле, чуть дрогнув губами:
— Милый, желанный лишь ты!

* * *

Считая это лучшей влагой,
своею кровью поливал, чтоб не завяли,
любимые цветы.
Но мало было там воды, и высохли они,
густою липкостью покрывшись.

Себя всегда прощал,
ее же не могу!

С ЧЕЛОБИТИЕМ К ИЗБАВИТЕЛЬНИЦЕ

Кровавой слезою колотится сердце.
От боли моей никуда мне не деться.
Надрывом сплошным выражается явь.
Шевелятся губы: от гнета избавь.
От гнета желаний и суеты.
От убежденья, что мир — это ты!

* * *

Желанием выстрелить в боль
лечусь я от глупого чувства.
Знакомое ранее столь
выраженье душевного буйства
не крыльев дарит размах,
как раньше, бывало, случалось —
озноба зябкого запáх.
Судьба им своевольно повенчалась.
Рабом с кольцом на шее подвенечным,
я цепью пригвожден к прошедшего скале.
Грядущее знамение предвечным
не внемлет лстивой похвале.
Где за страданья воздается благо,
где обретают светлости покой.
Нет сил сорвать мне проклятости флага.
Не обладаю мощью я такой.

ВАХТА В ЗАПОЛЯРЬЕ

На том берегу
тебя стерегу.
Не ищи в мели броду —
чересчур в ней народу!
Ступай по волнам —
я там, там... сам.
Неимоверная даль,
доберешься едва ль:
за тридевять земель,
где печи ждут своих Емель.
Где свечи жгут —
метель...
метель...
Из далекой сторонки
летят похоронки.
Невдомек им смекнуть,
что пора бы свернуть
шелест крыльев
их траурной песни.
В поднебесьи кружить,
в Поднебесьи.

* * *

Своими нежными губами
мои лобзала грешные ты губы
на прощанье.
Своим наивным взглядом
ты мой ловила ускользавший взор...

На своих ты губах
все хранишь обещанье,
но пульс в силках птицей:
прощанье, прощанье...

* * *

Щепотка-другая в яму земли.
Как рано крылья покой обрели!
Счастье и радость, и святость в раю.
Как высоко над тобой я стою!
Щепотку-другую горько жевать.
Вечности благодать, еще что желать?

* * *

Небо полынной травой
горизонт заплело над тобой.
Осенней промозглой порой
укрыло корявой корой.

* * *

Лопатной дробью комья земли...
Подними.
Крышку гроба свою подними...
«Встань и иди!»
Живи.
...Но дробью лопатной комья земли
прощальный венок над тобой заплели.
Расставание.

* * *

Руку с горстью земли протяни,
попрощаемся.
С расставанием ты не тяни —
возвращаемся.

Казнить надеждой
во тьме безбрежной.

НЕТ, НЕ ДАНО!

Ну а вдруг есть возврат,
коль любовь лишь разврат?
Коль ее самой нет,
лишь остался обет
верность свято хранить.
Мы смогли же грешить.
Что нам святость? Она
лишь для неба дана.
Мы земные с тобой,
и закончили бой
мы досрочной победой
за греховные беды.
Греши не греши,
а моей ты души
уж вовек не смутишь.
Зря колодец мутишь,
что нам страсть утолял.
Я его углублял,
ты же только его засоряла.
Хоть в обратном меня уверяла.
Нет, тебе не дано —
правда, мне все равно —
и любовь ощутить,
и меня позабыть.

* * *

Звон бокалов — поминальный звон...

Когда тост слышен:

— За Любовь!

В душе звучит:

— Не чокаясь, помянем...

Я ПОМНЮ

Начинает сбываться —
от себя забываться.

Я помню, что тебя забыл.

Не то, чтоб просто разлюбил

и чувство в корне зарубил.

Нет. Просто помню, что забыл.

Забыл, как вырвал, как убил.

Забыл, что помнил. Помню, что забыл.

От боли помню, как завыл,

когда тебя так вдруг забыл.

Я эту боль пинком забил.

Но помню, помню, как забыл.

Не вспомнить только: кто я был?

* * *

В твоём горячем сердце

лишь на мгновенье я.

В моем холодном сердце

ты будешь жить всю жизнь!

В полукоме нахожусь

страшной мысли — не гожусь!

Не гожусь тебе я,

мыслю, холодея.

В полной коме нахожусь —

лишь тебе я и гожусь!

* * *

Одумайся, еще не поздно!

Пойми — я не жилец...

Со слабостью сраженьё —

тоски лишь отраженьё.

То приступ, то припадок

разлука мне несет.

И сил моих упадок

мне ненавистен гнет.

* * *

Дни проводить в мучениях развлечений.
Ложиться спать с одним желаньем — умереть.

ПОД ОШЕЙНИКОМ СВОБОДЫ

Подранком с сочащейся
болью шагать...

Слепну, глухну —
бездомным псомдохну,
но живу без тебя.
Прошлых дней беребя
поводка удавку,
не изгнание —
 просто отставку
изживаю я на корню.
Как дареному коню
смотреть в зубы не пристало,
так — померкло, что блистало —
принимаю не ропща.
В одиночку, не сообщая.

* * *

На рану пылких чувств соль седины
порошею прохладною ложится...

Вот чья-то жизнь
об веревку
 споткнулась...

ТЫ ЗАСТАВИЛА МЕНЯ

Проиграл я за счастье битву —
бритву, шепчут вены мои, — дайте бритву!
Дуло уперлось в висок —
не так, к сожаленью, высок!
И не талия просит, а шея ремня —
ты оставила меня...

СУИЦИД

В любовное томление
свинцовое вкрапление.

* * *

Петлю затянула свобода на шее,
и место ишу для себя лишь в траншее.
Свободу свою я ногами топчу,
серыми губами в леденящем ужасе шепчу:
потерял я любовь, потерял...
Свинцовой мелочью прошу разменять
 свою жизнь у меня.
Потерял я любовь, потерял!

* * *

И Смерть — чужую молодницу —
своею суженой назвать...

* * *

Все ближе стан мне сумасшедших,
все дальше здравость от меня.
В среду больных, себя нашедших,
вживаюсь день я ото дня.
Среда обитания — как день предавания.

* * *

Сумасшедшей любви не может быть!
Потому, что другой ее не бывает...
Ибо сумасшествие для этого состояния — норма.
ЛЮБОВЬ — больше, чем чувство. Это жизнь в ином
мире, с иной сочностью красок, с неизмеримо большей
пронзительностью и вселенской ответственностью
за СЧАСТЬЕ.

* * *

В ознобе осени болезнь любви встречаю...
В кой раз...

* * *

Люблю... Тебе ль знакомо
это чувство?
Вот болен я
и весь в жару...

Сотку тебе я одеяло из стихов.
Теплей любых оно мехов
и жарче пламени любого!

ПЫЛ

Мне холодно, укрой меня стихом.
Согрей мне душу рифмою своею,
окутай сердце ласковой строкой
и кровь бежать заставь быстрее словом.
Ты гений! Бог!
Я искренна с тобой...
...Не надо! Хватит.
Остановись! Пылаю —
я боюсь сгореть.

СОМНЕНИЯ ЧУВСТВ

Трещат в душе тенета:
неужели не та?!
Неужели?!
Плешь проели —
мысли лезут через щели.
Неужели, неужели...

* * *

Сомнения лезвием холодным
порезы оставляю кровоточить в душе,
объятой жарким пламенем любви...

* * *

Страдания — чувства старания.
Ожидание — смерти дыхание.
Звание — судьбой наказание.

О святость, святость убеждений!
О сладость, сладость наслаждений!
О слабость, слабость запрещений!
Бессмысленность сомнений
и неизбежность единений,
и предрешенность суеты.

ТАЙНА

Спутать, с любовью спутать
желанье теплом окутать
озябшую душу в ночи...
Молчи!

* * *

Историю путать с сиюминутной истерией...

ТУСКЛОСТЬ ЛАМПАДЫ

Звезда кормчая
обернулась лампочкой
порченой...
Думал, звала — мигала,
а в ней спираль догорала!
Утопия.

* * *

Мои стрелы-откровенья
в равнодушья прочный щит.

Лишь частное мнение —
толпы обвинение.
На скамье подсудимый —
зачах под любимой.
Обвиняется.
Равнодушие в вину вменяется.

* * *

Раньше я, сломя голову, рвался в омут любви.
Сейчас, когда я таки сломал голову,
рвусь как можно дальше от соблазна —
омута любви.

* * *

Кто из влюбленных не восклицал: — Гибну!..
Как обидно погибать от химерных иллюзий...

Кольцо обручальное,
година печальная.
Счастье молодых
выстрелом под дых!
Под венец для отпевания.

ДЬЯВОЛЬСКАЯ ПАРА

Ты немного постарше Евы,
я Адольфа моложе чуть-чуть.
Как узнать нам, когда бы и где бы
мы так же смогли бы закончить свой путь?

ИЗБРАННЫЙ БОЛЬЮ

До костного мозга,
до мозга костей
пусть хлещет та розга,
что яда больней!..
Измена...

ШЕДЕВР

Боль измены кровью из вены
красит жизни полотно.
Откровение...

В ЦЕНЕ СОЙДЕМСЯ

За желанье слышать, как поют сирены,
чтобы голос впредь узнавать измены,
я плачу неудержимым рвением.
За коварным пеньем
в самую бездну пучины,
без всякой причины.
Я плачу.
Рассчитаемся?

* * *

Уязвленная мадонна
независима, горда.
Ты для слабых непреклонна,
сильным же всегда лишь — да!

НА ТРОИХ

(Натуральный обмен — обман)

«...и где всегда три утра».

Уистен Оден

Я одолжена до трех,
до утра я у другого.
Слышу я твой грустный вздох,
не суди меня уж строго.

Не клеймить, но каяться.

ДЕЗИНФЕКЦИЯ ПУТАНЫ

Души обмылок,
лишь место для прививок.
Инъекция — иммунитет измен,
надеждам впрыснутый взамен.
Тлен.

...Красть чужую страсть.
Неистово, с самозабвением красть.
Не это ль истинная страсть?

ПОХИТИТЕЛЬНИЦА

Если красть чужую страсть,
как напасть на страсть напасть,
можно ль ею насладиться?
Хоть чужою, все ж упиться?
Страстью кражи лишь своей.
Завистью к чужой. Лишь ей.
Страсти рознь ли страсть?

Мы разного в жизни и ищем, и ждем.
Но жизнью, к несчастью, одной мы живем.

ПРЕСТУПНИЦА

Недопустимую черту
ты столько раз переступала!
В словах, поступках, в помыслах своих...

* * *

Жизнь продолжается, провожается взглядом.
Тот далеко, кто вчера был здесь рядом.
Кто же далек от тебя был вчера
теперь коротает с тобой вечера.
Мысли скрипучей своей каруселью
кружат всю ночь над моею постелью.
Безысходность — неизменная мыслей подруга —
верно крадется с ними по кругу.
Безотказна и к ласкам готова всегда.
Уста ее шепчут только лишь — да.
Я, как альфонс, ублажаю старуху,
словно вкушаю могилы разруху.
Взаимностью тешу похоть ее,
хоть мерзостью блуда душу свело...

ПРИЗРАЧНАЯ ИЗБРАННИЦА

Квоту рвоты исчерпать —
с нелюбимой в ложе спать.
Тело чувствовать чужое,
не желанности тугое,
а обмыленным куском —
в репьяках больным кустом.
Не пьянеть от аромата —
стервенеть, что старовата!
Куклу тертую под боком
не свалить бы ненароком.
Не увлечься бы в атаке, —
дело вдруг дойдет до драки.
Когда так неволю
ощутить, что надо ту
положить с собою рядом
под воздушным одеялом.
Ту, которая томится, —
без тебя ведь ей не спится!
Счастье страстное сулит
ее призрачности вид.

Понаслышке о верности знать...

ВЫДОХШИЙСЯ ДЖИГИТ

Я замерз от ожидания,
я устал от суеты.
Я не чувствую страданья,
что несешь все время ты.
Наслаждаюсь я покоем
трупа мерзлого в степи.
Ты прости, что так настроен,
за спокойствие прости.
Было время — жег пожаром
я твою святую суть.
А теперь колюсь кинжалом —
не уснуть бы, не уснуть!

НЕСГИБАЕМЫЙ

Не ты потеряна —
я потерявший!
Живу размеренно —
счастье отдавший.
Меряю шрамами
пройденный путь.
Падшими дамами
меня не согнуть!

Чуть помедленнее, пони!

ВЗДЫБЛЕННЫЙ ЖЕРЕБЕЦ — НАЕЗДНИЦЕ

Не взнуздать никак меня!
Не поставить пошло в стойло
бытового денника.
Не купить меня за пойло,
за охапку веника.
Под плетью ходить не буду,
ни под чьим седлом скакать.
Я свободу не забуду,
не забуду страсти стать!

* * *

Рубцуются шрамы
порывами ввысь.
Тушуются дамы
падением вниз.

* * *

Потное с постным
не путай, обжора!
Как и перхоть
с прядью седины...

ХВАТИЛО Б СИЛ ПОДКОВУ РАЗОГНУТЬ!

Из-за невбитого гвоздя
подкову потерять...

Подкова узами связала,
но оказалось того мало,
чтоб счастье в браке сохранить.
Ужели так тому и быть?
Ужели снова в одиночку
день ото дня, из ночи в ночь
брести неведомо куда
с желаньем не дойти туда...
Ужели, ужели — оковы надоели!

ЯД РАЗРУШЕНИЯ

Как жаль, что мы друг другу
не нужны.
Что нет друг в друге
нам нужды.
Жаль, что не сердце,
а сталь.
Жаль. До крови, до судорог
жаль.
Когда жала иссякнет растрата,
поймешь, что слава твоя —
Герострата!

НЕВОЗМОЖНОСТИ ВОЗМОЖНОСТЬ

Опять чужие в телефоне номера,
и снова встречи с прошлого тенями.
Ожившее нечистое вчера,
прогнившее протухшими телами.
Доступная кокетливость в быту,
безвольная к пороку снова тяга.
Играючи измена, на лету,
где алиби — за подписью бумага.
Бумага с гербом отпущения грехов,
свидетельством о браке что зовется.
Флаконом щедро вылитых духов
сбить запах прошлого
возможностью придется.

ЦЕННОСТЬ ПРОЖИТЫХ ЛЕТ

Цену прожитых лет ты никак не узнаешь.
Только если уйдешь, если в дымке растаешь...

ОКОЛЬЦОВАННЫЕ

Прожигая всю тонкость кольца,
проживаю я до конца
подвенечности шлейф небывалой.
Что сквозь пальцы водою талой
обручальное золото льет.
Умаяя сожительства гнет
и готовя предвечности встречу,
от фаты обнажает плечи,
покрывает иной белизной —
пышных кудрей густой сединой
неустанно текущее время.
Родничком бьет в заросшее темя
память юности вольной.
Кто сказал, что довольно
мы прожили врозь?
Будто нехотя — вскользь —
под венцом провели мы друг друга.
Чтоб колец два тоненьких круга
замкнули одной судьбой
нелепостей наших бой.
Наш союз, освященный небом,
надеждой кормит, как хлебом,
на райские впредь блага.
Когда ступит туда нога.
За верность, хранимую в браке.
Так нищие в уличной драке
ищут развязки ножом.
Чтоб не мучиться жизнью потом,
а жертвой предстать пред судьбою
со своей горемычной судьбою.

ГОЛОВНОЙ УБОР ПОДУШКИ

На брачном ложе, мухами засиженном,
куда не возлегала давно пара,
газоном покрывало где нестриженным
уж не хранит в пыли бывшего жара,
обмякшая подушка, взбитая когда-то
рукой взволнованною предвкушеньем,
пилоткой брошенной непавшего солдата,
застыла изголовья приближеньем.
Подлоги похоронной, дрог погоста,
одром посмертным савана постель.
Как эшафот — остов помоста,
как символ завоеванных потерь...

Так любовь не берегут —
надоевший мусор жгут.
Так.

ПОПУТЧИЦА НА ОЛИМП

Запах пота, прибитый духами,
сигарет липко-сизый дым.
Обнимает худыми руками,
просит томно, чтоб не был я злым.
Мажет сочно помадой мне губы,
в поцелуе слюною давясь.
И огонь, и вода, и трубы...
Не пройти их, топча лишь грязь!

* * *

Он ненавидел ее за то, что она научила его
ненавидеть.

А любил за то, что она когда-то разожгла в нем
неугасимый пожар любви.

Плоть от плоти...

Ни с кем не равняй меня —
не роняй.
Несравненный я негодай!

ВЕЛИКОДУШИЕ

— Ты меня навсегда покидаешь?
— Оставляю тебя я одну.
— А любовь всю себе забираешь?
— Нет, — любовь всю тебе отдаю!

* * *

— Спасибо.
— За что?!
— За то, что ты есть.
— Не за что...

* * *

Когда не за что любить,
всегда найдется, за что ненавидеть!

* * *

Увы, подруга! Такого друга
тебе вовеки не сыскать.
Душа какая! Какая стать!

То ли милая устала,
то ли чувства было мало.
Как бы ни было — не стало
больше трепетных страстей.
Точно выгнала из дома
надоевших уж гостей.
То ли просто я устал,
то ли чувством одним стал,
как бы ни было — восстал:
пред крестом творцом предстал.

* * *

Исходные условия доказательства теоремы
любви: необходимая достаточность избытка.

ИЗ ХОЛОДА ВЕСЕННЕГО В ЖАРКУЮ БЫ ЗИМУ...

Весна по счету какая — не помню —
пришла метелью в холодный наш дом.
И ты, как всегда, — небрежно и томно
оповестила меня о том.
Подвохом коварным весенняя стужа
узоры мороза ткала на окне.
И душу замерзшую — другую, но ту же
вдруг захотелось согреть на огне.
На пламени белом страстей невесенних,
по-зимнему жарком своей чистотой.
Без едкого дыма листьев осенних,
без летних костров в удушливый зной.
Вернуться бы в зиму шагом обратным,
сбежать от весенних метелей назад.
Когда нам интим не казался развратным,
не пугал мятой простынью чувства разлад.

Пыл огнем пылает,
страстностью бурлит.
Лавою сжигает,
слепит, как зенит.

ВУЛКАН ИНТИМНОЙ ГОЛГОФЫ

В изверженьи завершенье,
дрождью распятъя выгнулся.
Из лобзанья в бессознанье
сладкой лавой вылился.
Призраки блаженства — кресты.
Рядом виселица — ты.
Веселиться?

Зверем безверья
в ключья надежду я рву.

ЖАЖДА СТРАСТИ

Как мелкость запруды
 глубокому рву не помеха,
так робость надежды —
 сплошная потеха.
Потеха для ярости, ярости смеха!
Каким я хлещу свою слабость.
Ведь сколько всего-то осталось
друг друга надеждой поить...
Ох, как хочется в ярости пить...

* * *

“Aimes-tu les damnés?
Dis, connais-tu l'irrémissible?”

«Любишь ли ты проклятых,
знакомо ли тебе то,
что не заслуживает прощения?»

Шарль Бодлер

Когда любовь освящена проклятьем
и знаешь ты, что нет тебе прощенья.
Когда вонзаешь в душу шпоры страсти,
но не встает она уж на дыбы...
Когда судьбы сомнительный итог
зовет объятьями с костлявостью прохлады...
Когда один вопрос клокочет в сердце:
Когда?!

* * *

Лишь боль раны, пронзившей душу,
может измерить ее глубину!

* * *

Океан из страсти пересох в ручей.
Мне теперь спокойно, я теперь ничей.

* * *

Боль — это право на одиночество!

* * *

Печаль одиночества,
только ее мне хочется...

Печаль одиночества —
 всей моей жизни печать.
Вам из толпы ее сладость
 не внять!
Ее никому у меня не отнять...

Лет через пять, ну, может, через десять
придешь опять мои таланты взвесить...

ИСЦЕЛЕНИЕ ЦВЕТАМИ

Я дарю тебе цветы.
Не букет, не венок — все поле!
Я дарю тебе их, чтобы ты
никогда не узнала бы боли.
Боли чувств растревоженной матери,
у которой украли дитя.
Так на праздничной красочной скатерти
разливается кровь от питья.
Я дарю аромат тебе луга,
чтоб не знала предателя-друга.
До конца чтобы счастье с тобой
доиграло б нелегкую роль.
Я дарю — забирай все на свете!
Не узнай только горести эти,
чем поила меня ты сполна.
Я испил их до самого дна...

* * *

Моряка бывалого
ждет ли кто в порту?
Ответа запоздалого:
эту или ту?
Наконец-то выбрана
спутница пути.
Будет свадьба сыграна,
невесту бы найти...

*последнее воскресенье июля,
последнего...*

* * *

Еще тот целитель —
дамских сердец ценитель.

Что ззорного —
в роли дозорного
высматривать счастье —
любимую ждать?!
Чтобы при встрече
ей сердце отдать...
Заберешь, сердцеедка?

О мысль гонимая,
О гонящая мысль!

ДРОЖЬ НЕПОЗНАННОЙ

Кто привяжет меня — Одиссея —
к крепкой мачте надежной стези?
Кто подскажет участливо — где я,
и в какой я с любовью связи?
Пенелопу найти мне поможет
и укажет дорогу домой.
Вот тогда, наконец-то, быть может,
пришвартую я парусник свой.
В тихой гавани милого порта
брошу якорь на все времена.
И на сушу я с шаткого борта
так ступлю, что дрогнет она!
Дрогнет она...
Дрогнет она...

* * *

Проще простого минуты считать.
Что тут такого — цифры листать?
Ожидание...

ОБЛАЧЕНИЕ В СЧАСТЬЕ

Не годится, не годится
в счастье рядиться
замужней девице.
Где вольность клубится,
и ею упиться
так хочется птице,
уставшей в темнице
колоться о спицы.
Уставшей томиться
желанием слиться.
Смеяться — не злиться.
Желанием жрицы
в бога влюбиться.
Им насладиться
и камнем разбиться
на возраста взлете
с небес высоты.

* * *

Счастье — это привилегия бога.

* * *

В своих стихах
я поменяю только имя,
читать их буду
не тебе!
И восхищаться
будет ими
в знакомых вздохах
обо мне
другая муза...
Крылья — не обуза!

Не требуй большего, чем все!

ПОДНЕВОЛЬНОСТЬ

Или плохо теперь вижу,
или просто стал я ниже —
для меня сейчас ты ближе.
Слышишь, Радость, это ты же?

В руке с мечом без ножен
один исход возможен.

СОН ВОИНА ПЕРЕД СРАЖЕНИЕМ

Ты роднее родных, чужая.
И от мысли крамольной тая,
я рукою ищу твою грудь,
чтобы пальцы на ней сомкнуть.
Чтобы жаром сосца прожечь
длань, привыкшую трогать меч.
Чтобы болью ожога унять
дрожь по чреслам — опять, опять...
Чтоб упругая память касаний
мне дарила бы страстность желаний
отогреться от холода стали,
от которой руки устали.

ТАК ВЕДЬ?!

Не услышать трепетней звука —
канонада сердец перестука.
И душевней не внять содержанью —
старанию чувств, их выражений старанью...
Так.

Когда шинель шанелью пахнет...

СТЮАРДЕССА

Пристегните ремни, — ты сказала, —
взлетаем!
И взревели турбины сердец.

Больше всего в мире я люблю звезды.
Именно за то,
что, являясь частью этого мира,
звезды ему не принадлежат.

НЕСОСТОЯВШИЙСЯ ОРГАЗМ

На крыле самолета звезда
прошептала мне тихо: «Да!»
Постель кучевых под нами
предложила — ложитесь сами!
Со звездой обнимаясь страстно,
в молоко облаков. Напрасно!
Звезды лишь химерные блики
растворили тумана лики.
И один я в накале чувства —
безысходно, не просто грустно!

В КУПЕ

(Вкуне с незнакомкой)

Подушки казенная мятость
навязчиво тычет в лицо,
услугою плату за радость
удушья сбросить кольцо.
Забыть обручальную тяжесть
кандалных брака оков.
Чтоб прошлого вязкую слабость
порушить до самых основ!

ПРОТЕЗ ЖЕЛАНИЙ

Оплывший, потухший
огарок свечи
головешкой остывшей
в холодной печи.
Канделябр дорогой
неуместен под ним.
Разбитая плоска —
былое как дым.

Порой себе кажусь
Ромео пылким,
порою
жалким стариком кажусь.
Кажусь... Гожусь?

ПЕКИНСКИЙ ВЕЧЕР

(В смущении к Джульетте)

Вчера, выгуливая грусть свою,
наткнулся ненароком я
на милое кафе
с названием чудным —
«Ромео и Джульетта».
И чуть не рухнул,
повинуясь сладкой боли.
О, как оно в Китае неуместно,
как я нелеп в Ромео роли...

Пекин

* * *

Всегда надеждою томит чуть
будущего даль,
где незнакомка оглянется
в силуэте фам-фаталь...

Нет, не просто горюю —
просто горю я.
Люблю.

ДЕНЬ ДЛИНОЮ В ЖИЗНЬ

Блики облика везде.
Трудно удержать в узде
чувств могучего мустанга,
когда жизнь вся в ритме танго.
В ритме страсти и огня,
жизни вспышки. Всей, как дня.

ПАСТУШКА И ПАН

— Ты суть спасла — спасла свой дом,
но пожалеешь ты о том!
— Я страсть пасла — пасла кнутом.
И не жалею я о том!
— Желаете?
— Жалею...

В туманном полусне, как в снежной белизне,
приснилось мне, приснилось мне.
Приснилась...

УИКЭНД СО СНЕГУРОЧКОЙ

Приезжай в субботу днем —
песню нежности споем.
Прилетай с метелью снега —
нас согреет страсти нега.
Постучись в окно со стужей —
ею буду я разбужен
и с тобою унесен
в сладострастный сказки сон.
Будем только в нем вдвоем.
Приезжай в субботу днем!

* * *

Что ни вдох, то всхлип.
Что ни выдох — стон.
Бодрящая равномерность дыхания.

ЙОГА В ПОСТЕЛИ

Камасутра тоже сутра,
тоже святости полна.
Донырнем давай до дна.
Глубину ее измерим,
силу чувств своих проверим.
Откровенье воплотим.
Наш святой с тобой интим.

БИОЛОГИЯ В ГЕОГРАФИИ

Извержение вулкана —
в лоно гор стекает лава.
Недра рвутся вверх — наружу,
плавят жаром снегов стужу.
И снега потоком бурным
красят поле в цвет пурпурный,
орошая чернозем.
Радугой цветет на нем
пышных трав ковер душистый.
Аромат лучистый, чистый
пьянит благодатью. Итог:
сочных трав высокий стог.

СТОЙЛО СПАЛЬНИ

В спальне бархатные шторы,
как на морде в поту шоры,
образуют полумрак.
Полусбрую, полуфрак.
Словно фалды сюртука
по бокам у седока,
прикрывают бедра стен,
избежать чтоб перемен
дня и ночи за окном.
Чалым в сумерках конем
облака плывут в проеме.
Им не выгадать в объеме —
чахлым чалый конь плывет.
Весь дождем он изойдет.
И оставит в стойле спальни
только мокрое седло.
Хоть и вымыто в купальне —
помнит седока тепло.

СЕБЕ, ДРУГИМ НЕ ИНТЕРЕСЕН...

Настолько в жизни стал я пресен,
настолько правильным я стал,
что не слагать мне больше песен
о тех подругах, с кем я спал!

ХРОМАЯ НА СВИДАНИЕ

Я хотел бы стать твоим Жоффрэм,
 Анжеликой чтобы ты была моей.
 Чтоб, когда под негою сомлеем,
 поклониться можно было ей.
 Ей, прекрасной, в чувствах искушенной,
 юной ей уж столько тысяч лет!
 Иногда от ласок утомленной,
 иногда чуть злой, когда их нет.
 Поклониться благородству чувства,
 глубине его и высоте.
 Чтоб, когда вдруг станет грустно,
 убедиться в должной правоте.
 Правоте служения друг другу,
 верности — основе как стези.
 Чтоб тебя — желанную подругу —
 от придворной уберечь грязи.

* * *

Тлеть начинает светлый огонек в душе-темнице,
 лишь вспомню я тебя...

* * *

Любовь наспех
 курам на смех.

А ведь рядом
 друг мимо друга прошли.
 Сердцами коснулись
 и жар ощутили.
 И даже взаимность
 почти мы нашли.
 Но зря про разлуку,
 смеясь, мы шутили.

Я ДЛЯ ДРУГОЙ СУДЬБОЮ ПРЕДНАЗНАЧЕН

Не мыслю Завтра без тебя,
 а ведь придет оно однажды.
 Когда все силы соберя,
 придется испытать ту жажду,
 что одиночеством зовется...
 В невесты смерть принять придется...

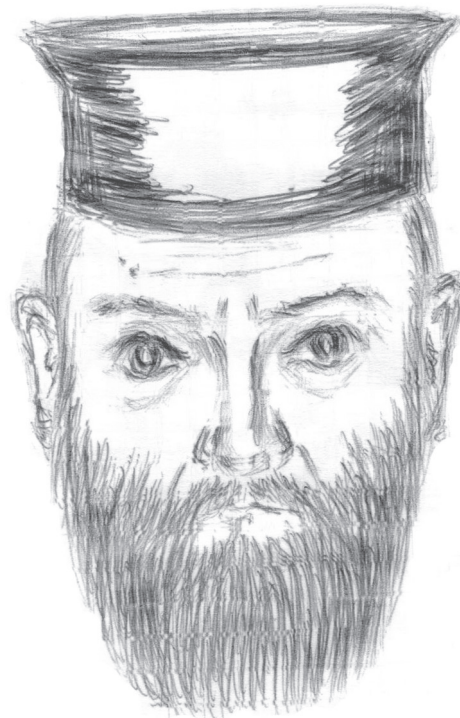
* * *

Грусть Христа
как

грудь листа:
так чиста,
так чиста...

Ох...

Бог!

Второй раз
в обрзе
афонского
монаха.
Афон
осень
2008г.

* * *

На челе Афродиты шрамами крест.
 Знак христианства — знамения перст.
 Время язычества кануло в Лету.
 Дети Христа нынче судьбы вершат.
 И теперь, как дурную примету,
 варварских идолов всюду крошат.
 Разбить совершенство мраморных форм!
 Не надо античных нам прелести норм.

Петра

ПОДСТАВЛЯЯ ЩЕКУ

Пусть снова в жиру фарисеи
 доверчивый портят народ.
 Пусть горы давно полысели
 и сохнет от уксуса рот.
 Леса пусть давно порубили
 на балки казенных крестов.
 Пусть мощи святых давно сгнили,
 как вера — до самых основ.
 Пусть.

* * *

Вторую щеку подставлять надо так, чтобы бьющая
 рука рассыпалась. Или уж, во всяком случае, обожглась.
 Именно так проявлял свою волю Спаситель. Твердыня
 терпимости.

СОГБЕННАЯ ЕВА

Под спудом сплина
иссохлась глина.
Адамова плоть.
До ребрышка вплоть...

* * *

Годы, проходят годы.
Всходы, взошли лишь всходы.
Сквозь бури, ненастья, невзгоды.
Народы толпятся, народы.
На роды взирают, на роды.
Сиянье Вифлеемской звезды.

Вифлеем

Руки, бьющие в набат, —
муки, коим каждый рад!
Пылкого сердца пульс.

КОЛОКОЛЬНЯ

Сердца звонница поет —
благовеста песнь несет.
Колокольных волн трезвон —
предвещает радость он.
Перезвон колоколов —
эхо боли от оков.
Всполох — колокол тревоги,
бьют в него беды лишь боги.
Не устань, звонарь, взбираться
в колокольни крутизну.
Нам с тобою не расстаться —
не признаю новизну!

КАК БЕС ПОПА ПУТАЛ

Отшатнуться от кадила,
чтоб оно не угодило
медным звоном в грех души.
Чтоб в дремучести глуши,
в непролазной страсти чаще
(реже взмахи, взмахи чаще),
чтоб оно не заблудилось.
И впустую чтоб не билось
о грудную плоти клеть.
Панихиду спеть успеть,
к аналою пригубиться.
В скверне все не пропасть,
больно жуткая уж пасть
черта хитрого в оскале.
(Где такого и сыскали!)
К попадье бы под подол
поскорее — страсть как зол!
Страсть как хочется бабенку,
хоть беги за ней вдогонку!
Выпить хочется, но пост.
Ах, какой сказал бы тост!..

Опять, опять и снова
по кельям гулким звон.
Я слышу! Всюду слышу!
Предсмертный милой стон.

ЭХО ШАГОВ

Колыхание ветра — в трепете рясы.
Порывы страстей — в дрожи борьбы.
Проклятья страданий — богине любви.
Мученье решений — обманут, и вот
тяжелым распятым лег крест на живот.
Живет монах не суетливой бранью
о благостях мирских в быту,
но дышит он одной надеждой — гранью,
определившей вечности черту.

Метеоры

В здоровом теле здоровье двух.
Но дух на деле давно потух.

ИНОК К ИНОКУ С МОЛЬБОЙ

Я с тобой рядом боль терплю,
одной с тобой питаюсь пищей.
В одной я келье с тобой сплю,
и оба мы с тобою нищи.
Пусть не напомним сон зевотой
постели мягкой белизну.
Пусть пуст живот — с его заботой
молиться нам не в новизну.
Пусть в храме плоть молчит, не дышит.
Греховность мыслей на замок.
А то как вдруг Господь услышит,
что дух святого занемог?
Что не унять сердцебиений
среди гулких стен монастыря.
Что уж устали от видений
и ты, мой брат монах, и я.
Когда плечо к плечу во храм
войдем с тобою, как для битвы,
и к Богоматери столам
мы припадем, творя молитвы,
мой брат, прошу, не проклинай
в призывах страстных упоенья.
Удел свой тяжкий почитай,
монахом будь без сожаленья.

БОДРОСТЬ МОНАХА

(Сень целибата)

В страстной алчности боль снести.
Воздержания боль и потери.
Под замком теперь эти двери.
Этот лаз потаенный закрыт.
Безысходностью накрест забит.

Афон

* * *

Нравов отрава как рама оправы —
ограничивает и украшает...

Какой-то женщине хиджаб публично
с лица рукою приоткрыть —
уже распутницей прослыть.
А иной,
хоть на площади людной нагой —
целомудрие.

Иордания

Увы! Я Каин — вечно каюсь.
Кто Авель?
Где безвинно павший от кинжала,
что с гневной дрожью жмет моя рука?

ПСЕВДОКАИН

Закован в кандалы безучасти и страха,
насквозь ты состоишь из праха.
Из измышлений суеверных и памяти, как суеты.
Придет же время, вспомнишь ты
удар предательской рукою.
И Авель, павший под тобою,
взовьется в небеса укором.
Испепелит тебя он взором
и кандалы безучасти твои.
Безропотно ты приговор прими,
и поклонись ему ты низко.
Уж близко твоя гибель, близко.
Уж камни покаянья роковой судьбой
в могилу тянутся гурьбой.
Они одни — никто другой
не уживется там с тобой.

ИЗ СОДОМА И ГОМОРРЫ В НИКУДА

Ни впереди никого нет, ни рядом —
все позади.
Хоть напоследок окинуть взглядом...
Нет, помни заповедь, назад не гляди!
Столп соляной —
вот что за тобой.
Серная пыль —
города былъ.
Пламени шар.
Стар уже, стар.
От себя же деться некуда, некуда.
В никуда.

*Синайская пустыня,
гора Небо*

Светлая печаль, светлая...

ЗОВ ГОЛГОФЫ

Моя с трепетом рвется душа —
туда.
Туда,
где распяли Христа.
Места,
до чего там родные места!
Труда,
какого мне стоит труда
босиком не уйти туда.

* * *

Моя строфа пусть не затронет
безвольной суеты.
Моя Голгофа пусть же будет
рекордной высоты.
Тяжек крест.

С руками грязными, но совестью чистой.
Вот чистые руки, а совесть в грязи.

КРЕСТОМ-ПЕРЕКРЕСТКОМ ПУТИ

Всю жизнь кичился тем,
что на Голгофу нес свой крест.
А оглянулся — обомлел:
сколь многих ты прибил к кресту.
Выходит, ты не нес свой крест —
ты распинал других!
Иль в том и есть твое призванье?
А вот иное:
все мужество и честность проявив,
сознательно ты палачом явился.
И вызвался распять невинного агнца.
Но на поверку вышло,
что самого себя, ничтожного, гвоздил.
Свою лишь сущность бросил на распятие.
И принял в том свой крест.
Святость.

МОЙ КРЕСТ

Не испачкаю стопы мирской пылью —
не кандалы мой крест, но крылья!
Выбор больно невелик —
кровью залит в венце лик.
К воскрешению тянусь:
трудно, больно — поднимусь!
От объятия взмахом крыльев-рук
до распятия слышу горна звук.

* * *

Чтоб святым духом питаться,
до этого нужно подняться.
К этому нужно прийти,
чтобы Дух в своем сердце найти.

ПРО ДВИЖЕНИЕ

Иисус по лилиям ступал,
и мне сей выбор тяжкий пал.
Продвижение.

* * *

Я Чаша Грааля,
во мне кровь Христа.
Как грани хрусталя
бликуют места,
куда приложился
сатраповский бич.
Гвоздями в суставы —
«Распни!» — вбился клич.
Копья прободенье —
взлет, не паденье.

* * *

Распни!
 Пусть за тобой
 будут угли и пни.
 Распни!
 Ударь же хоть раз,
 хоть раз пни.
 Распни!
 Пусть черным веером
 листаются дни.
 Распни!
 Пусть услышат, узнают,
 пусть вздрогнут они.
 Распни же себя.
 Ну же! Распни.

* * *

Живым укором
 мертвые глаза
 потухшим взором
 голосуют — за!

* * *

Лик Христа...
 Еще кровавая киста
 не портит облик сына Бога.
 Еще не пройдена дорога,
 какую Путем Скорби нарекут.
 Пока еще глаза его влекут.
 Лик Христа,
 еще не снятого с креста,
 еще зовущего в те дали
 всех вас, кто от греха устали.
 Лик Христа,
 в улыбке чьи еще уста.
 Еще живой, еще зовет с собой.
 Еще идущего с сумой
 и ждущего еще Иуду
 среди своих учеников,
 еще не верящих, что чуду
 удастся сбросить гнет оков
 и снисхождением духа силу дать
 небес посланниками стать.
 Христа лик...
 Вдруг ясно в зеркале возник.

ДА, Я ХРИСТОС!

Страдать за ближнего — страдаю,
и к божеству Я призываю,
и истину в Себе несу.
Как хищник мечется в лесу,
который весь гудит облавой,
так Я, обремененный славой,
ищу укромности приют,
куда придут, но не найдут
затравленного миром зверя.
Апостолы же, свято в Меня веря,
потупив взор, идею предадут.
Придут, они потом придут
в Мой стан священный,
и сокровенный будут разговор вести
о том, как святость обрести.
Но на Голгофу крест нести
увы, пророки, Мне.
Сейчас сию на веры пне
и жду Я поцелуй Иуды.
Его уж впредь Я не забуду.
Откликнется он жаром от плетей
и кровью брызнет на детей.
Гвоздями буду вбит Я в тень сердец.
Отец, дай силы Мне, Отец!
Прими Меня, Я искупаю грех —
за всех.
...Ты слышишь ли?
За всех.

УЧАСТЛИВАЯ ОТЗЫВЧИВОСТЬ

Мы друзья, мы с тобою, мы рядом!
Мы подбросим тебя до Голгофы.
И проводим печальным мы взглядом
твою душу в момент катастрофы.

13-Й

(Дюжина у черты)

Двенадцать в ряд стоят —
блаженные.
Их нимб наряд
и взгляды свято откровенные...
Ждет бригада бригадира —
полевого командира.
Все готовы выдать в смену
достижение — измену.

* * *

Брут ли римский, киевский ли Блуд
или как еще Иуду нарекут...

Исцеляешь лобзаньем от жизни меня.
Убеждаешь в кончине священного дня.
До небес я теперь вознесусь через крест.
А тебе не узнать этих звездности мест!

Окольный путь украшен розами,
а главный Путь — всегда в шипах.

СМОТРИНЫ

Взгляд с креста,
взлет Христа.
В ряд лета,
вряд ли — та.
Где ты, Мария?
Утри своей прядью
ноги мои.

Доступность пороку —
что в этом проку?
Вот вере служенье —
освобожденье!

МАРИЯ

Я Христу омою ноги,
лик платком своим утру.
Тело я вручала многим,
возвращали мне к утру.
Мое тело раз от разу
отдавали все дряблей.
Боже, Боже, как же сразу
удалось мне стать мудрей.
Тело, тело молодое —
все упругое.
Раньше было дорогое —
только дура я!
Душу я не продавала,
свято чувства берегла.
Тело только отдавала —
сердце же я стерегла.
Теперь знает вся Магдала —
я Христа невестой стала.
Чувство боли не обманешь,
правду кровью обретешь.
Знаю — Господом ты станешь,
нас к спасенью подведешь.

МАРИЯ-МИРОНОСИЦА

(К Марии без апостолов)

12 лет, по году за апостола,
рождения твоего ждать.
Потом еще 20 искать.
Найти, обняться
и так остаться
до Скорбного Пути.
Мне по нему с Крестом идти
с твоею святостию. Сила.
Не только любо или мило —
твоя рука необходима,
когда с Крестом пойду я мимо.
Твой страстный взор
пронзит в упор —
поддержит на Кресте.
Как на завьюженном листе
я вознесусь к Отцу душою.
Такого лишь с тобою стою.
Утрешь рукою пот со лба
и после примешь со столба.
Когда пойду я на Голгофу,
мне надо знать, что рядом ты.
Скажи, когда пойду я на Голгофу?
Ответь, и будешь ль рядом ты?

ИСКУС ИИСУСА

И ты бог?
Копьем в бок!
Объяты двух рук
повисли на гвоздях —
испустил дух.
Принимайте, небеса,
к вам возносятся.
Ни веса, ни беса —
на постой бог
к вам просится.
Не веселье новоселье,
расхлебенились.
Заварили злое зелье,
подбоченились.
Дома.

ФОМЕ ПОДТВЕРЖДЕНИЕ

Богоявленность
боком выходит —
стигмами под ребром.
Истекаю.

* * *

Да, при всем усердии апостолов, больше
всего последователей оставил после себя
Фома Неверующий.

Как больно жить мертвым!

ОСОЗНАНИЕ

Богом забытый,
гвоздями прибитый,
столько уж лет я вишу на кресте.
Копьем прободенья
жду воскресенья.
Сколько уж лет я вишу на кресте?

МАМА МАДОННА

Великая богиня —
Твое, родная, имя.
А я с Тобою рядом
всего лишь скромный бог.
Один взошел, не стадом,
и все с Тобою смог.
Преклоняюсь.

* * *

Омой меня, мирром намажь,
плащаницей укрой
и оставь.
Дай мне три дня,
я вернусь.

Что желаннее: семь футов под килем
или пятнадцать футов над головой?

VIA DOLOROSA

Тяжело ли ты несешь?
Вот плечо — с собой возьмешь?
Только под ноги смотри,
дня осталось еще три.
Не смей взгляда поднимать,
обессилит в слезах мать.
Почему так бледен лик?
Крест уж больно-то велик!
Пот кровавый вниз струится —
вот бы уксусу напиться,
вот копье бы под ребро,
и скорей бы отлегло.

*Иерусалим,
1-я станция*

Что, вновь безверие?
Нет, предверие
того, что полным будет
доверием.

СТОЛПЫ ПАПЫ

Верным псом у ног сидеть —
так с достоинством сидеть!
Domine canes.
Трепет чувственный являть —
у креста всю жизнь стоять.
Santa Francesko.
Гордыни смирение —
к могуществу рвенье.
Loiola.
Amen.

Ватикан

* * *

Чужих грехов во искупленье
биеньем сердца передал.
Молитвы шепот испугленья —
он божьей благодати ждал.

* * *

С глубокой благодарностью
за высокое благоприятие,
за стойкое благоденствие,
за заблудших душ спасение,
за благо.
Спасибо.

* * *

Взвешенная вечностью судьба.

Как от свежей плащаницы,
отстраниться от страницы.
Чистой, как небес снега.
Как Христа омытая нога,
ввысь ступившая с гробницы.
Как же к ней мне подступиться?
Что оставить на листе?
Чувства те.
Те, которым ты обязан.
Из которых узел связан,
что стучит в твоей груди.
Жди.
Они тебя поднимут
к той небесной чистоте.
Пошлой плоти тяжесть снимут
чувства те.

* * *

Я для вас, оставшихся всех дома,
растворился в звонкой тишине.
И теперь лишь только эхо грома
да блеск молний скажут обо мне.

* * *

И научиться тишиной дышать...

Шепотом, шепотом, шепотом.
Шепотом, шепотом крик.
Коней окрыленных топотом,
эхом меня настиг...

ЭТЮДЫ И МИНИАТЮРЫ

«Кажется, что вуалью печали окутана,
 как туманом, красота,
но это не вуаль, а сам лик красоты».

Бенедетто Кроче

* * *

Не забудь, какой завтра день!
Он будет таким же, какими прошли все прожитые:
единственным и неповторимым.
Не забудь!

* * *

Совестью прожженное,
явлю искаженное —
сокровенное.

У каждого были в жизни такие моменты, при воспоминании о которых приходит стыд. Кто считает, что у него не было подобных моментов, тот должен стыдиться хотя бы уже потому, что он так считает.

СУБЪЕКТИВНАЯ ОБЪЕКТИВНОСТЬ

Апеллируя к объективности, часто говорят, что время все расставит по своим местам, почему-то обязательно имея в виду при этом свою подтвержденную будущим правоту...

* * *

Жаль, что прошло время,
когда подлецов отстреливали на дуэлях!

* * *

Первый блин колом!

* * *

Каждому зубоскалу по зуботычине!

* * *

Если после драки не махать кулаками,
то лучше не ввязываться в следующую!

ЭФФЕКТ ДЕФЕКТА

Преимущества патологии в социальной анатомии:
быть на короткой ноге с тем, у кого длинные руки...

* * *

Не все скоту масленица!

* * *

Взялся за гуж, не говори, что не муж!

* * *

Гадко стелет — жестко спать,
или Старуха у распитого корыта.

* * *

Сор ссоры без разбору из избы выносить.
О разладе на всю околицу голосить!

* * *

Уклон у клоуна один — ему и царь не господин!

* * *

Недалек до близорукости.

* * *

Уметь вопросом дать ответ...

* * *

Бревно в своем глазу может не заботить,
если оно не мешает заметить соринку в глазу чужом!

* * *

Нет ярче на небе созвездия,
чем за подлость людскую возмездие!

* * *

Я либо бог, либо сумасшедший.
Если я сумасшедший, то сумасшедший бог.

«Безумие — вот без чего нет великого поэта».
Цицерон

«Безумие — это естественное бессмертие».
Б. Пастернак

Переживание как изживание человеческого в Божественное. Сколько надо мужества, решимости и усердия, чтобы выжить из ума!

Выживать из ума искренне, переживая: искрами искренности зажигая огонь сумасшествия, как священного пожара очищения чувствами, но не заблудившись в сознании мыслью.

Сойти с ума, не сойдя на конечной станции из остановившегося состава, но обрушившись в пропасть безумия на полном ходу поезда, вместе с неуклюже длинным хвостом вагонов бытия, битком набитых попутчиками и попутным скарбом. Бездонность подобной пропасти и обеспечивает бессмертие.

ШЕЙХ ОТ ШАХА, КАК МАТЬ ОТ МАТА

Величие духовное с могуществом мирским разнится, как монах с монархом. Продолжим аналогию созвучий с пропастью различия содержаний:

хаш — процесс (и, собственно, блюдо) насыщения плотского;

хадж — процесс (и, собственно, результат) насыщения духовного.

СВЯТО МЕСТО ГУСТО НЕ БЫВАЕТ

Поститься и пастись...

Полярность этих понятий определяет их значение. Поститься — значит обретать небесное, теряя земное. Пастись же, наоборот, — утрачивать небесное, тучнея в земном.

Пастбище, то место, именно где и происходит потеря горного, — это всегда площадь для толпы — паствы.

Постища быть не может, так как восхождение к небесному всегда интимноедино в сути своей и вне толпы.

* * *

Каждый восходит к Богу своим путем. Но в любом случае, чтобы до Него подняться, необходимо полностью исчерпать в себе человеческое.

Истину невозможно доказать. В идеальном случае ее можно показать. Увидеть показанное сможет лишь готовый к истине. Если в споре рождать истину — значит не иметь ее изначально и ввязываться в дискуссию с импотентной попыткой родить желаемое, но не имеемое за счет возможностей такого же надеющегося импотента со стороны оппонента.

Свергнутый бог — бог ли есть?
Развенчанный бог — бог ли?
Лишь только правящий бог кумир?
Только лишь мир правящий?

* * *

Не рассчитывайте, что найдете Бога,
стоящего в упряжке человеческой морали, —
только смертный может смириться
со стойлом общественной этики.

* * *

Поднявшийся до того, чтобы понять, скорее, почувствовать никчемность и бесполезность взываний к Богу (в принципе: о пощаде ли, просьбе ли, прощении, тем более благодати), — понимает и ненаказуемость проклятий, обращенных к Богу же.

Отсюда: перестающий взывать к Господу и швыряющий в Него проклятья — не герой-духоборец, но дешевый позер.

* * *

Дурака работа ищет,
умного же ищет что?

Заставь дурака Богу молиться, он и лоб расшибет.
Умный нет — лоб сбережет, помня себя, хлопотать о
благее будет.
Разрешение в забвении.

Тень я твоя, привыкай.
 Восхваляй, отдаляй, проклинай.
 Тень я твоя, привыкай.
 Преклоняйся, к суду привлекай.
 Тень я твоя, привыкай.

ТЕНИ БЛИК — ТВОЙ ОБЛИК

«Когда, ничтожность нашу забывая,
 я тени принимаю за тела».

Данте

«Повернись лицом к Солнцу, и ты обгонишь свою тень», — говорили древние. Шагай к светилу, и ты забудешь про нее... Но в этом случае последняя будет неустанно красться за тобой, боясь надоесть тебе и желая тебя одновременно.

Зачем вообще стремиться обогнать тень?

Часто ли задумывается о своей тени носящий ее? Заботится, бережет тень свою? Боясь осквернения, не дает прохожим коснуться ее очертаний?

Или в порыве ярости к этому ненавистному спутнику становится перед пропастью и бросает свою тень в бездну — разобьется ли?

А может, вернее просто стать строго под солнечным зенитом, отдаться жгучему соблазну не поднять, а уничтожить собственную тень, свести ее к окончательной ничтожности — себе? Так же, прячась от Солнца, хозяин тени обманывает себя отсутствием таковой, ибо в эти мгновения он сам становится силуэтом — безличием. Но не сливается с тенью. Даже падая ниц с распростертыми объятиями, желающий слиться с тенью лишь грубо накрывает ее. Слиться с тенью, поднять ее — значит подняться к ней же восхождением. Подняться

своей сутью, чистотой ясной воли, стыдом подвига выжечь в себе возможность (и, конечно, желание) *отбрасывать* тень.

Верно: «Тень — это униженный Бог». Честь которого можно спасти лишь единением с Ним. Одно — суть гармония. И обрести таковую можно, лишь догоняя тень. Отвернувшись от светила, пойти за отбрасываемой тобой тенью. Только тогда тень примет твою протянутую руку и предложит пойти в гору — к единению. Чем круче будет перед носителем тени гора, тем ближе к нему будет сама тень. Выше, еще выше! Почти к вертикальным кручам вершины бытия и дальше — к запределью — единым, слившимся божеством.

...Тень бога, где она? Лишь в сердце его же болью гложет. Честь бережет.

* * *

Как часто человек забывает о своей божественной сути, сокрытой в душе.

Низменность же ежеминутно напоминает о себе грубой проявленностью.

Если даже самому слабому убедительно сказать о его силе, он почувствует себя сильным.

Если самому сильному суметь показать его слабость, он заколеблется.

В нас сполна живут Иуда и Христос. Весь вопрос только в том, кого же из них мы научились слышать!

В любом человеке есть искра Бога.

В одних она все реже проблескивает, в других же разгорается до божественного пожара души, являя собой самую священную суть — запредельность.

КАСАЯСЬ СТОП УЧИТЕЛЯ

(Выбор поцелуя)

Прикоснуться потрескавшимися от ветров и жажды устами запыленных мозолей стоп, обутых в разбитые дальним странствием сандалии с горьким запахом полыни, — не то же, что чмокнуть освеженные очередной депиляцией, с подмалеванным педикюром ножки в пушистых домашних шлепанцах, пропахших приторным амбре из дорогого флакона.

* * *

Зачислен в клику святых...

Утверждение церковников, что семья — это малая церковь, венцом которой является муж, смущает развитием мысли: если муж есть венец мученический, то место для жены — ...роль Иуды?! или все-таки уставшей от блуда Магдалины? ну не Девы же Марии непорочной, это точно!

ДОЛГ

Во мне живет Иисус, но я не христианин. Не христианин только потому, что до сих пор не встретил, не нашел, быть может, не узнал своего Иоанна Крестителя.

Уже Ирод давно на троне, и Понтий Пилат готов умыть свои руки, уже робкая стайка апостолов то по очереди, то все сразу примеряет плащ Иуды, уже простелен Скорбный Путь, а благословляющего на Голгофу все нет. И не один уже Варавва отпущен на все четыре стороны, и толпа уже давно перешептывается зловещим — «Распни!», но все еще не вкопан крест в макушку Лысой горы. Да что там — Успение Богородицы уже состоялось, а я все брожу в преддверии, нося в себе божественный свет ожидания.

В подобном личном богоосознании нет никакой исключительности. Для каждого смерть его матери по вселенскому масштабу катастрофы есть Успение Богородицы. Наверняка каждый готов взойти на крест ради хотя бы еще одного мгновения света для давшей ему жизнь.

Родителям не должно переживать своих детей...

Но как бы Иисус состоялся в Боге, если бы Дева Мария не сопровождала его на Голгофу? Мягко, как полагается истинной матери, оставаясь в тени и не вмешиваясь в предначертанное, поддержала она Христа смирением и всей светлостью своей души. Ведь именно мать должна была пережить ужас казни единственного сына, снять с Креста Спасителя, омыть Его и благословить невинно пострадавшего на воскресение. Значит, каждый из живущих, даже пережив свою мать, должен оправдать святость ее миссии в этом мире. Дать право любой матери стать Богородицей. А значит, для этого каждый должен подняться своей жизнью до жития Господа.

Каждый должен пронзить свое сердце богоосознанием.
Каждый.

О Мадонна!

Ты же снять должна с креста,
почему же ты ушла?
Ты должна меня омыть,
как теперь в грязи мне жить?

...Не ты должна, но я *должен*.

* * *

Кто найдет в себе столько мужества,
чтобы понять меня и стать Иудой?

Мания величия
как символ безразличия.
Изваяние.

ОТ ТВОРЦА ДО ДЕЛЬЦА ДОТЯНУТЬСЯ РУКОЙ

Чем грандиозней творение, тем дальше надо отходить от него создающему (будь то полотно художника, скульптурная композиция ваятеля или, в идеале, мироздание Творца). Для того чтобы оценить созданное, принять его, отвергнуть, а скорее — стремительно метнуться к своему детищу вновь для очередных штрихов бесконечного совершенствования...

* * *

Творчество в пределах возрастных изменений...

Скромность укрощает.

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ ЛЮБИТЕЛИ, ИЛИ РЕВИЗИЯ В НЕБЕСНОЙ КАНЦЕЛЯРИИ

Жизнь — профессия почетная. Самая трудная и кажется самой легкой.

Многочисленная самая на планете и самая необходимая. Самая любимая и самая непостижимая профессия — жизнь. Как же много людей обрели эту профессию не по призванию и недобросовестно трудятся на этом поприще. Как же они мешают настоящим профессионалам — мастерам и честным ремесленникам жизни!

Уволить всех, кто жизнью прохлаждается?
Всех рассчитать, кто ей не дорожит!

ПО СУТИ ТАК И У ЛЮДЕЙ...

Часы со сломанной часовой стрелкой: минутная кружит по циферблату, секундная еще быстрее наворачивает обороты своим дерганным ритмом, но самая короткая и весома прочно замерла на одной цифре деления. При полной видимости хода времени, часы стоят на месте. Они пробуксовывают до умелого вмешательства Мастера, обездвижены сбоем механизма в момент поломки стрелки, отсчитывающей каждый час прожитой жизни...

* * *

Чрезвычайное происшествие — жизнь.

Душою брошенное тело —
кулем нелепым на земле.
На месте вроде все и цело,
но дух уж отдан в рабство мгле.

КРУГ ЖИЗНИ

Мозг кровавой рвотой стекал по холодному безразличному бетону и пузырился на его шероховатости. Столб, который почему-то оказался на пути мчащегося человека, безмятежно возвышался, как огромный кинжал, воткнувшийся в землю рукоятью. По нему стекали сейчас мечты человека, его надежды, чувства и знания, сама сущность человеческая тягучей капелью рассыпалась в грязь. Череп, этот опустевший чехол для мозгов, принявший в себя контуры столба, казалось, все еще пытался осознать случившееся. Выпученные из-под разбитых очков глаза были больше удивлены, чем напуганы неожиданной смертью. Полное жизни еще мгновение назад, тело грузно раскинулось у основания бетонного столба. В крови, зловещий, столб выглядел скорее грозным тотемом, нежели простой опорой электрических проводов. Труп же человеческий и вовсе походил на молящегося адепта, отчаянно просящего божьей благодати.

Совсем нелепо смотрелся опрокинутый новенький мотоцикл, в котором запуталась вывихнутая нога хозяина. Стремительно вращающееся по инерции колесо осыпало столб веселыми отблесками хромированных спиц. Тот, кто заставил это колесо крутиться, пребывал уже нигде и ни в чем, а оно крутилось и крутилось, как крутится все живое. Крутится и утверждает: жизнь — это движение.

Невдалеке как-то обособленно лежал расколотый шлем. Его беспомощные черепки были похожи на скорлупу черного яйца. Яйца, из которого только что вылупилась смерть.

Каким же опытным бойцом
должен быть мальчик для битья!

СВОЕ ЛИ КАЖДОМУ?

— У каждого свое призвание! — горделиво прошуршал, затягиваясь на шее, самодовольный галстук.

— Да, и каждому свой удел... — хрипло вздохнула, ползая в петлю, пуговица.

КАРАТЫ ИЛИ КИЛОГРАММЫ?

— Как многогранен я, глубок и мощен как! — вещал стакан наставно рюмке хрустальной. — Весом я как и крепок как собою. Тебе ль тягаться впредь со мною?

Блеснув улыбкой, рюмка отвечала:

— Да, я хрупка, мала объемом и очень тонок стан мой легкий. Но разница меж нами еще в том, что льют в меня коньяки дорогие. Тебя же наполняют лишь водой. И праздник для тебя, когда плеснут в тебя вино плохое. А посему и ценят меня больше.

Отсюда можно сделать вывод: не в форме суть, но в содержаньи налитого.

ИЗДЕРЖКИ ПРОФЕССИИ

Возможное наличие грелки с ворованным молоком под грудью доярки дает бригадиру право на пристрастное ежедневное ощупывание труженицы при выходе ее с фермы.

Въевшаяся угольная пыль в абрис воспаленных глаз шахтера со стажем делает его похожим на лицедея в гриме или размалеванного трансвестита. Разница в вынужденности или добровольности сопутствующего интенсивного макияжа. И в том, что первый в конце смены поднимается из ада подземелья, последние же туда опускаются...

* * *

Нам не пить с лица —
злонамеренная бессмыслица.

* * *

Когда сталкиваешься со вскрытой фальшью посторонней жизни, ловишь себя на брезгливом ощущении испачканности. Так иногда неприятно обжигаешься о запах чужого пота на вроде бы чистом полотенце, которое поднес к умытому лицу, чтобы утереться.

* * *

Яблоку упасть не на кого!

* * *

Вращаются в свете, а крутятся, как белка в колесе...

* * *

Салонный моветон трансформировался в массмедийный муви тон и, увы, — стал обыденной нормой...

* * *

Брань площадная — игра беспощадная.

* * *

Потерянное — всегда лучшее.

БЕРЕГИ БЕЛЬЕ, ХОЗЯЙКА

Ветром, треплющим белье, что в непогоду сушиться вынесла хозяйка, жизнь нещадно разрывает сердец трепещущие нити.

СПЕЦЗАДАНИЕ

Когда рушится мироздание...
Словно по прихоти,
по чьему-то заданию...

* * *

Принцип утверждения человека —
через разрушение им же созданного
к тупику безысходности — реконструкции.

* * *

Всякое знание — только преддверие чего-то более
глубокого и значимого.

Каждая наполненность — это основа очередной
опустошенности.

ПАЛЬЦЕМ В НЕБО

Не чаянно, не гаданно — нечаянно разгадана загадка
бытия.

ТРАНСКОМАНДИРОВКА

Каждый раз, когда я улетаю ТУДА, приходит ощущение,
что я возвращаюсь к истокам и мне некуда больше спешить.
Некуда и незачем улетать ОТТУДА.

* * *

Если припуститьсь бежать нагишом по какому-нибудь
девственному лугу, поневоле захочется опуститься на
четвереньки и, как ни гордо звучит — «человек», захочется
почувствовать себя зверем. Захочется, ох как захочется!
Ведь зверствовать — не обязательно быть бесчеловечным.
Как и человечность поступка не всегда исключает его
звериность.

Побежали?..

Себя потерять — как чужое найти.
Чтобы после опять к своей боли прийти.

ПОИСК СЕБЯ

«Нет такой судьбы, которую нельзя
было бы преодолеть, презирая ее».

А. Камю

Каждый день, возвращаясь домой, я с надеждой заглядываю в почтовый ящик. Всегда огорчаюсь и немного удивляюсь — почему там ничего нет? Я открываю дверь и сразу роняю взгляд на пол, вдруг там лежит письмо или записка, попавшая в комнату через щель под дверью. Нет, все так же пуст плохо вымытый пол прихожей. Я окончательно расстраиваюсь и разочарованно смотрю по сторонам: может, в мое отсутствие все же был здесь кто-нибудь; может, оставил весточку на столе, на телевизоре, на подоконнике, в конце концов. Нет. Кроме пыли и вороха моих давно брошенных бумаг, там ничего нет. Даже как-то обидно. Почему обо мне все забыли? И помнили ли вообще?

Ищу общества в книгах. Беру одну, другую, третью... Все они шелестят мне своими посторонними мыслями-страницами: ты одинок, ты одинок, одинок... Захлопываю обложки одну за другой. И возвращаю книжные страсти в их мир. Включаю телевизор. С голубого экрана в мою комнату тут же врывается жизнь. Далекая, непонятная, сплошь в политических интригах и натянутых условностях. Сквозь окошко в полированном ящике ощущаю леденящий холод пропасти, которая разделяет меня с этой жизнью. Пугаюсь ее и выключаю телевизор. Подхожу к радиоприемнику, сомневаясь — включать ли? Решаюсь и тут же жалею об этом. Безучастный голос диктора только подтверждает мою

отверженность, заваливает мусором информации и как бы спрашивает: ну, убедился, что ты в этой жизни чужой? Убедился, на еще! Судорожно щелкаю переключателем волн и ищу среди них свою жизнь-волну. Сумасшедшим марафоном на всех языках проносится мимо меня гнетущая действительность. Стоп. Не могу — выключил.

Замираю в раздумье. Что же мне предпринять? Чем заняться, чтобы убежать от своего одиночества? Телефон. Может быть, мне все время звонят, а он отключен или сломан? Беру трубку аппарата и надеюсь, что телефон в нерабочем состоянии. Но телефонный зуммер исправно и четко отсчитывает мое одиночество. Он, как заводской гудок, зовет меня к своему месту в коллективе. Знать бы, где оно, мое место. И как найти этот желанный достойный коллектив.

Ни у кого нет моего адреса, чтобы мне написать. Ни у кого нет моего номера телефона, чтобы мне позвонить. Ни у кого нет желания, чтобы найти и то и другое. ...У меня совсем никого нет. Так почему же каждый день, возвращаясь домой, я с надеждой заглядываю в почтовый ящик, открываю дверь и в поисках весточки обшариваю всю квартиру? Почему так искренне расстраиваюсь, когда не нахожу их, ведь не нахожу я их никогда! Почему?

СУДЬБОЮ ПОЙМАННЫЙ БЕГЛЕЦ

Придя домой по возвращении из поездки дальней, я наклонился туфли снять, и вдруг на башмаке заметил след собачьей лапы, что мокрый пес оставил, когда просил участия кусок почти уже на взлетной полосе. И сжалось почему-то сердце от грусти боли в щемящем осознании сути бытия...

Так догнало меня ушедшее вчера, почти забытое беспечно, казалось бы, оставленное мною за самолета трапом навсегда... Но нелегко сбежать от осознания вины за брошенность дворняги чужестранной... Зачем ее за ухом потрепал?! И чувства, кои полнили меня в то время, не отпускают ныне, угрожая царствовать и завтра в моей душе, гвоздями жизни к обреченности прибитой... Протер, почистил после, вроде, туфли, но поутру опять грязь следа проступила, и боль не захотела отпускать... Что, если завтра обзаведусь я новым башмаком, а старый вместе с болью в корзину мусора отправлю... Иль, может, проще необутым — босиком ходить и избегать с любой дворнягой встречи взглядом?..

* * *

Грязь — это безволие.

* * *

Изменить свое мнение — это воля.
Изменить своему мнению — это безволие.

* * *

Есть такой тип людей,
у которых совесть всегда под рукой, —
они пользуются ею, когда захотят.

* * *

Мои гости не всегда сыты,
но всегда кормлены.

* * *

Есть персоны, которые умудряются
выгодно подкупать своим бескорытием.

* * *

Кому требуется временная оценка,
тот либо слишком силен,
либо окончательно никчем.

* * *

Простота не в упрощении.
К истинности в обращении
простота.

* * *

До предела распалаться —
без остатка распыляться.

* * *

Зрящий в корень верхогляд.

* * *

Не войдя в воду, не узнаешь броду.

* * *

И падение дает ощущение полета!

* * *

Верой-правдой служить —
значит правильно жить.

* * *

Прощаться значит всегда прощать.
Но в чувствах не клясться — не обещать!

ОСЕННЯЯ ПАСТОРАЛЬ

Парень шаркает по подмерзающей грязи аллеи парка в женских сапожках на высоких каблуках со смятыми из-за малого размера обуви задниками. Неприятный, нелепый вид... Рядом, как на лыжах, не отрывая стоп от земли, забавно мило гребет точеными ножками в тяжелых мужских ботинках девушка. Она шагает со смущенной улыбкой облегчения: ничего, что тонет в башмаках друга, главное — отдыхает от нестерпимых острой болью модных шпилек!

В дополнение к виноватой, но довольной улыбке спутницы, видимая вначале нездоровая глупость парня оборачивается трогательным благородством заботы о дорогом сердцу человеку...

* * *

Утро! И с солнцем на душе светло...

* * *

Почаще взор свой обращай на красоту вещей!

* * *

И слово «Вечность» успеть выложить из льда...

Чтобы жить в сказке, надо быть сказочным героем. Даже чтобы попасть в высмеиваемые персонажи, необходимо сполна проявить цельность хоть в этих качествах. Иначе образ будет совсем не показательный, т. е. не сказочный.

Дурачок ты или злодей, патологический скряга или принц-богатырь — не важно. Главное — яркость своего понимания жизненного пути, умение проявить его своей сутью (пусть неудачника, неряхи, палача, в конце концов).

Если, примерив сказочный кафтан, ты не найдешь себе места в сказке из-за вышеупомянутой несостоятельности, то отчаивайся. Отчаяние — это грань подвига, за ним должно стоять действие. Начав же действовать, ты явишь собою акт творения новой сказки.

Разве не выход — творить свою сказку, не найдя себя в предыдущих?

Увы, тебя здесь ждет ловушка!

При всей внешней заманчивости (еще бы: казалось, в своей-то сказке ох как себя преподать можно, и красну девицу вынудить влюбиться, и конец достойный состряпать!) в этой перспективе кроется тупик: сам сказочник оказывается фигурой нейтральной, стоящей за сказкой, но не в ней самой. Более того! Сказка всегда живет своей жизнью, автор к которой не имеет никакого отношения. И финал здесь непредсказуем — счастье ли, трагедия ждет сказочного героя, этого не может сказать даже сказочник. Во всех заявленных в мир сказках ранее — да, все известно и ясно. Хотя так ли уж ты в них разобрался? Как тебе следующий взгляд.

...Запредельная чуткость Принцессы, которая, несмотря на обилие матрацев, все же *чувствует* под собой горошину, не может не восхищать. Эта боль сродни обманутым

в своей ответственной принципиальности Синей Бороде и мужественной доверчивости Голого Короля.

В прямоте бескомпромиссной честности они резко контрастируют с такими псевдогероями, как, например, дешевый авантюрист Храбрый Портняжка. Да, тот семерых одним ударом! Даром что мух...

Еще раз — отчаивайся!

Твори свою сказку, становись сказочным героем. Сказочником, который должен всю жизнь писать сказку о высокой любви и преданности, о самопожертвовании и служении Долгу, преподавая таинства Бытия, отрицая само Бытие.

Чем не сказка получится?

И счастье в трагедии (но не трагедия в счастье) обеспечено.

Мораль сей сказки имморальна.

...А жить-поживать, это что — добра наживать?

Ты достоин сказки.

ДЫХАНИЕ ДХЬЯНЫ

(Пульс в мундштуке саксофона)

“Here’s swinging at you.”

Louis Armstrong

Чань — это один большой искренний каприз, возведенный в ранг образа жизни, доведенный до абсолюта как метода разрешения таинства бытия.

Дзэн — автономная реплика на чань, отказавшаяся от каприза, но оставившая ранг образа жизни, доведенного до отсутствия абсолюта как метода разрешения таинства бытия.

Чань и дзэн (ночь и день) не как оппозиции, но части целого — единого полного ритма (сутки). От восхода через закат — и снова к заре. Восток — Запад.

Что может быть общего между ними, что соединяет их *мелодичным* мостом? Не вдумайтесь, но почувствуйте, — услышите: Джаз!

Взять, к примеру, музыкальную композицию, одно название которой громко говорит за себя, и без сомнений спонтанной экспрессией заявляет о закоренелой принадлежности джазбандиста к межконтинентальному джазу: «Полуночный товарняк»...

Итак...

* * *

С желанной слиться бы в одно,
как Гермес сросся с Афродитой...

Вселенная — это пространство между «Я» и «Ты».

Познать мир, исчерпать его потенцию для нашедших свое «ты» — значит воплотить в себе идеал Гермафродита: уничтожив расстояние между «Я» и «Ты», слиться в единое, то есть воплотиться в Вечность. Тогда в ранг абсолюта восходит понятие «Мы». Мы как я, мы как ты.

Мы — космос.

ТОЛЬКО ВМЕСТЕ

— Дай мне почувствовать, что же такое Любовь? — допытывался разум у сердца.

— Мне некогда думать об этом! — взволнованно стучало в ответ смущенное сердце, боясь признаться разуму и себе в том, что оно тоже не знает о Любви буквально ничего!

Тихим вечером, грустной песней,
мелодией ветра приду я к тебе,
как только ты останешься одна.
Ведь одиночество — это я.

ЦЕНА МГНОВЕНЬЯ

Он вошел в мою жизнь так стремительно, неожиданно, так неповторимо. С его упорством и натиском никто не мог сравниться. Впервые он увидел меня на улице и сразу подошел. Как-то взволнованно, искренне заговорил со мной, призвал услышать и понять его. Он воскликнул, что, увидев меня, внезапно до боли ясно ощутил щемящую мимолетность жизни, ее необратимость и преступное неумение ценить ее — жизнь. Он ужаснулся от того, что мы можем, еще не найдя, потерять друг в друге целый мир. Такой огромный, сочный и яркий мир взаимных чувств. А мы должны, должны, убеждал он, обогатить себя чистотой общения, помочь понять ценность мгновения и сполна ощутить глубину счастья. Если же мы сейчас пройдем каждый своей дорогой, кто знает, может быть, всю оставшуюся жизнь будем отчаянно жалеть об этой несостоявшейся любви. Бесконечными серыми вечерами мы будем томиться от опостылевшего одиночества, будем пытаться убежать от него, бродя в тщетных поисках родственной души по улицам, скверам и паркам равнодушного города, каждый раз только подтверждая тем самым свою невосребованность забывшим про тебя миром. И если мы когда-нибудь случайно встретимся вновь в многомиллионной толпе, то просто не узнаем друг друга. Или, быть может, уже не отзовется таким порывом сердце, не заставит нас не то что броситься в объятия — даже не предложит протянутую для приветствия руку.

Так он говорил, и его бездонные карие глаза прожигали меня насквозь надеждой и страстностью.

Я забыла про все и про всех. Я нестерпимо захотела узнать его, испугалась, что потеряю вместе с ним целый мир. Я почувствовала, что мне очень нужно обогатиться его чистотой.

Так неповторимо он вошел в мою жизнь.

Да, так он в нее вошел.

А вышел... вышел обычно — через дверь, оставив мне хорошенькую дочку с бездонными глазами.

* * *

Докучливый — собирающий до кучи.

* * *

Выход из дома — это всегда выход в открытый космос; уже открытый, но еще не тобой.

* * *

Пока дышу — надеюсь...

Но если на ладан дышу, — на что надеюсь?!

ВДВОЕМ С МЕЧТОЙ

Давай уйдем подальше — поедem к морю, в горы, в лес...
Давай поглубже спрячемся в чащобе, укроемся за волнами в
барханах, затремся, как медведи, в вечный лед. В каньоны
каменных голов, в ущелья рек глубоководных...

Не надо спрашивать — зачем, куда — не надо задавать
вопроса. Куда-нибудь, зачем-нибудь... уйдем, давай?

Пусть здесь оставишь ты печаль, забот усталость здесь
забудешь. Возьмем с собою лишь мечту, одну ее возьмем
в дорогу. Она заменит нам еду, и в дождь укроет плотной
крышей. В метель согреет нас крылом, и в летний зной
прохладой будет. Всегда для нас послужит ложем, оденет
ночью звездопадом, а утром вымоет в росе. Лекарством
от печали будет, бальзамом жажду утолит, и путь к любви
всегда укажет.

...Давай куда-нибудь уедем. Мне здесь тоскливо. Скучно
здесь.

* * *

В чем смысл жизни?
В дерзанье вечном.
В чем цель ее?
Любовь найти.
Зачем вперед стремиться?
Чтоб новое познать с любимой!

* * *

Только чужая душа потемки!

Мудрость — это разум, прошедший через страстность
чувства.

Поэтому и утро вечера всегда мудренее: тот же ум, но
обогащенный (оплодотворенный) безумием ночной боли
страсти. Когда мысли в смятении уступают место взрыву
чувств.

Помудревший — это узнавший томь сердца, открывший
для себя интуицию и ставший благородней, терпимей и
глубже — иррациональней.

Лукаво же мудрствовать — корысть творить, мельчать и,
испачкавшись, оглупеть в итоге. Огрубеть в Боге.

* * *

Успешная зависть — это еще не завидный успех.

Когда испытываешь зависть — это что, вот когда зависть
начинает испытывать тебя!

...А наслаждение?

Тому, кто тронет эти струны,
я чуткой нежностью отвечу
и прошуршу крылом: летим со мной!
Но их не так легко затронуть
и фальшь звучания убрать...

ДВЕ СТОРОНЫ ОДНОЙ МЕДАЛИ

Одно время, будучи пылким юношей, я был влюблен в молоденькую дантистку, которая практиковала у нас в средней школе. Используя любой повод, я прибегал к врачу на прием и, замирая, ждал, когда ее руки коснутся моей головы, когда сама она наклонится ко мне и заботливо устремит свой взор вглубь меня. Я расковыривал свежие зубы, сбивал пломбы у старых, ранил десны. Я находил у себя мнимые воспаления полости рта, и солоноватый привкус выступившей крови оборачивался вдруг предвкушением пьянящей близости.

...Я ходил к ней каждый день. Не важно, понимала ли все это она, важно другое — неизменно приветливо она усаживала меня в зубоврачебное кресло, наклонялась и... начинала сверлить вымученную мной дырку в зубе. Ее упругий бюст через тонкий шелковый халат касался моего дрожавшего плеча, вся она подавалась вперед и так, в полуобъятии, занималась моим ртом.

Я окунался в испытание единством муки и наслаждения. Не знаю, от чего у меня тогда кружилась голова — от ощущения ее близости или от дымящейся болью визжащей бормашины. Я шалел от ввинчивающегося в мозг сверла и боялся, что эта боль вот-вот пройдет вместе с горячим ощущением ее груди, близости самой...

Как я тогда мечтал разорвать эти два ощущения!

Только теперь, повзрослев и окрепнув в бурях настоящих страстей, я понял тщетность моих мечтаний. Сейчас я знаю наверняка, что сладость любви невысказима без ядовитых мук сомнений и отчаянных приступов ревности. С исчезновением одного гаснет и накал жара другого.

Анестезия же страсти возможна лишь путем погружения в кратковременно обволакивающий самообман зыбкой дымки миража гармонии.

* * *

Технология по имени Нана.

* * *

Не зря говорится — дева Мастера боится!

* * *

Царевна Несмеяна усмирит любого Буяна!
(Несмеяна — от глагола «не сметь»)

* * *

От безысходности вместе быть,
по волнам безвольности плыть...

* * *

Земля с водою — слякоти замес.
Себя с тобою — расхождений пресс...
стресс.

* * *

С тобой вполне мы квиты.
В равной мере предательством биты.
Боевая ничья.

* * *

Утверждение, что сила женщины в ее слабости, верно в понимании логичного продолжения: слабость мужчины в его силе.

Отсюда полная беспомощность апогея могущества — бога.

* * *

Силуэтов призраки —
половые признаки.

У мужчины и женщины появляется много общего, когда они поворачиваются друг к другу спиной.

ЗЕМЛЯ И НЕБО

Активная мятежность мужественного детородного органа в его взмывании к небу. Безвольная неготовность к акту продолжения рода в обвислой понурости — уткнутости в землю. Оба состояния — это желоб испражнений. Упругий мост ли эссенции, жизнь дающей; обмякший шланг ли, нечистоты сливающий. Земля и небо...

Если с годами уши человека тянутся к небу — это явный признак дегенерата; если к земле — мудреца. Небо и земля...

* * *

Если учесть, что самая сильная эrogenная зона — мозг, то женщина слишком глупа для радостей секса. Репродуктивная же функция бросает ее в постель с потребностью, игнорирующей мозг.

* * *

Музыкальный слух плох для постели — слишком явно слышны фальшивые ноты стенания партнера...

РАЗОЧАРОВАНИЕ

Как-то Он прочел Ей свой новый стих и тихо спросил:
— Ну, что?
— Это почти оргазм! — восхищенно воскликнула Она.
— Значит, стих мне не удался, — огорченно заключил Он.

* * *

Эта тема заветная,
потому и запретная.

* * *

Не знаю, чего сильнее хотел бы, чем ЭТО,
но именно ЭТО под суровой сенью ТАБУ!

* * *

Любовь — это приключенческий жанр. Женщина всегда приключение. Приключение, к которому далеко не всегда оказывается готов провоцирующий на него мужчина...

Женщина... Какое же это приключение!..

* * *

Нам ли не сделать явью мечту?!

Любовью ли нашей не выковать счастье...

* * *

Я полон, полон через край этим ценным чудом —
чувством любви.

Волшебством...

УГОЛЕК В ЛАДОНЯХ

О, сколько значит робкий поцелуй!

Прикосновение губ любимой.

Одно всего лишь прикосновение.

И уже огонь.

Уже маленькие красные угольки зажгли пламя.

Пламя костра... Пожара...

Огненного смерча чувств, который готов сжечь все.

Всего лишь одно прикосновение.

Губы любимой.

* * *

Такой любви — возвышенной, глубокой, сильной и страстной; такой образцово-романтической и самоотверженной; такой Любви не сыскать в целом мире! Она горит только в мечтах наших сердец...

* * *

Долгожданная неожиданность — счастье.

* * *

В жизни каждого обязательно должен быть тот,
кроме которого у него никого нет.

* * *

Как с собой совладать,
чтоб тобой обладать?

* * *

Ценой от ревности леченья
утеха с милой — развлеченье...

* * *

Душа пропитана тобой,
и мысли аромат твой источают...

* * *

В янтаре смеющемся глаз твоих обворожительных
застыть навеки нелепо влипнувшим жуком...

* * *

Просто будь, припади головою на грудь.
Не вздохнуть без нее, не вздохнуть!

* * *

В океане штормящем жизни
обреченных пара на ветхом плоту.

* * *

Не строку, так хоть слово —
напиши, что ЖИВА...

“If in these eyes there lurk a tear!”

Byron

НЕВЗНАЧАЙ ОБРОНЕННАЯ ПАМЯТЬ

(Соленая сладость любви)

Вчера ты случайно оставила слезу в моих глазах. Когда мы расстались, слеза не высохла — она застыла на ресницах и скатилась в ладонь бликом алмаза. Его теперь можно сделать брошью, вкrapить бриллиантом в корону, ожерелье, подвеску, оправить кулоном, вставить в перстень или трость. Теперь в красивом обрамлении драгоценное украшение будет всегда со мной, всегда будет напоминать о тебе и рожденном нами счастье...

Когда же мне нестерпимо захочется поцеловать тебя, достаточно будет прикоснуться губами к алмазу, и соленый вкус слезы сразу вернет сладость ощущения нашей любви... Любви, из которой ты ушла, ненароком оставив слезу на ресницах моих удивленных глаз.

* * *

Когда просьба звучит приказом,
тогда сил нет ответить отказом.

* * *

Фортуна за талию щупать
нежною надо рукой...

* * *

Вся мозаика образа рассыпается
от легкого поворота калейдоскопа...

* * *

Не пропажа — продажа страшна.

* * *

Все личное — лишнее.

* * *

Равнодушие — это сапог на цветке.

* * *

Любовь — авантюрно-гиблая, но титанически-отчаянная
попытка надышаться перед смертью.

* * *

В петлю петлица превратилась.
Безысходности слеза накатила.
Навалилось, навалилось...

* * *

Жезл браслетом обвивая,
вспоминаю, тая...

DÉJÀ VU

(Исповедь в будуаре)

— Дорогая, я каюсь в грехе.
— Я твой грех отпускаю повтореньем греха.
— Я его повторяю.
— Я опять и опять отпускаю.
— Вновь и снова свой грех повторяю.
...Так всю жизнь:
— Я грешу.
— Ну, а я — отпускаю.

* * *

«Всякий раз, меняя жену,
нужно сжигать предыдущую...
Убивая женщину, уничтожаешь прошлое,
которое она собой знаменует».

Пабло Пикассо

И начинать собирать костер для этого нужно с первого дня знакомства с новой кандидатурой на очередное обозначение!

* * *

Бывает, иные отношения в попытках создать семью заканчиваются вместе с первым тюбиком зубной пасты или рулоном туалетной бумаги. Порой рулон растягивается на всю жизнь и судорожные потуги становятся хронической нормой налаживания отношений, но не обладания семьей... Того хуже, когда этот рулон разматывают руки появившегося у неопределившейся пары ребенка...

* * *

Когда женщину вдруг застает 50,
опустившись на плечи
немодную шалью...

**ПРО ПАУКА ГОГУ,
КОТОРЫЙ НЕ ЛЮБИЛ МУХ**
(Притча-модерн в стиле «хоррор»)

“To be, or not to be:
that is the question”.

W. Shakespeare

«От надгробья к надгробью
в полумраке тянет паук
свою паутинку...»

Танэда Сантока

С предостережением N
С оправданием перед n

Вопрос — плести или не плести — у паука не возникал. Он плел да плел паутину. Он — паук по имени Гога. Гоге нравилось плести тонкое макраме из рождающихся в нем мелодий серебристых ниточек. Паук Гога мог без устали выплетать из себя узоры дрожащей снежинки; создавать дышащую от малейшего дуновения красоту меж веточек деревьев, кустов, травинков; обрамлять кантом пепельной вуали бесхозно брошенные вещи; прикрывать голую пустоту углов комнат; единить седой ажурностью забытые на этажерках и полках книжные ряды... Ткать и ткать свой рисунок. Ткать и ткать. Вышивать и любоваться. Любоваться и вышивать. Стежок за стежком, стежок за стежком. Вот бы этими легкими стежками оплести весь мир! Накинуть сетчатое покрывало беглой парчевой глади на планету; накрыть призрачной тенью его шелковистых волокон луну, солнце; потом дотянуться до дальних звезд... Вот бы...

Но Гога знал, что однажды под осень он увидит вдохновенно созданные кружева летящими парусами. Увидит кружева плывущими по воздушным волнам, привольно качающимися в них. Улетающими в никуда. Кружева мгновений вечности. Порхающие кружева...

Да, Гога знал толк в деле, которому самоотверженно служил. Ему положительно нравилось плести паутину. Как

и подобает заправскому, высокому идеями художнику, натруженный Гога любил, часами замерев без движения, со стороны наблюдать всеми тремя парами телескопически выпученных глаз свои многочисленные творения. Любил наслаждаться их невесомой грацией, ритмичным совершенством разбегающихся лучевых линий, охваченных по кругу готовыми запеть звонкими струнами.

Огорчало Гогу людское неумение ценить красоту. Огорчала и неприятно удивляла близорукая человеческая нетерпимость к ее непонятости. Всегда, как только кто-нибудь из дотошных людей замечал искусно преподанную Гогой паутину, тут же стремился дотянуться, смахнуть подвернувшимся венком, щеткой, шваброй никому не мешающее украшение. Если, конечно, человек, заметивший паутину, не оказывался очень занят или безнадежно ленив! Откуда у людей такая глухая, черствая невосприимчивость?!

Еще пауку Гоге досаждали мухи. Вообще-то, мухи больше кучно терлись по невыносимо невкусно пахнущим помойкам, выгребным ямам, конюшням и скотным дворам, но в своем нездоровом нахальном любопытстве залетали и в паучьи Гогоины галереи. Залетали отнюдь не благоговейно полюбоваться тканными шедеврами. Мало того что ими вечно засиживались противной липкостью стены, так мухи еще несносно шумели. Роились, шумели, отвлекали и мешали Гоге наслаждаться с умилением развешанными тесемочками паутины, тишиной, замершим мгновением. Одиночеством...

«Ну же, эти суетливые мухи! — раздражался потревоженный паук Гога, — все бы им поскорее, да все бы погрязнее, да все бы засидеть, все бы загадить...»

Гудящие, зудящие, жужжащие бестолковые мухи с лету врзались в кропотливым паучьим трудом сплетенные нежные тенета. Бесцеремонные нарушители утонченной красоты бушевали там, словно неуклюжий слон, пытающийся выбраться из тесно уставленной драгоценным фарфором посудной лавки. Однако не будем делать из мухи слона! Чуть заметные глазу, прочные волоски узоров не поддавались

мушиному трепету и заполнялись тельцами попавшихся, омерзительно раскоряченных мух. Мухи, выбившись из глупых сил, сникали и обреченно зависали среди пут высохшими чучелами. В такие минуты они напоминали Гоге скверно отыгравших вертепную пьесу бездушно-тряпичных марионеток из пыльного сундука кукольника.

То и дело Гоге приходилось чинить разорванные ячейки паутины, укреплять ее поврежденные судорогами мух узелки, восстанавливать цепкими когтистыми лапками эстетическую завершенность продуманного, прочувствованного душой поэта *захватывающего* произведения.

Мохнатый лоснящимся ворсом, черный с крестовым отливом на пузыреобразной спине, клубок в центре паутины казался пульсирующим сердечком разметки оптического прицела.

«Нашли же мишень для своих вздорных атак!» — ворчливо вздыхал Гога, очередной раз прилежно штопая на приоткрытой форточке прозрачно трепещущую шаль. Шаль с пауком, похожим на головку распушившегося одуванчика с туманным кокошником феерического ускользящим непостоянством убранства. Шаль, словившую собой вместе с цветком терпковатый запах свежескошенного, еще совсем недавно тугого устойчивостью одуванчика. Шаль, готовую подхватиться потоком и закружиться, взорваться белоснежным салютом вмиг развеянного одуванчика. Одуванчика шаль... Что может быть чудеснее ее вида, аромата, вкуса... Ее чувствования... Колыхания в ней...

Липучие, надоедливые мухи докучали пауку Гоге, врвались в его одухотворенно-размеренную, потолочно-возвышенную жизнь, приземляли обыденностью и тягостно возвращали к бренному.

В мухах было так мало крови...

Поэзия — это нежная ярость или яростная нежность.
И всегда болезнь. Бешенство сердца.

КРИК

«Я шлифую душу страстью
до алмазной чистоты!»

Как стон какого-то гиганта, как предсмертный вздох бога, как неизвестно что прозвучал в ночи этот крик. Прозвучал неожиданно, беспомощно и вместе с тем властно.

Казалось, он лился отовсюду: снизу, с боков, звенел над головою и внутри самих людей страхом кипел в крови. Длился крик невозможно долго. Вернее, долго замирало эхо крика, неизвестно когда влившееся в сам крик и добросовестно разносившее его по пустынным улицам старого города. Наверное, не было живого человека в округе, который бы не проснулся от крика. И точно не было ни одного человека, который подал бы вид, что услышал крик. Все неподвижно лежали в своих теплых постелях и леденели от ужаса. Тишина после крика показалась жуткой и предательски пустой.

Город проснулся и не дышал. Ухоженный, небольшой, он привык жить спокойной, размеренной жизнью, из которой исключались все непредвиденные происшествия. И вдруг крик! А может, это вовсе и не крик, может, это громовой раскат, искаженный горным эхом и узкими улочками? Или обвал в горах? Или что-нибудь еще, мало ли?

Нет, это был крик. Крик живого существа, настолько отчаянный и молящий, что невольно сердце сжималось от жалости, и настолько ужасно пронзительный, что сжавшееся от жалости сердце замирало от страха. Забывало или боялось биться. У каждого, у всех. Город замер. Мучительно медленно

и зловеще-подозрительно затикали часы. Вот стукнуло что-то сердце. Первое. За ним встревоженно заколотилось еще одно. И еще, и сотни сердец маленького городка застучали наперебой, как бы взволнованно перешептываясь об услышанном только что крике. Снова только тиканье часов и стук сердец.

Робкий писк скрипнувшей створки окна обратил на себя внимание тишины города. Заспанное, испуганное лицо выглянуло из проема, встревоженно посмотрело по сторонам, будто что-то можно было увидеть в ночной черноте улиц, и быстро исчезло во мгле комнаты. Окно закрылось, опять виновато взвизгнув.

Все как обычно, как в тысячах ночей, только вроде бы луна стала бледнее да свет звезд мертвее. И ветер дует, но не свистит. Испугался крика ветер. На цыпочках по пустынным кварталам носится, на носочках с дерева на дерево перепрыгивает. И луна поэтому бледна — с перепуга. И звезды помертвели от страха. Ну ничего, отойдут, отогреются. Лишь бы крика больше не было, лишь бы тишину жизни городошной не нарушил больше никто.

Все, наверное, не повторится крик. Можно засыпать. И постепенно забылся город во сне. Ровное дыхание спящих людей постепенно заполнило взорванную тишину, заштопало собой прорванную криком дыру в ней.

Потекла обыденная жизнь городковая. Ночь потекла рядовая.

Только одно окно светилось странной игрой неровных полыхов. В доме на окраине, у самых гор и тихой речки, где заканчивалась мощеная брусчатка, горел свет. В комнате дома на кровати лежал человек. Его молодое сильное тело сотрясилось от рыданий. Со стороны казалось, что лежащий обжигается о свою постель, вздрагивает, снова обжигается и опять пытается прижаться к твердому ложу.

В углу комнаты трещал пламенем камин, жадно поедая бумажную кипу листов, расписанных порывистым почерком. Измятые и изорванные, они причудливо кувыркалились на раскаленной решетке, изгибались и мялись еще больше,

покорно отдаваясь безжалостному огню. Вскоре в камине осталась только черная масса безликого пепла. Огонь, не насытившись, рыкнул и потух.

Юноша продолжал рыдать. Ветер начал резвиться на улицах посмелее, подлетел к окну, привлеченный светом, и протиснулся в щель дымохода. Удивленно прошелестел он по комнате, дунул на чудом уцелевший около камина скомканный лист бумаги. Тот, опаленный по краям, тяжело, как раненый боец, перевернулся и замер, готовый умереть. На груди листа все еще читался обрывок недописанного стиха.

Ветер нежно пробежал по непокорным волосам юноши, смущенно, будто возвращая тайну, перевернул обгоревший лист и выскользнул сизой дымкой через дымоход на улицу.

Начинало светать. Город окунался в предчувствие зари. Казалось, весь его вид говорил: «Прожили и эту ночь. Вот оно, утро, дождались».

К счастью нет иных путей, нежели
чем осознание счастьем самого пути
его достижения.

МОЛОДОСТЬ МЫСЛИТ

(Новогоднее обращение)

Уже двинулся в жизнь очередной новый год. Конечно, он должен быть богаче и полезнее всех прожитых нами предыдущих лет. Хочется ощутить это и закрепить в своем сознании чувство надежды на сбыаемость идей и желаний, лучше мечты. Убедить себя в непоколебимости воплощений смыслового осознания полезности бытия. Элементарной нужности завтрашнего дня. Недели. Месяца. Года. Жизни всей!

Вот он — очередной новый год.

Вооружайся мечтой и вперед!

Живи во времени так, чтобы оно отсчитывало твое приближение к намеченной цели. Страшно, если нет в жизни цели; больно, если есть цели низкие; обидно, если есть иллюзорные цели; противно, если жалкие цели есть.

Прекрасно, когда есть цели великие, а потому пока далекие и на первый взгляд кажущиеся недостижимыми.

Что может быть достойнее тех дней, которые ты начинаешь с воплощения (безоговорочно удачного) своей грандиозной надежды-мечты? Предвкушение торжества победы приятно волнует воображение, предстоящее счастье уже впустило тебя в свои упоительные просторы, и ты, еще не ощутив достижение цели, уже вкушаешь само счастье. Трудности на твоём пути только укрепляют желание достичь свою цель. Отсюда — борьба, погоня.

Достижение цели превращается в настижение ее. Вот бы настичь ее пораньше!

А там заблестят новые. Пока еще неизвестные, спрятанные в предстоящих новогодних горизонтах, они уже зовут своей неизвестностью, манят своим величием, будоражат грандиозностью своей.

Я тороплюсь к вам. Я в пути.

На жизнь потраченное время.

Не человечеству — людям.

С сожалением за пропасть между нами.

С благодарностью

за возможность навести через нее мост.

Навести, чтобы самому же когда-нибудь его сжечь...

Андрей Логинов

НАЗИДАНИЕ

Стихи, этюды,
миниатюры

Редактор Анна Марголина

Дизайн обложки Павла Лосева

Художественные редакторы Сергей Нечаев,
Владимир Носков

Верстка Светланы Широкой

Корректор Александр Райхчин

Издательство «Симпозиум»

191186, Санкт-Петербург, ул. Думская 1–3

Тел./факс +7 (812) 312-14-40

e-mail: symposium@yandex.ru

<http://www.symposium.su>

Подписано в печать 07.04.2014. Формат 84×108¹/₃₂.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 23,1.

Тираж 3000 экз. Заказ 226.

Отпечатано в соответствии с предоставленным оригинал-макетом
в ОАО «ИПП «Уральский рабочий»

620990, Екатеринбург, ул. Тургенева, 13

<http://www.uralprint.ru>

e-mail: book@uralprint.ru